

уральский

следопыт

№3**** 1978

Перстень Львикина

В 1827 году выдающийся русский художник Василий Андреевич Тропинин написал одно из лучших своих произведений - портрет А.С. Пушкина, ныне всемирно известный. Портрет был заказан праславянской живописцу С.С. Соболевскому, близкому приятелю поэта, который, ... был не только приглашенным и принятым человеком, но и портретом Пушкина, какой тогда появились. Ему хотелось сохранить изображение поэта, как он есть, как он бывал чаще, и он просил Тропинина ... нарисовать ему Пушкина в домашней обстановке, распятого, с завитыми мистическим перстнем на большой палец одной руки, перстнем, которому поэт придавал особенное значение...

Говорят, что Тропинин, словно чувствуя недоброе (дело в том, что картина была украдена и случайно разломалась только лет через тридцать!), сделал на戒指е перстня такой отблеск, какой бы не могла повторить ни одна подделка.

Много легенд, фантазий и слухов сложилось вокруг этого загадочного перстня.

Какова же его изначальная история?

В номере:

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Б. Вайсберг ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МУЗЫКА	2
ДОМИК-ПРЯНИК	8
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	10
М. Петров РАЗ СОСНА, ДВА СОСНА...	12
В. Бугров ЗОВ ИНЫХ МИРОВ	16
Ю. Рязанов ЭТИ СТАРЫЕ, СТАРЫЕ КНИГИ	17
В. Новиков ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ. Повесть. Окончание	22
В. Боков ДЕНЬ САМЫЙ ДОЛГИЙ И САМЫЙ, ПРЕСАМЫЙ ПАСТУШИЙ... Стихи	40
Ю. Немиров «НЕТ РУКИ МОГУЧЕЕ, ЧЕМ У РЕВОЛЮЦИИ...»	44
БУДУЩЕЕ ЗЕМЛИ	47
А. Дулов В БОЙ ИДУТ СЛОНЫ	49
И. Грачев СМЕЛЫЕ РЕБЯТА	52
В. Сукачев КАРЫСЬ	55
М. Чудакова ТИХИЙ СТАРИК	68
В. Машин ВАРИАНТ ЛЮБИМОВА	71
А. Матвеев ЯЗЫК ЗЕМЛИ. Продолжение	72
Е. Кончин ПЕРСТЕНЬ ПУШКИНА	75
В. Башков СДЕЛАЙ САМ	76
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь).

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:
620219
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются.
Сдано в набор 30/XI 1977 г.
НС 11003.
Подписано к печати 11/II 1978 г.
Бумага 84×108^{1/2}/₁₆.
Печатных листов 2,62
Учетно-издательских листов 10,9
Тираж 275 000.
Заказ 595.
Цена 35 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий».
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
А. КОПЫСОВА.
Оформление 2-й стр. об-
ложки С. МАЛЫШЕВА.

© «Уральский следопыт», 1978 г.

№3 * 1978

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

Функциональная музыка

Рассказ наставника

**Борис
ВАЙСБЕРГ**

Оформление
А. Копысова

Когда стало известно, что нам дают новую машину, до меня вдруг дошло: а люди? Кто останется на подготовке информации? Колю Швецова заберут на новую, это как пить дать, и подготовительные машины окажутся без электромеханика. Что делать? Пошел я к начальнику ИВЦ, решили так: он срочно дает заявку в отдел кадров, а я ищу среди знакомых.

Примерно знаем кого надо — десятиклассников, готовых механиков никто не даст. Диплома не требуется, главное, чтоб у человека руки были при нем и голова на месте. Чтобы любил ломать, остальному научим, как говорит начальник нашего информационно-вычислительного центра.

Искал везде, а нашел у себя в подъезде. Соседский мальчик Валерка Лузин. Летит время! Вчера еще бегал он по двору с клюшкой и гонял на велосипеде. Надоел мне с этим велосипедом, то «восьмерку» ему выправлял, то втулку тормозную регулировал. Заходил Валерка ко мне и с задачками по физике и математике. За седьмой я их щелкал как орешки, за восьмой и девятый — с трудом. А нынче он кончает десятый, и я уже не каждую задачу понимаю. Когда учился, мы такого не проходили. Но Валерка по-прежнему забегает, приносит что-нибудь отремонтировать, трансформатор перемотать или просто паяльник попросить.

Недавно принес автоматический электропредохранитель — пробку с кнопками. Как только мать включает стирмашину, говорит, автомат вырубает энергию. Разобрал человек пробку, хотя она запломбирована, а собрать не может. Мать испугалась — еще пожар устроит, и послала ко мне. Они с матерью вдвоем живут, Валерка — за мужчину, пытается что-то по дому делать, но больше ломает, чем строит.

Глянул я на разобранный автомат и сразу увидел то, за что мы у себя на работе жучим молодых электромехаников. Нельзя отгибать рычажки, пока не поймешь, как они действуют. В автомате есть такая

лапка — размыкает цепь при повышении тока. Если сильно ее отогнуть, можно беды натворить, пожар — не пожар, но на главном щите все пробки выбьет.

— Знаешь, какая главная заповедь механика? — говорю Валерке. — Не уверен, не разбирай.

— Я же не механик, — улыбается он.

— А хочешь им стать? Узнаешь и другие заповеди.

Мое «прощупывание» не увенчалось успехом. Валерка пожал плечами, ничего не сказал, поблагодарил за собранный автомат и ушел. А вечером я встретил его мать во дворе. Спросил, что намерен делать парень после школы. Мать запричитала: ни о чем не думает, боится она за него, с плохой компанией стал водиться. Пусть идет работать, поможет семье, сама она болеет, пенсия маленькая. Да и работа, если будет интересная, отвлечет от дурной компании. Говорит, а сама смотрит на меня так жалобно. Я сказал, что могу взять парня к себе в помощники. Специальность, по-моему, для него подходит, и интересная. Называется электромеханик по устройствам подготовки данных для электронно-вычислительных машин.

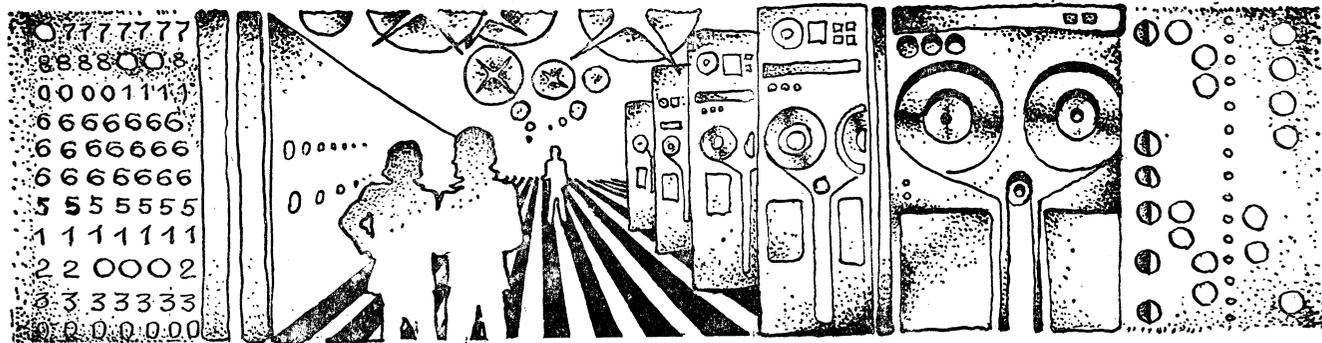
— Ой, а он разберется там с этими электронами?

— Не волнуйтесь, он их не увидит, они на другом этаже.

Объяснил матери, как проехать на завод, куда обратиться, где отдел кадров. Пусть приходит с утра пораньше, пока профилактику машины проходят — два часа.

Вскоре Валерка пришел на ИВЦ, нашел меня, но все равно опоздал — профилактика уже закончилась. Не учел я, что пока парень будет бродить по незнакомому заводу, больше двух часов уйдет. А жаль: в это время очень удобно знакомиться с машинами: их раскрывают, чистят, регулируют, смазывают — все хорошо видно. Когда операторы садятся за клавиатуру, начинают бить информацию, не до знакомства. Но не от-

правлять же человека домой! Ладно, идем к машинам.

— Прямо сейчас, дядя Витя?

— А чего тянуть? Только учти — здесь мы с тобой не соседи, договорились? Я не дядя Витя, Виктор Степанович, а ты для меня — Валерий, напомни, если забудусь.

Заходим на участок — Валерий даже вздрогнул. Треск стоит сплошной, перфораторы бьют словно пулеметы. Двенадцать машин у нас: пять простых перфораторов, три «Зоемтрона», один карточный, два репродуктора и два УПДК — устройства подготовки данных на картах. Но Валерка, то есть Валерий, их, видимо, не различает. Для него они пока вроде одной большой машины, у которой со всех сторон что-то дергается, стрекочет, вертится. И девушек-операторов тоже, должно быть, не различает или вообще не видит. А они, конечно, глазами зырк-зырк, не поворачивая головы от документации. Ну как же, новый парень появился! Вот разговоров-то будет в перерыв.

Стоит мой Валерий как вкопанный. Понял я — это первое впечатление на него действует. Такое врежется в память на всю жизнь. Сам хорошо помню до сих пор, как меня впервые подвели к подобным устройствам. После видел и обслуживал более сложные, но первые остались в памяти. И то сказать, человек испугаться может, тоже на всю жизнь. Отвел я Валерия в уголок, там у нас столик с инструментами стоит и пылесос. Посадил на этот пылесос, дал инструкции по перфораторам, чтоб изучал. Пылесос, видимо, его успокоил, он поерзал на пуфике, заулыбался:

— У нас дома такой же «Урал», это для уборщиц, что ли?

— Ошибаешься, пылесос — наш важнейший инструмент. Сам будешь с ним работать.

Я ушел. Забот у меня много — готовили место для новой машины ЕС-1022 третьего поколения. Через час спохватился, отругал себя: посадил парня среди стрекочущих машин и дюжины незнакомых девочек, сунул инструкции, которые для него сейчас муть заумная, и — оста-

вил. Сбежит и больше не придет. Начинать знакомство нужно с практики. А инструкции после прочтет, по ходу дела. Вот так, думал я, с ходу отталкиваем ребят, которые характером послабее.

Поспешил в перфораторную, на участок. Там пусто, все девушки-операторы вышли на перерыв. У них каждый час на 10 минут остановка, так полагается, чтобы уменьшить вероятность ошибок из-за усталости. Но Валерий, к счастью, был на месте. Читал инструкцию и хихикал.

— Что смешного нашел? — спросокоился я: не скис мой подшефный.

— Да вот — написано про устройство перфоратора: улитка давит на собачку, которая своим хвостиком упирается в рейку.

Мы-то привыкли к этим названиям, а он свежим глазом заметил... Действительно, смешная картинка. Там есть даже две собаки — тормозная и пропускная, после увидит. А Валерий опять смеется: «Перфокарта из магазина попадает в приемный карман», — и хлопает себя по штанам. Ладно, пусть смеется на здоровье. Это у него сейчас прощание с детством, как я понимаю. Последние минуты перед вступлением во взрослую рабочую жизнь.

Подвел я парня к старому перфоратору. На нем уже давно не работают, а выбрасывать жалко. Дал орудия труда: отвертку, кисточку, тряпку, колбу со спиртом, а пылесос сам знает, где стоит. Велел снять крышку, аккуратно смахнуть пыль кисточкой, отпылесосить, протереть спиртом и снова поставить крышку. А вот здесь и здесь, говорю, ни в коем случае не трогай. Шибанет — костей не соберешь: высокое напряжение. Он никак не распротится с детством — улыбается: дома несколько раз било током.

— Дома 220, а здесь на блоке питания 380 вольт. Вообще, запомни первую заповедь электромеханика: не суй нос, куда не след. Усвоил? Повтори. Молодец, действуй.

— А вторая заповедь: не уверен — не разбирай? Вы мне как-то говорили.

Значит, и ее усвоил, совсем молодец. Строго говоря, я не имел

права подпускать несовершеннолетнего к высокому напряжению. Хотя перфоратор и отключен, но еще в армии нас учили: и палка раз в году стреляет. Иду на нарушение инструкции: бумага слепа, а я парня знаю и отвечаю. Пока выучится — восемнадцать лет как раз исполнится.

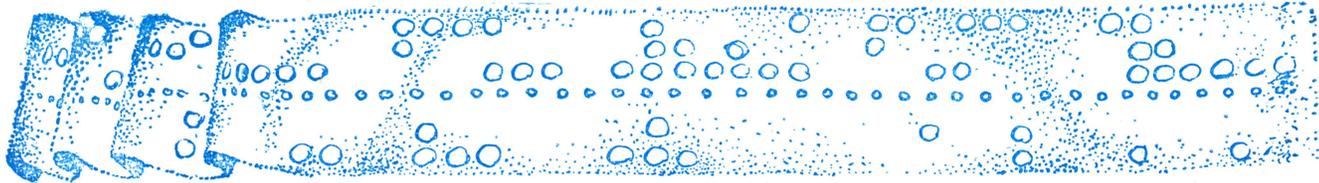
Есть у нас опытный механик Коля Швецов, серьезный парень, с усиками, армию прошел. К нему и прикрепил я Валерия, велел ходить за ним хвостом. Коля все объяснял, иной раз сердился, если ученик непонятливый был или что-то ломал. Перфоратор — машина очень простая, за пару-тройку месяцев любой может его освоить. Вскоре Валерка уже спокойно разбирал и собирал перфоратор, и до того освоился, что однажды чуть не сжег его. Видимо, отверткой зацепил контакты, закоротил — дым пошел. Николай пошипел немного, я тоже было рассердился, но сдержался. Толком не научили человека, а ругать горазды, да еще двое одного. Вспомним, говорю Коле, как мы сами начинали: неужели ни разу ничего не жгли?

— У меня осциллограф горел, — сказал Николай, поглаживая свои шикарные усики.

— А я в армии чуть радар из строя не вывел, представляешь, что это значит!

Другой раз заглянул в перфораторную, вижу картину: сидит мой Валера за клавиатурой и гоняет перфокарты туда-сюда. Так увлекся, что не видит никого и ничего. Профилактику он уже закончил и теперь заигрался. Видно, вспомнил, как в первый день смеялся над собачками и улитками, магазинами и карманами. Парню пора разряд присваивать, а он словно ребенок — игрушку нашел. Хорошо, хоть карты не портит, одни и те же бьет. Пришли девушки и вытолкали его: «Вставай, Валерочка, нам работать надо».

Я вспомнил, какая с этими девочками была история. Недавно около дома меня поджидала мать Валерия. И с ходу сообщила, что

сын не хочет идти на работу. Первое время охотно ходил, рассказывал ей про свои дела, приносил такие бумажки с дырочками, объяснял про колонки, пуансоны какие-то. А вчера уперся: «Не пойду, и все!» — «Что случилось, сыночек?» — «Они насмешки строят».

Оказывается, ничего страшного. Девчонкам скучно целый день бить информацию, вот они и развлекаются, как могут. Выдернут шнур из сети и зовут: «Валерочка, подойди ко мне, не работает УПДК». Он старательно ищет повреждение, ничего не понимает — все исправно, а признаков жизни нет. Зовет Колю Шведова, пока ходит за ним, девчонки врубят шнур в сеть. Коля приходит — все работает. Уйдет — опять выдернут и зовут Валерия. Наконец, он пошел по цепи, все понял и обиделся.

Пришлось поговорить с девчатами, зачем смущают человека. Ему и без того нелегко, новую жизнь начинают.

— Да мы любя, Виктор Степанович, — кричат они сквозь стук машин.

— Любите про себя, и помогайте вслух.

В тот раз мамаша его еще сказала, что кажется ей, будто выпивает Валерка на работе. Она, мол, этот запах на всю жизнь запомнила, когда маялась со своим бывшим мужем, и от Валерки водкой пахнет. Я все понял, успокоил ее: это одежда пахнет техническим спиртом. Моя Надежда тоже поначалу удивлялась, почему от меня несет. Я ей объяснил, потом инструкцию показал. Там ясно сказано: норма расхода спирта на профилактику, допустим, лентопротяжного устройства 105 граммов в день. Мы так и смеемся: лентопротяжка — самый большой алкоголь. Остальные механизмы требуют меньше. На перфораторы идет 200 граммов на 10 машин. За технику безопасности Валерий расписывался, знает, что гидролизный спирт категорически запрещено пить.

Словом, меня это дело меньше всего волновало. Спирт испаряется без следа, тем он и хорош. А что останетса? Должно остаться мастерство, трудолюбие. Но не только, что-то еще.

Честно сказать, я не умею воспитывать и не люблю мораль читать. Знаю только, что ко всему приходят через труд. У самого растут два солдатика-погодка. Млад-

ший прошел полный курс «молодого бойца», закончил ходить в садик. Старший переполз во второй класс. Купил им электрифицированный луноход — модель. Нат, орлы, разбирайте. Они набросились, Надежда моя волнуется — раскурочат такую дорогую игрушку. Вот и хорошо, говорю, пусть курочат, им это нужно. Я отремонтирую и снова даю. Наконец, они научились сами разбирать-собирать, перезаряжать батарейки, подсоединять концы. По-моему, у младшего получается даже лучше, чем у старшего.

Как-то я проводил «Консулу» профилактику. Руки сами делают, что полагается, а краем глаза наблюдаю, как Валерка «Зоемтрон» собирает. Там каретка на четырех винтах крепится. Ставит он винты правильно — по диагонали, крест-накрест. А заворачивает неверно, до упора. Нужно понемногу подтягивать, тогда каретка встанет точно по центру, без перекоса. И крутить винты нужно мягко, недолго резьбу повредить. У хорошего механика руки сильные, а пальцы чувствительные. Вот он опять снимает каретку, не может поставить на место. Я хотел подойти, подсказать или показать — пример лучше совета. А еще лучше, пусть сам помучается, быстрее поймет. Нет, не может догадаться, что надо плавно покачивать. Подошел, показал. И заметил, что один рычажок отогнутый. А рычаги все каленые, не лобят, когда их гнут, могут сломаться. Гни, да не перегибай, — так мы говорим.

— Это тоже заповедь? — спрашивает Валерка. — У вас на каждый случай есть правило?

Есть. Это не мои правила, у любого механика спросить, он скажет то же самое. Если толковый механик, конечно. А начинающие лобят исправлять нашермачка. Контакт плохой, они вместо того, чтобы зачистить клеммы и проверить тестером цепь, рычажок подогнут и думают — исправили. На самом деле кинематику нарушили. Вообще, пора Валерку к тестеру приучать. Очень удобная штука: прозвонил цепь и сразу ясно, где не контактит. А еще раньше — пользоваться пробником. Я вообще считаю, что в наше время каждый грамотный человек должен иметь при себе пробник. Так же, как, допустим, авторучку. Пробник и похож на ручку или карандаш. Электричество сейчас кругом, приборов бытовых масса,

приложил пробник к контакту и видишь по лампочке — есть напряжение или нет.

Так мы работали. Я радовался, глядя, как Валерий втягивается в трудовую жизнь и чувствует себя все увереннее. Однажды ехал я в трамвае домой вместе с председателем нашего цехкома. Слушай, говорит, из завкома запрашивали, есть ли у нас в ИВЦ наставники. Я ответил, что таковых не имеется. Служба у нас инженерно-техническая, рабочих мало, молодых тем более. Может, оформим тебя наставником? Вон как хорошо твой Лузин растет.

— Какой я наставник! Жизнь заставляет, вот и вожусь с парнем. Работать на перфораторах некому, начальство не чешется, самому приходится искать и учить с нуля. Это моя обязанность — дать профессию, а наставник — что-то другое.

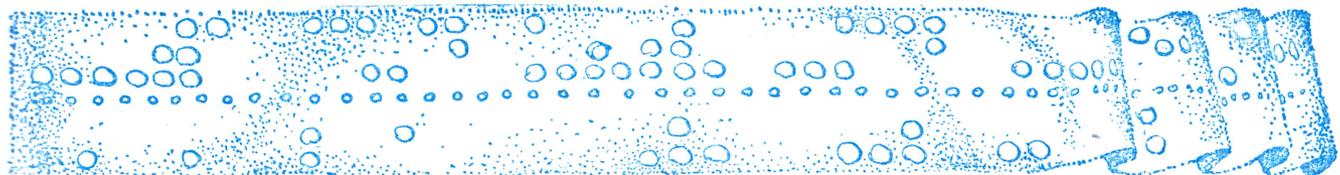
— Ты брось мне заливать, я вижу, где по обязанности, а где по душе. У тебя к этому делу явно способности, давай не отказывайся.

Я снова свое: читал недавно в газетке — один ученый пишет, что прежде всего следует уточнить три вопроса: кто должен наставлять, чему наставлять и как наставлять. Вот это умный подход. А я что? Знаю только, что надо пораньше приучать ребят все делать своими руками. Вот и все мои способности. Преддехкома и вовсе оживился: раз человек статьи читает и свои мысли на сей счет имеет, значит, все в порядке. Завтра же оформим тебя, кричит на весь трамвай, и ответ в завком дадим положительный.

Я смеюсь про себя: человек хочет хороший отчет иметь, шут с ним, пусть пишет. Только попросил его помочь связаться со школой. У нас, говорят, есть подшефный класс, вот бы встретиться с ним.

На другой день подходит ко мне Оля Шурина, комсорг ИВЦ, ее все зовут Шура Олина. Я ей свою мысль рассказал: пригласить к нам на экскурсию ребят. Пусть посмотрят, чем мы заняты, может, кому-то понравится.

Оля, как и председатель цехкома, тоже обрадовалась. Неужели тоже для птички-галочки? Кто мешал ей самой до этого додуматься? Сильны мы на формалистику. Не успеем начать какое-то доброе дело, сразу же — справки, отчеты, бумаги...

Валерку искал долго. На перфораторном участке нет, и на больших ЭВМ тоже нет — он туда повадился заглядывать. Нашел в механической мастерской, он там что-то делал. Заметил меня, засуетился, стал прятать свои железки. Но я разглядел — похоже на приставку к гитаре. Он в ансамбль записался, получил электрогитару, болгарскую, басовую, «Пловдив». Ребята рассказывали, хочет сделать к ней пищалку, квакушку, еще какую-то приставку. Ладно, пусть возится, лучше, чем анекдоты слушать в дежурной. Сделал я вид, будто не заметил, чем занимается человек в рабочее время, рассказал про школьников.

— Хорошо бы, ты им показал машины. Могу и я, но тут важно, чтобы ты — вчерашний школьник.

Посоветовал поговорить по-свойски с ребятами. Задача такая: убедить школяров, дело это вполне им по силам, важное и интересное. Валерка отказывался: не знаю, не умею, ну хорошо — попробую.

— Только вы будьте близко, в случае чего — помогите, подскажите.

— Обязательно. Ты поменьше напирай на устройство машин, побольше разных историй расскажи. Как чуть не сжег перфоратор, как девчонки шнур выдергивали.

А насчет приставки, которую он мастерил, я посоветовал сделать проще. Корпус взять от списанного электронного блока, тумблер — от осциллографа, в моем ящике лежит. Валерка опять смутился, потом обрадовался, побежал искать детали. А я начинаю кое-что понимать. Человек освоил три типа перфораторных устройств, значит, что? Значит, скучно ему стало, вот что. Он и гитарой занялся, должно быть, от скуки. Прозевал я момент, когда надо было поставить перед парнем новую задачу, более трудную. Какую же? Наверно, пора подпускать его к сложным машинам. Пожалуй, реперфоратор будет ему по зубам. Есть у нас такая машина — для получения неограниченного числа копий с перфокарт. А затем к «Консулу» подпущу — самая сложная машинка по части механики. Однако все это техническая сторона, специальность мы парню дадим. Чему же еще надо учить? Вот второй вопрос, о котором писал в газетке ученый.

К тому времени мы уже получили новую ЭВМ третьего поколения. Колю Швецова забрали на ее обслуживание, как я и предполагал.

Но мне не страшно, у меня есть теперь Валера Лузин. И станет он отныне главным моим помощником. Надо, чтобы он почувствовал эту ответственность. Быть может, чувство ответственности и есть то, что нужно прививать молодым в первую очередь после овладения основами специальности? Но как, как прививать? Это уже третий вопрос ученого. И я почувствовал, что оба мы с Валеркой начинающие. Он учится работать, а я — наставляя его на путь истинный.

Школьники появились в ИВЦ, когда у нас была запарка. Сразу два перфоратора вышли из строя. Я позвал на помощь Колю Швецова, мы взяли по машине, а Валерий повел ребят по участку. Какие они высокие да худые, и какие все грамотные, веселые. Но боже мой — какие беспечные! Толкаются, задирают друг друга, галдят. Или я чего-то не понимаю? Через полтора года люди кончат школу, начнут самостоятельную жизнь, многие пойдут работать. Не хватает им серьезности. Впрочем, ничего страшного, мой Валерка был точно таким же.

Из школяров я заметил одного — рыженького. Спокойный такой, независимый, ходит — руки за спину. Отделился от остальных, подошел ко мне, стал смотреть, что я делаю. Руки у меня заняты, я попросил подать отвертку. Такая у нас есть проверочка: держал ли человек инструмент. Рыженький взял отвертку за перо и подал ручкой вперед. Молодцом! Понимает, что неудобно мне одной рукой перехватывать.

— Что скажем? — спрашивает.

— Что спросим.

Ах ты, чертенок! Люблю непуганых ребят, которые не робеют перед взрослыми, не чувствуют себя в чем-то виноватыми.

— А спросим, не желаете ли попробовать свои силы?

— А что требуется?

Вот это уже деловой разговор. Я предложил взять паяльник и соединить два конца цепи. Видно, что паяльник для него знаком, но практики мало. Не прогрел хорошенько, флюса сыпет многовато, и олово кладет неровно.

Пока мы с рыженьким занимались, я слышу — Валера там в ударе. Ребята ему в рот смотрят, а он вошел в роль, целую речь толкает.

— В нашем деле много заповедей, но мне больше всех нравится: «Знай, где ковырнуть». Так говорит наш мастер. (Это меня мастером зовут, хотя по штату у нас такой должности нет). В молодости он работал на вызовах по ремонту телевизоров. Однажды выписал квитанцию на два рубля, хозяин заворчал: «Поковырял минуту и такие деньги, за что?» — «20 копеек за то, что ковырнул, 1 руб. 80 коп. за то, что знаю, где ковырнуть».

Школяры загалдели, довольные. А мой новый знакомый закончил паять. Не блеск, но для него хорошо, после перепаю. Посадил я парня на место оператора, зарядил магазин старыми картами, показал, как с клавиатурой обращаться. Он потихоньку застучал, на звук потянулась вся его школьная братия, окружили нас.

— Человек собственными руками наладил машину, — говорю, — и заслужил право поработать на ней.

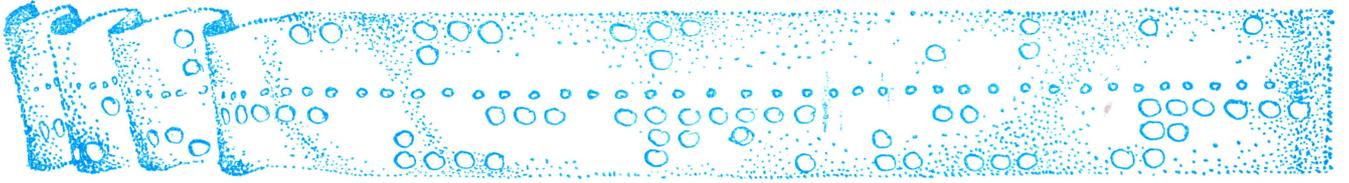
— А нам можно, хоть немножко!

Пришлось организовать конвейер: каждый садился за клавиатуру, пробивал несколько карт и уступал место следующему. И лица у них были при этом! А рыженький стал героем, ему церемонно пожимали руку и поздравляли с выдающимся трудовым достижением. Ах, чертенька!

Кто-то спросил, можно ли посмотреть саму электронно-вычислительную машину. В другой раз, пообещал я, вот отладим окончательно новую ЭВМ, тогда пригласим в гости. И вообще много в один день смотреть не нужно, все в голове перепутается.

В общем, школьники, кажется, ушли довольные. И Валерка позавеселел, видно, увидел себя со стороны. Я тоже понял, что на верном пути, только раньше надо было все это начать. А вскоре другой случай заставил задуматься. Собственно, эпизод сам по себе мелкий, но для меня теперь все, что связано с моим подопечным, стало важным.

В выходной день заглянул я к Валерке. Дома его не было, ушел на репетицию. Мать обрадовалась, засуетилась с угощением. Потом стала водить по квартире, показывать творчество сына. И надо сказать, был я доволен. Человек уже больше строил, чем ломал! Оснастил старую стиральную автоматикой для остановки по времени. Я узнал нашу списанную релюшку —

вот для чего он ее попросил. Сказал бы прямо, я бы подобрал по-лучше. На кухне часы-ходики модернизировал. Мать подвела стрелки на равное время, и вместо кукушки выскочила фигурка с гитарой и тренькнула по струнам. Ничего особенного, механизм-то Валерка не изменил, но все равно молодец. Мать счастливо улыбалась и рассказывала, что в прошлое воскресенье он смотрел по телевизору передачу «Очевидное — невероятное». Показали старинные часы, особенно Валерку поразили часы «Павлин», как у этого павлина хвост распускается. «Вот это да! — кричит, — куда мне, мама, со своим гитаристом!»

И еще показала, какую тонкую насадку он сделал к пылесосу, удобно в узких местах отсасывать. Пожалуй, такая штука и на работе нам пригодится. Надо будет попросить его сделать. Я спросил насчет той компании, с которой Валерка связался. Отошел от нее, теперь у него другая компания. Приходят сюда, домой, и возятся с музыкальными инструментами, что-то мастерят. Мешают, конечно, матери отдыхать, но посоветовал ей потерпеть. Пусть лучше у нее на глазах занимают, чем где-то. Да, конечно, она понимает. Кстати, эти ребята уговаривают Валерку поступать в музучилище. Как я к этому отношусь?

Но самое главное, ее волнует вот что. Мать видела, как сын делал из персиковых косточек сережки. Полировал, лаком красил, ключочки приклеивал. Матери-то уж поздно такие носить, чует ее сердце — у Валерки девчонка появилась. Не в курсе ли я, что она за человек? Не у нас ли в ИВЦ работает, может, я узнаю? Валерка ей рассказывал, что я у него наставником.

Я обещал узнать, а когда ушел, задумался. Как я буду про девчонку узнавать? Нет уж, тут я пас, в таких делах не мастер. Ну и что — наставник. Наставляй, да меру знай.

Расскажет мне парень про нее — хорошо, нет — его дело. Теперь другое — музучилище. Что это значит? Значит, окончит училище и уйдет от нас. Опять же, кто работать на подготовке будет? И получился у меня внутренний диалог. «Какой ты к черту наставник, просто у тебя цель, чтоб на машинах человек был. — Допустим, это цель — минимум, а максимум — помочь тому человеку, кто бы он ни был, определиться в жизни. — Поможешь, а

он от тебя уйдет. — Неизвестно, может, музыка останется для него увлечением. — А если механика увлечением? — Ну и слава богу! Почему надо человеку мешать? Никуда же он не денется, останется нашим советским человеком».

В таком духе я долго разговаривал сам с собой. Потом вспомнил того — рыженького. Надо не упустить его из виду. У парня явные способности к технике.

Вскоре представился случай — пригласили в школу. А было так. Накануне Валерка насмешил меня, а сначала расстроил. Уже не раз я замечал, что нарушает мой подшефный одну из заповедей: гнет рычажки. Въедливая эта привычка, я понимаю, сам долго не мог отучиться. Валерка уже освоил «Консул» — частичная разборка, чистка, смазка, сборка. Девочки-операторы иногда жалуются: «Скрипит что-то, Валерочка, посмотрел бы, на нервы действует». Я обычно найду, где скрипит, капну масла, и скрип исчезает. Коля Швецов делает проще, отвечает им: поскрипит и перестанет. А Валерка жалеет девчонок, начинает копать в «Консуле», не сразу найдет причину и подгибает пластинки. Пришлось замечание сделать. А он в ответ:

— Вы ведь тоже иногда гнете, дядя Витя.

— Ты, дружок, с меня пример не бери, — расстроился я, — я знаю, где и сколько можно подогнуть. А твои руки еще не чувствуют.

Тут важно чувство меры, в любом деле оно требуется, как я понимаю. А чертенок мой улыбается: знает, когда можно называть меня по-соседски.

— Ладно, не буду больше. Значит, вы серьезно решили стать моим наставником, дядя Витя?

— Если ты не возражаешь, конечно.

Он прыснул и спрашивает, хочешь ли анекдот на эту тему. Ишь ты, уже нахватался в дежурке. Ну давай анекдот, если интересный. Оказалось, что я читал его в «Крокодиле», только не в связи с наставничеством, а, кажется, в «Нарочно не придумаешь». Продавщица пишет записку своей молодой сменщице: «Клава, молоко не разбавляй, я уже разбавляла». С таким анекдотик рассказан! Будем считать сыграли один — один. А мне надо самому не давать повода. Они ведь все замечают, молодыми глазами.

Тут и подходит Оля Шурина и говорит, что школьникам очень понравилась прошлая встреча, зовут к себе того мастера, который рыжему паять давал, рассказать что-нибудь о работе, о машинах. Пошли мы с Валеркой. Это у себя в ИВЦ я смелый, а в школе еще стесняюсь, вот подшефный мой и поможет. Он в этой школе учился год назад, его знают и он многих помнит. Если собьюсь, говорю, ты мне подсказывай. А он, конечно, без шпилек не может: вообще-то подсказывать в школе нехорошо, дядя Витя.

В класс я принес с собой пакет перфокарт, рассказал, как набивается информация, как загружается этот пакет в ЭВМ, как машина уже сама все делает, решает задачу. В этот момент рыженький поднял руку и серьезно спрашивает:

— А можно ли научить машину делать уроки?

Все засмеялись, а я думаю: ничего смешного, вполне можно, только как им это объяснить?

Валера меня выручил:

— Надо научиться составлять программу, а для этого сначала нужно самому уроки делать.

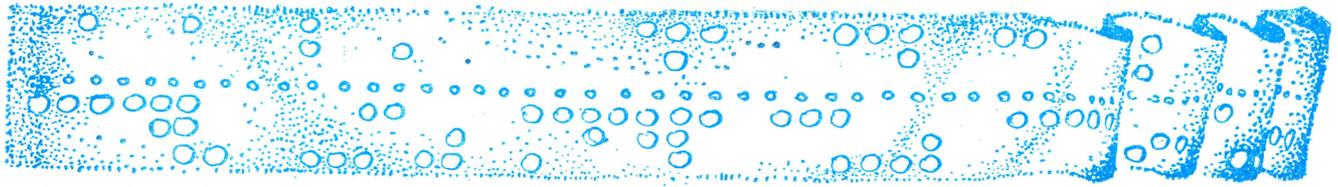
Вот это правильно! И тогда посыпались вопросы: за сколько времени можно освоить машины, какая зарплата у Валерия, как проверить свои способности к механике. Один даже спросил, на каком коде мы работаем, а другой — можно ли организовать в школе ансамбль. Вот и хорошо, что перешли на музыку, я отвечу насчет способностей, а дальше пусть Валерка отдувается.

Проверить себя просто: если получаешь удовольствие от того, что копаешься в механизмах, значит, что-то у тебя есть. Остальное в деле проявится. Я читал, что способности, допустим, к музыке или математике, определяют рано и довольно точно. К технике пока не умеют, а может быть, особых способностей и не бывает. Вот у меня в первые годы плохо получалось, потом втянулся — не жалею, нравится это дело. Я сейчас подумал: мы, пожалуй, сможем отдать вам в школу старый перфоратор. Копайтесь, разбирайте его, а сами присматривайтесь. А после Валерка стал отвечать на остальные вопросы.

— Боюсь я, — тихо сказала мне учительница.

— Не бойтесь, — говорю, — парень он шустрый, не собьется.

Оказалось, боится, она не за

Валерку, а за класс. Точнее, за себя, как я понимаю. Полкласса уже надумало идти в ИВЦ, парни — электромеханиками, девочки — операторами. А как же институты, техникумы? У них в школе считается: если выпускник пошел работать, значит, плохо учили. Я успокоил учительницу: как надумали, так и передумают. Придут к нам пятнадцать человек, отсеется пять, потом останутся пятеро, и закрепятся двое-трое. А про себя думаю: хорошо бы среди тех, кто закрепится, оказался и рыженький мой. Я бы из него классного механика сделал.

А Валерка тем временем на все вопросы ответил. Код у нас нечетный, но при желании можем переделывать на четный; освоить перфораторы можно за три-четыре месяца, и за год-полтора другие машины. Зарплата 100 рублей на руки по третьему разряду, с перспективой роста до шестого разряда, соответственно и заработок вырастет. А ансамбль вполне можно создать, доставайте инструменты. И еще сказал:

— Помните, когда вы были у нас в ИВЦ, мы говорили о заповедях. Так вот, есть самая главная: много дорог надо пройти, прежде чем выбрать одну. Узнаете?

— Узнаем! — закричали все: — Выросли дети, им горя мало...

Я спросил у учительницы, о чем речь. Она сказала, есть такая молодежная песня, они ее очень любят. В общем, Валерке уходить не хотелось, они уже ансамбль с ходу организовали, кричали, кто на чем играть будет. Из школы я ушел один и всю дорогу думал о Валерке, о рыженьком, о себе и своих солдатах-погодках, о той песне. Не успеешь оглянуться, вырастут дети и станут перед выбором: по какой дороге идти?..

На работу я обычно прихожу за полчаса до начала. А тут как-то замешкался, вышел поздно. Слышу — грохот сверху, Валерка несется вниз по лестнице. Пошли вместе.

— Как настроение, сосед? — спрашиваю.

— Нормально, дядя Витя.

Что ни спросишь, все нормально. С некоторых пор стали меня интересоваться такие вещи, как человек на работу идет. С каким чувством, охотно или без желания. По-моему, это о многом говорит, если умеешь, конечно, замечать.

Валерка идет как будто с интересом, хоть и отвечает — нормально. Я спросил, чем думает заняться сегодня после профилактики. Вообще-то, у меня заготовлена для него работка, но хотелось услышать его мнение.

— И вообще, какие мысли имеем, мечты? — спрашиваю, а сам думаю: тут ты «нормальным» не отделаешься, дружок.

— А у меня их две — мечты: минимум и максимум.

Очень интересно. В точности как у меня — две цели. Какие же это мечты, если не секрет? Выясняется следующее, после чего я не знал, радоваться ли мне или посмеяться и забыть. Как минимум, мой подшефный надумал заглушить перфораторы. Опять пожалел девушек, они жаловались на утомление от стука. Оказывается, уже и эксперимент проводил; обкладывал изнутри корпус машины поролоновой прокладкой. Глушит, но мало. Вычитал из литературы, что есть новые изоляционные материалы, которые почти полностью гасят звук. Не знаю ли я, где можно их достать?

— А максимум — верно, с музыкой связано, с училищем? — прямо спросил я.

Валерка помялся, сказал, что училище — это пока так, для себя.

— Но с музыкой связано. Если удастся приглушить перфораторы хотя бы наполовину, тогда можно включить на участке специальную музыку. Ученые пишут, что она снижает утомляемость.

Ну и дела! Фантазер оказывается мой Валерка. Слышал я про эту музыку, функциональная называется. Специальные институты этим занимаются, а тут парень — без году неделя, и туда же. Однако, может быть, это я отстаю от жизни? Недаром повторяют педагоги: учитель, воспитай ученика, чтоб было у кого потом учиться.

Мечты, мечты... А пока я велел Валерке заняться «Зоемтроном», там плохо карты идут и ложный пробив получается. Конечно, это скучная, черновая работа, но что поделаешь, надо кому-то и ее выполнять.

— А я не отказываюсь, — улыбаюсь мой фантазер и добавляет: — Между прочим, дядя Витя, вам еще не говорили, что в субботу будет вечер наставников и молодежи? Вас пригласят, а мы уже репетируем.

На вечеру я был едва ли не

самый молодой из наставников. Люди собрались уважаемые: пожилые рабочие, мастера, орденосцы, лауреаты, герои труда. Многих я знал по производству и подумал, какая это огромная сила! Выступавшие говорили примерно так же, как и я считал, научить специальности — дело не хитрое, молодежь грамотная пошла. А вот любовь к своей профессии, к труду вообще, чувство ответственности воспитать неизмеримо сложнее.

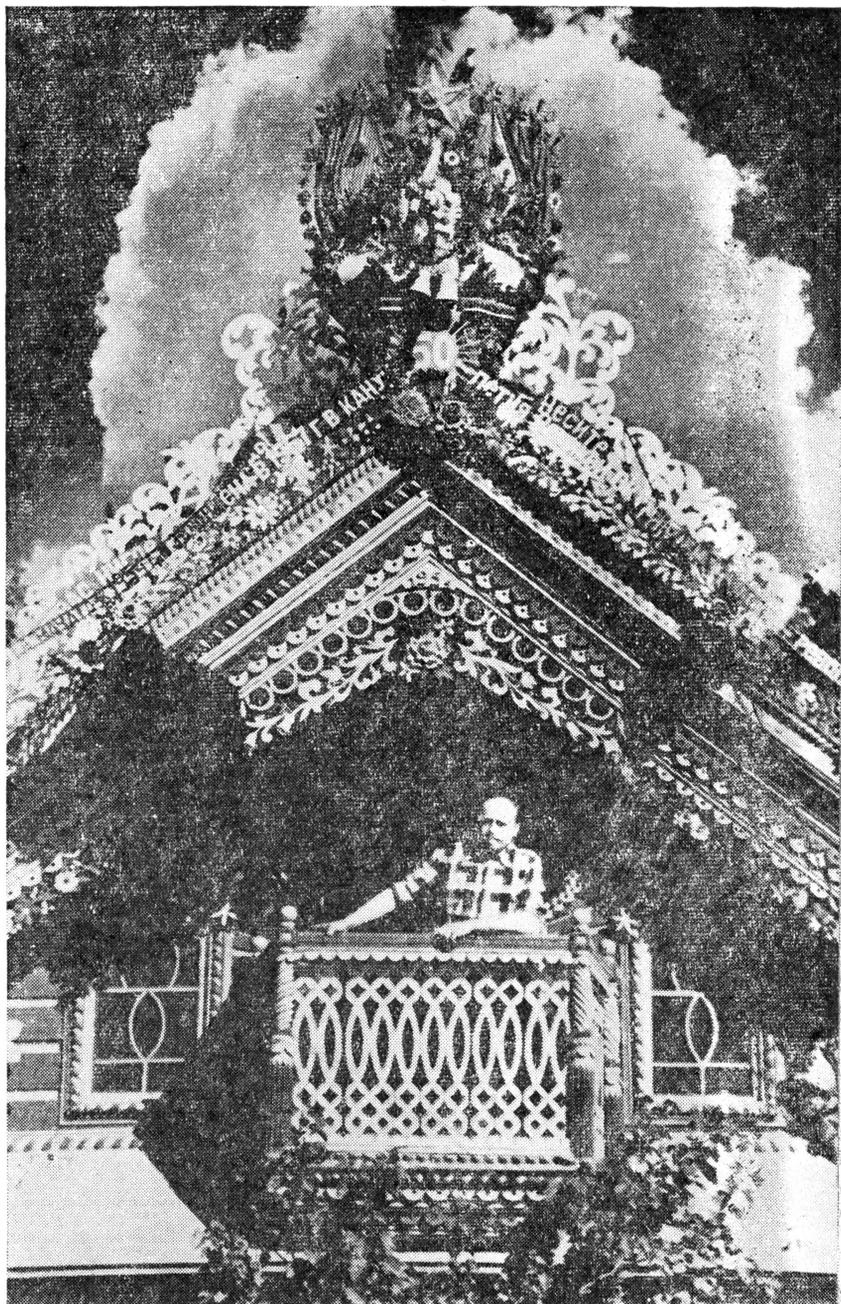
Многие в зале сидели вместе со своими подшефными. А мой где-то репетировал. Всем нам, взрослым, подарили книги о наставниках. Я тут же полистал, не общие ли слова? Обычно введение не смотрю, сразу суть читаю. А здесь с первых строк умно сказано: «Время вносит свои поправки: слово «наставник», которое в словаре Ожегова значит как устаревшее, наполнилось новым смыслом...» И дальше: «Наставник — это больше чем просто учитель, руководитель, это старший товарищ, готовый поддержать своего подопечного в трудную минуту, сознательно и добровольно взявший на себя нравственную ответственность за вступившего на трудовую стезю молодого человека».

Потом был концерт, вышел ансамбль — я на Валерку смотрю. Красив парень, ничего не скажешь! Вырос сильно за этот год. Посеребрил, усики стал отпускать, подражает Коле Швецову. Запели песню, и я узнал слова: «Выросли дети, им горя мало... Много дорог надо пройти, прежде, чем выбрать одну». Я соседу шепчу, давешнему токарю: «Вон тот с гитарой, второй слева, мой подшефный, сейчас переключит гитару, и она запищит». Переключил, но пищалка не сработала. Эх ты, мастер-ломастер! А еще революцию на участке хочешь сделать. Нет уж, не отрывайся, вместе будем делать. А вообще, шепчу опять соседу, толковый малый, только фантазер.

В трамвае, возвращаясь домой, я снова раскрыл книжку, рассмотрел надпись: «Отличному наставнику молодежи, старшему электромеханику ИВЦ...» и так далее, как обычно пишут. Постарался мой предцехкомма.

Стал читать, увлекся и чуть не проехал свою остановку.

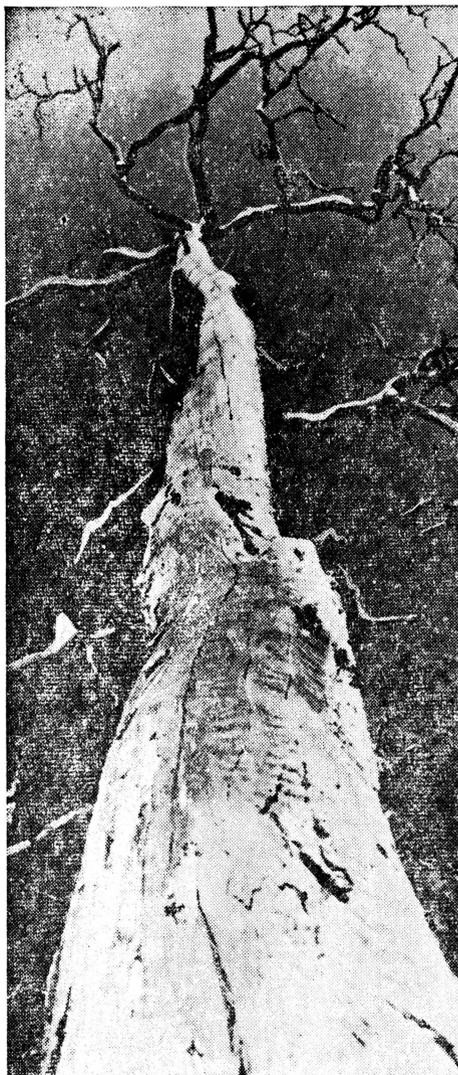
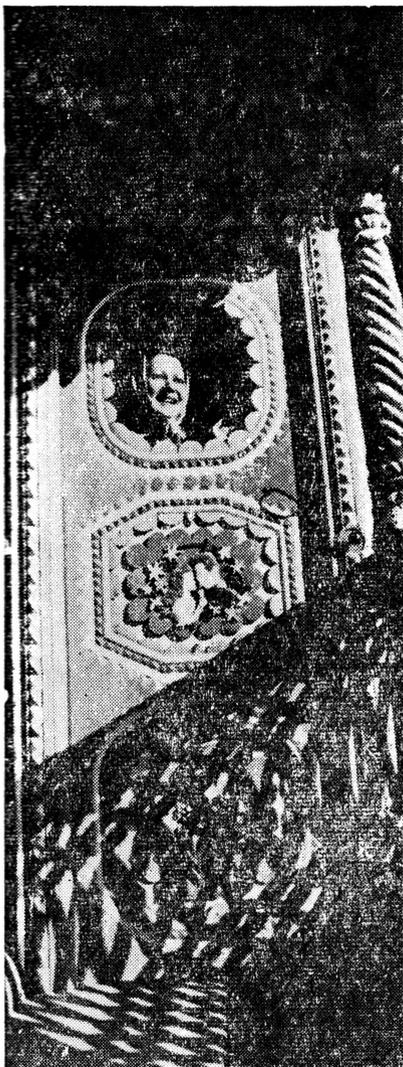
Домик-пряник

В деревне Кунара, что близ Невьянска, есть дом, мимо которого никто не пройдет, не остановившись, не полюбовавшись на затейливые деревянные кружева, украшающие его. И туристы прослышали о домике в Кунаре. Хоть и стороной идет их путь — они делают крюк, чтобы взглянуть на эту достопримечательность.

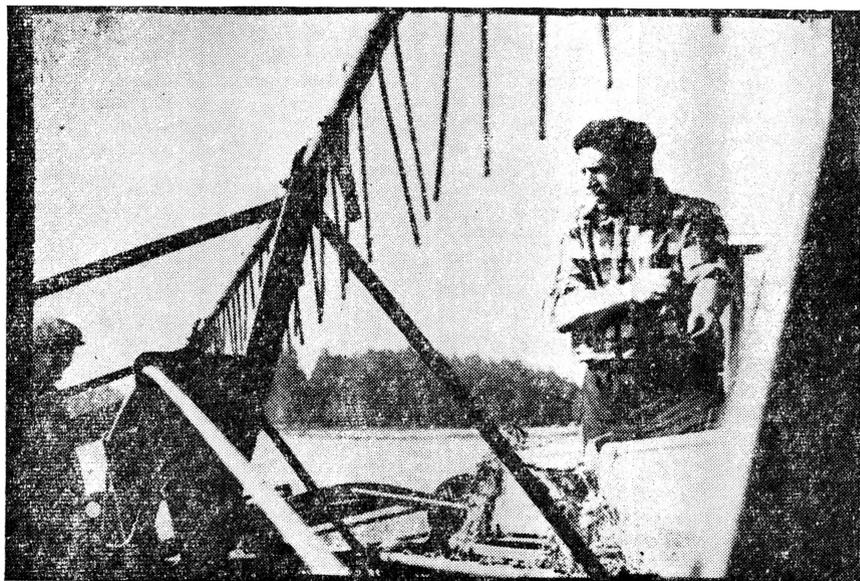
Живет в этом доме Сергей Иванович Кириллов. Он — уж воистину мастер на все руки: и кузнец, и жнец, и электросварщик, и слесарь, и плотник, конечно...

А ведь приятно жить в таком доме — сказочном тереме! Добрый пример — заразительный. И многие соседи Сергея Ивановича тоже взяли в руки топоры, лобзики, стамески. Они тоже начали украшать свои дома кружевами.

На снимках: С. И. Кириллов, его дом, крыльцо, детали фасада, конек; а сухое дерево — это материал для кружев.

Фото А. Лысякова

- В геолого-разведке
- Ново-сибирские театралы
- Урок всю неделю
- Школьный «флот»
- Кто знает больше?

Размеренно, в такт с перестуком телеги, кивает головой лошадь. Тонким шлейфом вьется следом пыль. Травы пахнут густо и удушливо. Жарко...

Возница, восьмидесятилетний дед, говорит: «Помню, тут геологи лет десять назад искали что-то... Может, и вам пофартит!»

Заброшенные закопанные. Большие, чисто отработанные известковые карьеры. Царство доломитов — темно-серого, с белыми прожилками камня, сослужившего добрую службу горнорудной промышленности Урала. Трудно пробивается путь к коренным породам... Без шурфов не взять ни одной пробы — эти метры в глубь земли для геологов ценнее и интереснее, чем многие километры, искоженные поверху.

Наработавшись, ребята под вечер решили искупаться в Уфе. На острых камнях у самого берега заметили черный налет, покрывавший песок, — будто у самой воды костер горел, оставив темную сажу. Копнули в этом месте разок-другой... И наткнулись на твердую черную породу. Не уголь, не графит... Может быть, шунгит? Органическое вещество в древних осадках, которое время потом обратит в кремнистые сланцы и доломиты...

Как положено, ребята заложили шурф, взяли образцы. По этим образцам геологи дали позже заключение: в экспедиции найден марганец.

Осталось добавить, что юношеская геологическая партия Челябинской областной станции юных натура-

листов, которая под руководством А. А. Кашицина вела работы в районе Нижнего Уфалея, выполняла задание комиссии по геологическим походам. В прошлом году эта же партия провела важную работу на Мерзелинском месторождении бурых железняков, предоставив в распоряжение геологов огромное количество образцов.

Такой традиции, как в 167-й новосибирской школе, наверное, нигде нет — посвящение в театральные зрители!.. Первоклашкам рассказывают о правилах поведения в театре и всех вместе ведут на спектакль, а после маленькие зрители фотографируются с актерами, когда те еще не сняли костюмов, — на память.

В школе есть театральные музеи. Ни масками, ни эскизами декораций, ни костюмами он не удивит. Зато здесь хранятся старые фотографии, подаренные ребятам артистами, есть любовно собранные материалы по истории театров города, актерские биографии, детские рисунки к спектаклям...

Есть и свой, школьный театр. Не режиссеры, не профессиональные артисты — ребята говорят про себя: «В этом году мы открыли театральные сезоны спектаклем «Кот в сапогах».

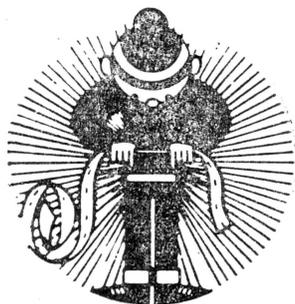
«Уроки-недели» придумали в восьмилетней школе поселка Ивакинский карьер Пермской области: неделя биологии, неделя истории, неделя географии...

Вот как проходил, например, шестидневный «урок» по географии, который продумали вместе с ребятами учительница Евдокия Тимофеевна Петренко и неизменный участник всех школьных дел пенсионерка Александра Сергеевна Герасимова. Во всех классах прошли викторины «Знаешь ли ты географию»? Затем каждый отряд стал как бы делегацией в город, который он выбрал. Ребята словно совершили настоящее путешествие — они много разузнали о Свердловске, Перми, Березниках и других уральских городах. Вечера, доклады, даже концерты — все это помогло школьникам узнать как можно больше об Урале: о его природе, о городах, о продукции предприятий, об искусстве.

Магнитогорск — не совсем сухопутный город, но и не такой, чтобы иметь целый флот. Тем не менее флот «Магнитогория» существует. Неважно, что это игра, придуманная в детском клубе металлургов, — это серьезная игра.

Экипажи сами выбирают название своего корабля: «Марат», «Товарищ», «Варяг»... Им даются задания — срочно выбросить десант, то есть выполнить следопытское поручение; о вы-

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

полнении его школьники общаются в штаб флота, почетному адмиралу, бывшему моряку 20-х годов с крейсера «Марат» Ф. М. Зубареву.

Ребята разыскали около 300 участников войны, среди них — погибшие магнитогорцы: связист В. Волынцев, разведчик Н. Борисов, морской летчик А. Артамонов, металлург и первый стахановец К. Грязнов, погибший в Эстонии...

Над семьями погибших, инвалидами Отечественной войны и труда берется тимуровское шефство. Чего только не делают ребята: помогают в уборке квартир, закупают продукты, составляют сметы по ремонту, поздравляют с праздниками, делают звезды на домах, выступают с концертами. По ходатайству ребят и их руководителя Н. В. Путолова двум ветеранам войны выданы медали и знаки, одному увеличена пенсия. За свою работу «Магнитогория» получила благодарность от газеты «Красная звезда» и Министерства обороны СССР.

Два экипажа флота получили недавно новые задания: разыскать друзей писателя-уральца 30-х годов А. И. Завалишина и собрать материалы по истории 2-й комсомольской домны.

Под тремя фамилиями известна эта женщина. Урожденная Кушелева, по мужу Томановская... А откуда же взялась третья фамилия Елизаветы Лукиничны? Есть сведения, что псевдоним «Дмитриева» присвоен ей Карлом Марксом. А вот два ее имени — Елизавета и Эльза — объясняются просто: как Елизавету ее знали русские марксисты, Эльзой называли парижские коммунары.

В семнадцать лет уехал

за границу, Елизавета Кушелева принимала участие в организации Русской секции I Интернационала в Женеве, в Лондоне познакомилась с Марксом, в Париже сражалась на баррикадах в дни коммуны.

О ее дальнейшей жизни в России, в Енисейской губернии, собирают материал следопыты красноярской школы № 52. Вопреки энциклопедии («...в общественном движении больше не участвовала») они утверждают, что в доме Дмитриевой-Томановской по улице А. Лебедевой, 93, была установлена типографская машина, печатавшая прокламации, листовки, здесь же вышел в свет в 1905 году первый номер газеты «Красноярский рабочий».

До сих пор не известен год смерти революционерки. Нет данных о последних годах ее жизни — она приехала в Волок, где родилась, была в Москве, и дальше след ее теряется.

Может, кто знает больше?

● Рядом с районным центром Киренском Иркутской области проходит дорога, которую с незапамятных времен называют Польской. Следопыты исторического кружка, которым руководит учитель И. М. Журавлев, выяснили: дорога названа так в память о польских повстанцах, в 1863 году сосланных царским правительством в Сибирь.

● Скафандр космонавта и кресло из кабины космического корабля дополнили экспозицию школьного музея Томашовской средней школы Брестского района. Музей космонавтики существует два года. Он создан с помощью бывшего ученика школы космонавта П. И. Климюка.

● В адрес учеников слонимской школы № 4 пришло письмо: «Дорогие ребята! Министерство морского флота СССР приняло ваше предложение об увековечении памяти Героя Советского Союза Александра Михайловича Осипова, и новому теплоходу постройки 1980 года будет присвоено название «Александр Осипов». Командир авиаэскадрильи капитан Осипов сражался в Балтийском небе и погиб, повторив подвиг Николая Гастелло.

● Поднимаются новые кварталы в городах, застраиваются деревни. Что было на старом месте — легко забыть... Студенты Смоленского пединститута ведут альбомы «уходящего»: фотографии, детальные описания, документация, фиксируют черты старых селений, характерные признаки исчезающего бытового уклада.

● Поисковую и исследовательскую работу ведет научное общество «Юный книголюб», созданное в школе № 17 города Владимира. Следопыты собирают материалы о жизни и творчестве комсомольских поэтов Герасима Фейгина и Александра Безыменского.

● У подножия старого поля в лесопитомнике на окраине Омска учащиеся школы № 100 нашли записку, оставшуюся со времен гражданской войны. Бумага была закупорена в бутылку и не подвергалась воздействию солнечных лучей. Текст записки таков: «Товарищи! Кто найдет эту записку, знайте, что мы не сдались. Нас вешали, убивали, но мы не сказали ни слова. Тимофеев, ...лов, Товарищи, отомстите за нас!» Известно, что в 1919 году в лесопитомнике колчаковцы расстреливали борцов за революцию.

● Следопыты 6-й тартуской средней школы связаны давней дружбой с журналом «Юность». В школьном музее хранится книга главного редактора Б. Полевого «В большом наступлении» с автографом автора, сборники военных времен К. Симонова.

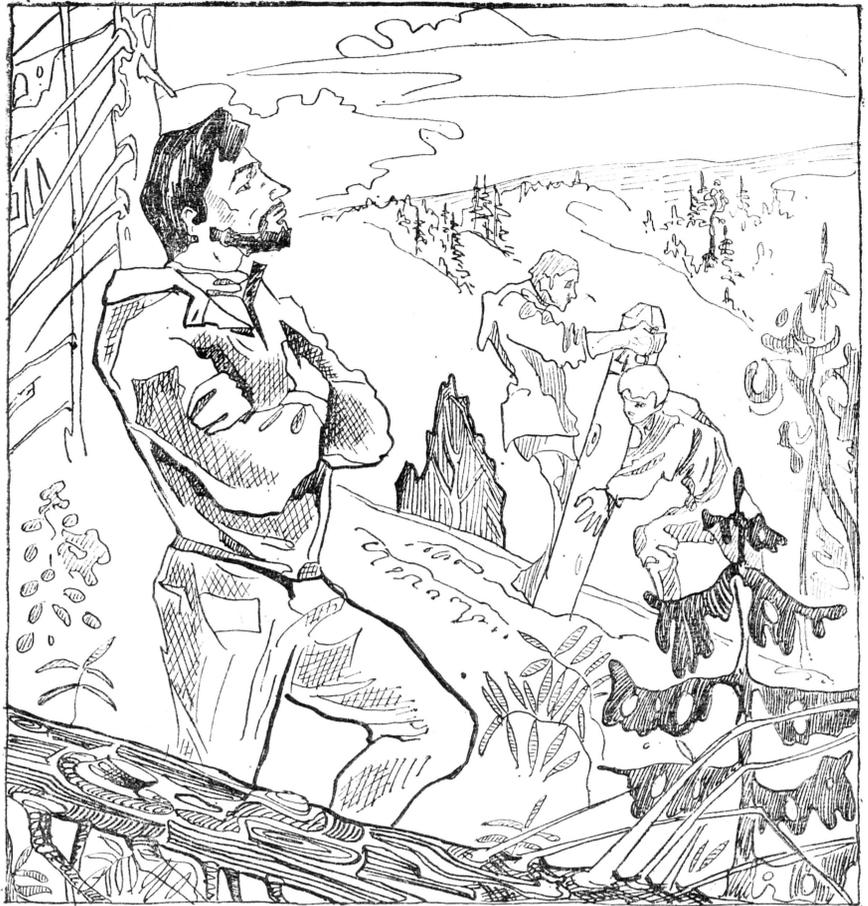
● В три тома уложилась история села Песчано-Таволжанское Курганской области. Написал ее и перепел уроженец этого села, ныне живущий в Челябинске офицер запаса Петр Прокопьевич Воронцов. Автор назвал свою рукописную книгу «Таволжанцы».

● Музей киргизского Павлика Морозова — пионера Кычана Джакыпова — открылся в селе Социалчи Кантского района.

● Богатую коллекцию минералов собрали учащиеся володарско-волинской средней школы Житомирской области. Здесь и свои, полесские, самоцветы, и полученные в обмен от ребят из других городов и областей.

● За активную работу в Малой Иртышской академии наук школьница омской средней школы № 69 Лариса Копейкина награждена памятной медалью Семенова-Тян-Шанского. Медаль учреждена Географическим обществом СССР.

● Участники Сталинградской битвы съехались в ярославскую школу № 66 на открытие музея боевой славы. На торжестве выступил А. Г. Кулагин, бывший комиссар 2-го батальона («Ярославского») 282-го полка 10-й дивизии. Не только о боях за Сталинград рассказывал он, — и о том, как во время революции обеспечивал на мотоцикле связь Смольного с красногвардейцами.

Раз сосна, два сосна...

**Михаил
ПЕТРОВ**

Рисунки
Т. Анпилоговой

Весна — пора коллективных тренировок. Нас, таксаторов, «натаскивают» на лес: за зиму, проведенную в городе, навыки, конечно, притупляются. Форму надо восстанавливать заново... Так что же такое таксация леса? Если вы летали над тайгой, то замечали, что она разделена как бы на квадраты. Разграфили тайгу таксаторы, или, как их еще зовут, лесоустроители. Наша страна обладает третью лесных богатств земного шара. Три четверти — хвойные породы. И эту цифру установили таксаторы. Как? Возможно ли сосчитать все деревья, измерить их диаметр и высоту, чтобы определить кубометры? Оказывается, можно. Только надо уметь. Сначала прикинуть на глаз, а потом проверить себя прибором для дешифрирования аэрофотоснимков или на так называемой «пробной» площади, на которой лес сосчитан.

Вот весной и начинаем ловить

форму... Тренировку проводит Николай Иванович Теринков. Он теперь — начальник Свердловской аэрофотолео-соустроительной экспедиции, кандидат наук... Об этом участке леса ему известно все. А ты угадай попробуй и толщину дерева, и высоту, и количество подроста, и его жизнеспособность.

Первые дни врем безбожно. Николай Иванович слушает нас, прикуривая папиросу за папиросой. А у меня зла не хватает. На себя, на ошибку. Ведь еще думал... из десяти, условно, деревьев три сосны, три ели, две березы, одна осина и одна липа. А записал: четыре сосны, две ели, три березы, одна осина, единично липа. Опять наврал! И снова идем, останавливаемся, крутим головами, определяем, записываем. К концу недели — дружное совпадение в ответах. Форма восстановлена. Можно приступать к работе.

Это значит — покинуть поселок и отправиться в «заход» на неделю, две в тайгу. Просека еще не расчищена. Поднявшийся молодняк скрадывает ее. Затеки на деревьях побурели от времени. Белыми коромыслами перекинулись через просеку длинные жиденькие березки. Сворачиваю с просеки почти по наитию. Полянка, вот и на схеме она, еще одна, все правильно. А вот и еле заметная тропка. Кой-никакой, а опыт все же есть...

Табор. Три палатки в желто-синекрасно-зеленых полосах. Нарядно. Люди на работе, чистят просеки, рубят визиры. А мне шагать по ним, таксировать...

...Техник, видимо, ушел с проемом. Ложусь, отдыхаю, жду, слушаю тайгу: где-то стучит дятел, тренькают синицы. Поглядывают на меня крохотные любопытные пеночки. Ветерок отгоняет комаров, овода пока нет. Благодарить... Снимаю с шеи двух клещей. Сейчас у них «кусачий» сезон. Интересно, осматривают ли ребята друга друга после выхода из леса? На елке телефон не висит, «скорую помощь» не вызовешь...

Пришла пора готовить обед. Закон тайги: кто первым приходит в табор, тот и начинает кашеварить. Нас — семеро. Норма — ведро супа, ведро чая. Шустрая на перекате речка Иволга быстро уносит картофельные кожурки. Подальше от греха отплывают небольшие хариусы. Студеная вода жжет пальцы.

Первыми в таборе появляются Саня Баженов и Слава Воронин. Появляются внезапно; не было никого, и они уже вдруг у костра, салютуют мне коротким поднятием руки.

— По уму, — говорит Слава о костре, от которого не летят искры. — Не понимаю, как поэты могут восхищаться летящими искрами? Только у неважного таежника костер сыплет искрами: красиво пламя, когда оно ровное, тугое. За фейерверки в лесу штрафовать бы надо...

Дежурный по табору — Слава. Склонился, подкладывает дрова. Пламя освещает плоское лицо с широким носом. Не красавец. А в распахнутых глазах — чертики. Он подвижен без суетливости и как-то уж очень к месту в этой обстановке, словно часть ее. Саня работает в тайге не первый год. Прошел Сибирь и Север. В работе он хваткий. В этом я не раз потом убеждался. Как-то вкапывали мы квартальные столбы. Тут-то и показали ребята класс!

— Не столбы, а загляденье, — оценил свою работу Слава. И работать может, и порадоваться любит сделанному. Особенно под музыку. Носит с собой транзистор. Он может слушать сутками, особенно новости,

потом их, тоже сутками, комментировать.

...Сбросив энцефалитки и задрав майки, парни ищут клещей. Клещики, конечно, есть. Слава крутит из полочки бумажки упругую трубку. Такие трубки делают школьники, чтобы стрелять из резинки. В то место, где впился клещ, прижимается отверстие трубки и клещ, почуввав неладное, пятится назад, ему недостает воздуха, и попадает прямо в трубку. Трубка летит в костер. Операция проста и безболезненна.

— Поэты еще не пришли? — полупрошает Слава и в его раскинутых по-монгольски глазах опять пляшут чертики. — Снова в лесу ночевать будут?

Видя, что я не в курсе событий, Саня охотно поясняет:

— Миша Филин и Гарик Васильев чистили просеку километрах в четырех от табора. Затемняло. Домой возвращались ориентируясь по луне, а она подвела, спряталась за тучи. Они развели костер и просидели всю ночь в пятистах метрах от палаток.

Этих ребят я немного знал еще по литобъединению. В тайгу поехали за стихами. И — заработком. Вот они выныривают из потемневших кустов, тискают мою руку. А через пять минут звучат строчки Бодлера, Пастернака, Есенина. Просто удивительно, как тонко поэты чувствовали мир зелени, гор, трав:

Над бредом предзакатных марев,
Над трауром вечерних туч,
По их краям огнем ударив,
Возносится последний луч.

Это читает Гарик, вскинув бритую голову с большим горбатым носом на узком лице и вытянув руку к западу, где диском скатывается с деревьев солнце.

— Чье это? — спрашивает он. Мы молчим. У него вообще манера декламировать малоизвестные стихи. Любимый его поэт Омар Хаям. Не дождавшись ответа, он снисходительно объявляет: — Брюсов, «Охотник».

— Ладно, — вскидывается Миша, — тты лучше это вот послушай...

— Поехали, — замечает Саня, — теперь просидят до полуночи.

Но до полуночи сидит только Гарик. Миша устал. Он себя в работе не жалеет. Раз приехал в тайгу, надо жать на педали, чтобы получать — так не меньше иного профессора. А Гарик не надрыгается. Деньги его интересуют постольку-поскольку. Гарик сидит у тлеющего костра один. Сидит долго. О чем он думает? Может, о том, где он, поэт, начинается, где кончается?..

Последними в табор приходят Валера Павленко и Саня Маленький. Зовем Маленьким, чтобы не путать

с Саней Баженовым, который старше.

Валера рыж и тонок. Отрастил белесые усы. Нестриженные волосы неряшливыми космами елозят по воротнику энцефалитки. Движения у него внезапные, дерганые. Не докурив самокрутку, он бросает ее в костер и лезет в палатку.

— Умой ноги, — говорит ему Слава, — сразу посвежеешь...

Саня Маленький поднимается от реки, безжалостно растирая широкую грудь полотенцем. Дубок, да и только! Волосы подстрижены под «горшок», как крона на том дубке. Саня — молчун. Слушает, набирается опыта.

...Едим неторопливо. Суп густоват, зато — горячий. Теплый суп в тайге называют пойлом. Чай пьем долго, обстоятельно. Тихо потрескивает костер. Иволга парит туманом. Белесый и вязкий, он запутался в прибрежном ольшанике и колеблющейся пеленой закрыл горы. За ними — город, дом... Из дома пришли письма...

— Не успел уехать, — говорит Миша, складывая письмо, а жена полетела в парикмахерскую прическу делать. (В голосе — тревога, грусть.)

— Брось, Миша, — говорит Слава, — куда она от маленького ребенка.

— Она просто женщина, молодая, — добавляет Гарик.

Лицо Миши светлеет. Он оглядывает нас и неожиданно высказывает потаенную мысль:

— Вот бы написать рассказ, чтобы там узнали, как мы здесь. Только надо что-то интересное рассказать.

— Есть интересное, — говорит Гарик, прикуривая от уголька. У костра никогда не прикуривают от спичек, считается дурным тоном. — Могу рассказать случай.

— Валий, — разрешает Слава.

Мы поощрительно молчим. Гарик делает глубокую затяжку и без тени улыбки начинает:

— Прошлым летом рубили визиры, чистили просеки. Был у нас такой парень — Юра. Работал в одиночку. Так вот. Лезет он через бурелом и вдруг три медвежонка нос к носу. Не из трусливых парней, тягу не дал, а достал завтрак и скормил медвежатам. На другой день снова накормил. Так и пошло. Нам он ничего не рассказывал. Мы только дивились его аппетиту. Но таков закон тайги: каждый берет из общего котла сколько надо, пока, конечно, есть что брать. Скоро медвежата привязались к нему. Наверно, он затевал с ними игры, возню, потому что выработка у него пала. Дело шло к осени. Медвежата подросли. И вот в один такой же прекрасный вечер зая-

вились к нам на табор. Мы с испугу полезли в спальные мешки, как те африканские страусы, а Юра вышел к ним и говорит:

— Здравствуй, Настя, привет, Боб, как дела, Тобби?!

Мы высунули из спальных голов и увидели настоящий медвежий цирк, вот так.

Гарик умолк и начал свертывать самокрутку.

— Нуу, а потом, что было потом? — не выдержал Миша.

— Как что? Юра женился на медведице, не посмотрел, что трое детей, — на полном серьезе ответил Гарик.

Мы грянули хохотом на весь ближайший квартал тайги. Миша поморгал и тут же захохотал вместе с нами.

Я снова у таксаторов. Пригласил меня опять-таки Николай Иванович, теперь уже начальник экспедиции. На этот раз у меня другая задача: помочь составить обзор работ. Перед отъездом я побывал у Николая Ивановича дома. Накурили. Хозяин открыл окно. Свежий ветерок ворошил

разложенные на письменном столе листы отпечатанной кандидатской диссертации. Труд нескольких лет предстояло защитить. Но Теринов не торопился. В своих бесчисленных поездках по таежному Уралу он что-то еще уточнял, исследовал, обобщал.

— В тридцатые годы, — рассказывает, — когда создавался валютный фонд страны, на Урале, там, где были дороги, вырубались наиболее ценные породы: сосна, лиственница, кедр. Зеленое золото становилось золотом настоящим.

— Значит, надо выяснить, сколько и каких пород леса осталось?

— Не только. Вот уже много лет ведутся сплошные концентрированные рубки, делянки же зарастают лиственными породами. А они, как известно, особой ценности не представляют. Надо помочь восстановлению леса ценными хвойными породами и, в конечном счете, возродить былую славу уральских лесов.

— Не проще ли прекратить сплошные рубки?

— Вопрос сложный... Ясно пока одно: ширину лесосек надо сокращать и уж, конечно, соблюдать сроки примыкания. Если мы этого не сделаем сейчас, наши потомки помянут нас недобрым словом, и будут правы. Ведь леса Урала это не только древесина, они питают влагой Волгу и Обь. А где нет леса, там и воды нет.

...Машина минует деревню с любопытным названием «Караул». Некогда тут была караульная будка. Может быть, ссыльные, следуя по этапу, останавливались здесь на привал, может, и стражники подкарауливали и ловили беглых. Теперь здесь колхозные поля. Правда, поля идут только вдоль дороги, а дальше — молодой лес. Лет через восемьдесят он достигнет эксплуатационной зрелости. Верю, что к тому времени научатся рубить лес бережно...

У одного из отрядов здесь база. Погода хорошая, все в заходе. Как они там? Вспомнил одного — Геннадия Подоплелова. Я только набивал руку и Гена мне сильно помог. Мы лезли с ним по ветровалу. Зрелище удручающее. Кладбище деревьев. Когда встречаешь такой участок, берет оторопь. Карабкались с ним в гору, хватаясь за пучки трав. Снова шли, споря и доказывая друг другу каждую мелочь в определениях типа леса. У каждого таксатора свой «почерк» в работе. Один стремится как можно больше проскочить за день, не особо заботясь о записи, и потом, уже дома, обрабатывая их по всей форме. Другой работает «наскоком» по двенадцать, четырнадцать часов кряду в течение недели. Изматывается до крайности и, вернувшись из захода в поселок, устраивает отдых.

Гена Подоплелов работает по-своему. День за днем, неделя за неделей в одном и том же темпе шагает он по просекам и визирам, делая подробные и окончательные записи в таксационном журнале. Пусть его больше кусает гнус, зато он избавлен от мучительных воспоминаний чего-то недописанного, пропущенного в надежде на память. Он придерживается китайской поговорки: плохие чернила — лучше хорошей памяти. Трудяга!.. В тайге работает десять сезонов. У него хорошее охотничье ружье и зоркий глаз. Любит угощать печеной дичью. Встретить бы тебя, Гена...

Поселок Поздвяковка... От небольшого пруда в центре разбегаются к улочкам деревянные настилы дорожек. Дома построены на взгорье. Над домами — порось телевизийных антенн. Вокруг поселка молодой сосняк — лесопосадки. Тяжелые тучные боровы с места на место пергоняют стайки важничующих гусей. Настил у склада облюбовала отара овец. Тишину разгоняют мальчишки на мопедах. В огородах изготовлены к поездке на покос мотоциклы. Типичный лесной поселок. Зажиточный.

...Пока я иду от дома приезжих к расположенной партии, всякий встречный со мной здоровается. Хороший, душевный обычай. А мне становится грустно. Грустно от того, что поселок обречен. Через пять-семь лет последний спелый лес будет вырублен, и люди останутся без настоящей работы. Они начнут покидать дома. И зачернеют провалы окон, заскрипит по ветру покосившиеся калитки, лебеда ринется в огороды, обрушится плотина, и уйдет пруд. Я уже видел подобную картину в бывшем Озерском леспромхозе, что на станции Костоусово. И таких поселков десятки по Среднему Уралу...

Начальник партии Александр Александрович Потибенко, крупный, с выправкой спортсмена, проверяет наряды. Под музыку, льющуюся из транзистора, он водит движком логарифмической линейки и выписывает результаты отсчетов. Иногда у него что-то не сходится. Неуловимо тряну черными смоляными кудрями, он принимается считать заново. В комнате бивуачный неуют. Начальник берет веник и подметает пол. Никакая работа не кажется ему черной. С большой охотой он нянчится с крохотной дочкой таксатора Берегового Бориса Марковича. К нему не надолго приехала семья. Родители девочки заняты. Валя накрывает на стол, а Борис ушел по воду.

— Жениться вам надо, — говорит

Валя, наблюдая, как ловко Потибенко обращается с ребенком.

— Некогда, Валя, летом тайга, а зимой все невесты закутаны, — смеется он.

Встреча с Борисом Марковичем — сердечная. Вместе когда-то проходили коллективную тренировку. До приезда на Урал он работал в Сибири. Во время тренировок шел иногда следом. По-моему, он просто не замечал валежин. Многолетняя работа в лесу выработала особую легкую охотничью походку. Гибкий, поджарый и длинноногий, Борис Маркович на редкость вынослив.

Приехали и Анатолий Максимович Корсунов, представитель лесного хозяйства области, начальник экспедиции Теринов. Проверять будут Бориса Марковича. Но он — старый лесной волк, сам кого хочешь проверит.

Анатолий Максимович ткнул пальцем в схему.

— Проверять будем вот этот квартал.

— Хорошо, — Борис Маркович берет с собой нужные таксационные материалы.

Едем. Потом идем. С нами — местный лесник и рабочий. Сглаживая официальность своего представителя, Корсунов жалуется:

— Послали меня с проверкой, а у самого в лесхозе работы выше головы. Даже как следует не проинструктировали.

Береговой молчит. Не принимает доверительного тона. Вот и квартальный столб. Первый участок выдела. Борис Маркович читает таксационную характеристику насаждения. Корсунов записывает. Потом мы стоим в выделе и поворачиваемся вокруг собственной оси, осматривая сосны, ели, березы, — примериваемся.

— С составом насаждения согласен, — говорит представитель, — с высотой тоже, но средний диаметр занижен. Не шестнадцать, а восемнадцать сантиметров, отсюда и запас на гектаре не тот.

— Вы не учитываете вот эту мелочь из ели, — спорит Береговой, — а у нее диаметр восемь, и это сразу снижает средний.

— Но ведь это подрост, он не в счет.

— Хорош подрост, тридцать е лишним лет.

— Бросьте, не будет и половины.

— Срубите одну ель, — говорит Николай Иванович рабочему, — хоть вот эту.

Рабочий рубит. С остро отточенным карандашом в руке Корсунов считает годовичные кольца на срубке.

— Тридцать четыре! — удивляется он.

— Слишком плотный верхний

полог, — оправдывает его Борис Маркович, — света-то нет.

Я веду контрольный промер расстояний между пикетами. Результаты хорошие, в пределах допуска. Таксация леса тоже в пределах допуска, но Корсунов и Береговой все же спорят. Спорят за каждый метр высоты, единицу состава. В этом споре добротная грамотность таксатора и добросовестность проверяющего. Мне, леснику и рабочему делать больше нечего. Мы потихоньку отстаем и собираем грибы. Конец августа. Кроны берез в золотом прошиве. Парят первые неслышно падающие листья. Под ногами полно брусники. В голову приходит Бальмантовское:

Покраснела брусника,
Стань птиц полетели —
И от птичьего крика
В сердце только грустнее.

Воздух недвижим. Отвесная, церемонная тишина. Городскому человеку не услышать ее. Это дано не каждому. Поэтому и не получился из моего попутчика Валеры Павленко лесоустроитель. Он не понимает леса. То его упорно не слушалась бусоль, то он не узнавал на фотоснимках места, по которым только что прошел, не увязывает абрисы. Нынче его снова из техников перевели в рабочие. Он жаловался мне на несправедливость и грозился покинуть экспедицию. Разговаривая с ним, я почему-то подумал, что из него получился бы хороший товарвед по бакалейным товарам. Но Валера не понимает это... А как нужны стране преданные делу лесоустроители! Всего две цифры: леса в нашей стране занимают площадь более одного миллиарда гектаров, а людей в системе «Леспроект» на этот миллиард всего шесть тысяч. Пожалуй, маловато для государства, имеющего лучший в мире лес!

...Вечером мы чинно сидим за столом. Едим сыроежки, жаренные в сметане. Наши энцефалитки повешены на гвоздь. Кто не испытал, тот не поймет, какое наслаждение, сбросить энцефалитки, одеть белую прохладную рубашку, легкие туфли и выглаженные брюки. Курить выходим на крыльцо. Темное августовское небо напоминает порванное сито, дырки не только потеряли симметричность, но они еще и разного размера.

— Только в августе на Урале такое обилие звезд на небе, — говорит Потибенко и без всякой связи добавляет, — а с рабочими у нас туго, Николай Иванович.

— Знаю, — начальник экспедиции гасит папиросу, — а где взять людей? Нет людей, и так берем любого первого.

— А почему бы не взять студен-

тов, — вмешиваюсь я, — едут же в камикулы на стройки, поедут и в лес...

— Об этом стоит подумать, — соглашается Николай Иванович.

Наутро мы разъедемся, нас ждет каждого свое и потому еще долго стоим молча на крыльце, обласканные бархатной ночью.

ЗОВ ИНЫХ МИРОВ

**Виталий
БУГРОВ**

*На 1, 2, 3-й стр. вкладки
репродукции картин
Георгия КУРНИНА*

Изревле глядели в небо обитатели Земли. Что они видели там? Бесконечную россыпь далеких мерцающих огоньков? Несомненно. Но не только это.

Еще Лукреций, знаменитый римский философ-эпикурец, за добрую сотню лет до нашей эры утверждал, что «наш видимый мир не является единственным, и мы должны верить, что в пространстве существуют другие земли, другие существа и другие люди».

Живыми существами населяли звезды, планеты и Луну древние египтяне. Древние китайцы полагали, что их предки появились на Земле, упав с Луны. А пришествие с неба всевозможных богов и родоначальников? Не счастье подобных легенд у самых разных народов!

Россыпь огоньков оказывалась, тем самым, неявно подразумеваемым скоплением непредставимо далеких землеподобных миров, в том числе — и обитаемых!

Уже в древности предпринимались и попытки вычислить «процент обитаемости» Вселенной.

Сицилианец Петроний Химера утверждал, к примеру, что существует 183 населенных мира. Весь мир образует треугольник, — полагал он, — и на каждой стороне этой невообразимо огромной геометрической фигуры размещается по 60 миров. Да еще три мира — в ее углах!..

А в 1837 году (всего лишь сто сорок лет назад!) англичанин Томас Дик ухитрился подсчитать даже число разумных обитателей Солнечной системы — Земли с Луною, планет, их спутников и, наконец, самого Солнца. Цифра у него получилась совсем немалая: 703 079 774 404 000 разумян! А уже из них подавляющая часть — 681 триллион 184 миллиарда — приходилась на Солнце, что и не мудрено: за основу подсчетов Англии и, естественно, числил равномерно по 280 живых душ на каждую квадратную милю. При этом на самой Земле у него расположилось лишь 800 миллионов...

В наш скептический XX век мы стали много строже в своих прогнозах. Да и как не поостепениться — даже в фантастике, даже в самых безудержных, самых, казалось бы, безоглядных выдумках, — если, скажем, на Венере (где у Томаса Дика размещалось — ни много ни мало — 53,5 миллиарда обитателей!) по современным научным данным температура на поверхности — до пятисот градусов выше нуля...

Но тем не менее и в нас жив зов иных миров — древняя, как мир, как человечество, мечта о братьях по Разуму, о сестрах Земли — цветущих и, главное, пригодных для нас планетах иных солнц.

Пожалуй, наиболее яркое выра-

жение нашла эта мечта в фантастической живописи, широко распространенной ныне, почти немислимой — как самостоятельный жанр — еще каких-нибудь четверть века назад.

Да, конечно, отдельные картины — или даже циклы картин — посвящались «его величеству Космосу» и художниками прошлого.

Самому мне, к примеру, запала когда-то в память картина, встретившаяся на обложке старого журнала. Огромным холодным шаром нависал над зыбкой твердью малой планеты величественный Сатурн, озаряемый странным сиянием могучего разнополюсного кольца... Наткнувшись позже еще раз на тот журнал (им оказался номер сойкинского «Природа и люди» начала века), я запомнил из редакционного объяснения, что репродукция изображает ночь на Мимасе — ближайшем (по научным данным того времени) спутнике Сатурна, а принадлежит эта картина кисти ученого аббата Моро, художника-астронома, постаравшегося учесть и относительные размеры Сатурна, и наклон его кольца, и положение тени, — все это было скрупулезно рассчитано им теоретически...

Целая подборка космических пейзажей («Вид Земли с Луны», «Марс с его лунами», Венера, Меркурий, Юпитер, тот же Сатурн и даже «Пейзаж планеты другой системы, освещенной четырьмя солнцами и четырьмя лунами») приведена во втором выпуске редких ныне «Межпланетных сообщений» Н. А. Рынина (1928).

Однако в то время подобные публикации интересовали, по-видимому, лишь узкий круг энтузиастов, самозабавно занимавшихся проблемами межпланетных сообщений.

Сейчас, когда сами эти проблемы по-новому высвечены современной наукой (и уже не только наукой, но и практикой!), по-новому же воспринимается и космическая живопись.

Она перестала быть отдушиной для «посвященных». Со страниц специальных изданий она проникла в самые популярные, самые общедоступные — такие, как, скажем, журнал «Огонек». Она демонстрируется ныне на конгрессах ученых и в выставочных залах, вызывая интерес у самой разнообразной и широкой аудитории...

Уже не игру холодного ума, увлекшегося магией астрономических вычислений, а в первую очередь эмоциональное начало воспринимаем мы в фантастических экскурсах наших живописцев.

В этом смысле, пожалуй, особенно показательны картины сочинского художника Г. И. Курнина.

В отличие от полотен большинства его собратьев по жанру, на них

ПРЕОБРАЖЕННАЯ ВЕНЕРА.

нет земной техники — пусть даже техники отдаленнейшего будущего. Почти не встречаются на них и сами земляне. — их вы увидите лишь на одной из четырех картин, репродуцируемых на нашей вклейке. Его полотна — это именно пейзажи. Ландшафты далеких миров, живущие в воображении художника, выпснутые на холст и, возможно, — а почему бы и нет?! — взаправду поджидające где-нибудь в безвестном далеком далеке, когда же, наконец, станут их очевидцами первопроходцы — наши праправнуки.

А что, в самом-то деле?!

Разве так-таки исключена возможность будущей переделки климата той самой Венеры, где сейчас под плюс пятьсот? И ни за что не примет растительность, занесенная землянами на укрощенную планету, вот такой необычайный вид — способность к самосвечению, спиралевидные безлистые ветви, свертывающиеся с приближением бури?

Разве никогда не бывать посланцам Земли свидетелями рождения

новой планеты, на которой уже проглядывают кое-где скальные образования, правда, в любой момент могущие погрузиться в раскаленную магму?

И не встречать чужезвездных ночей, чей мрак развеян светом не одной, как на Земле, а сразу трех лун?

И — во всех своих космических странствиях так и не найти инопланетную жизнь, пусть даже — в облике гигантских насекомых?

Право, не хотелось бы иметь дела с человеком, который на все эти вопросы ответит безговорочно отрицающим «да»: слишком скучен должен быть мир будущего в глазах столь закоренелого скептика...

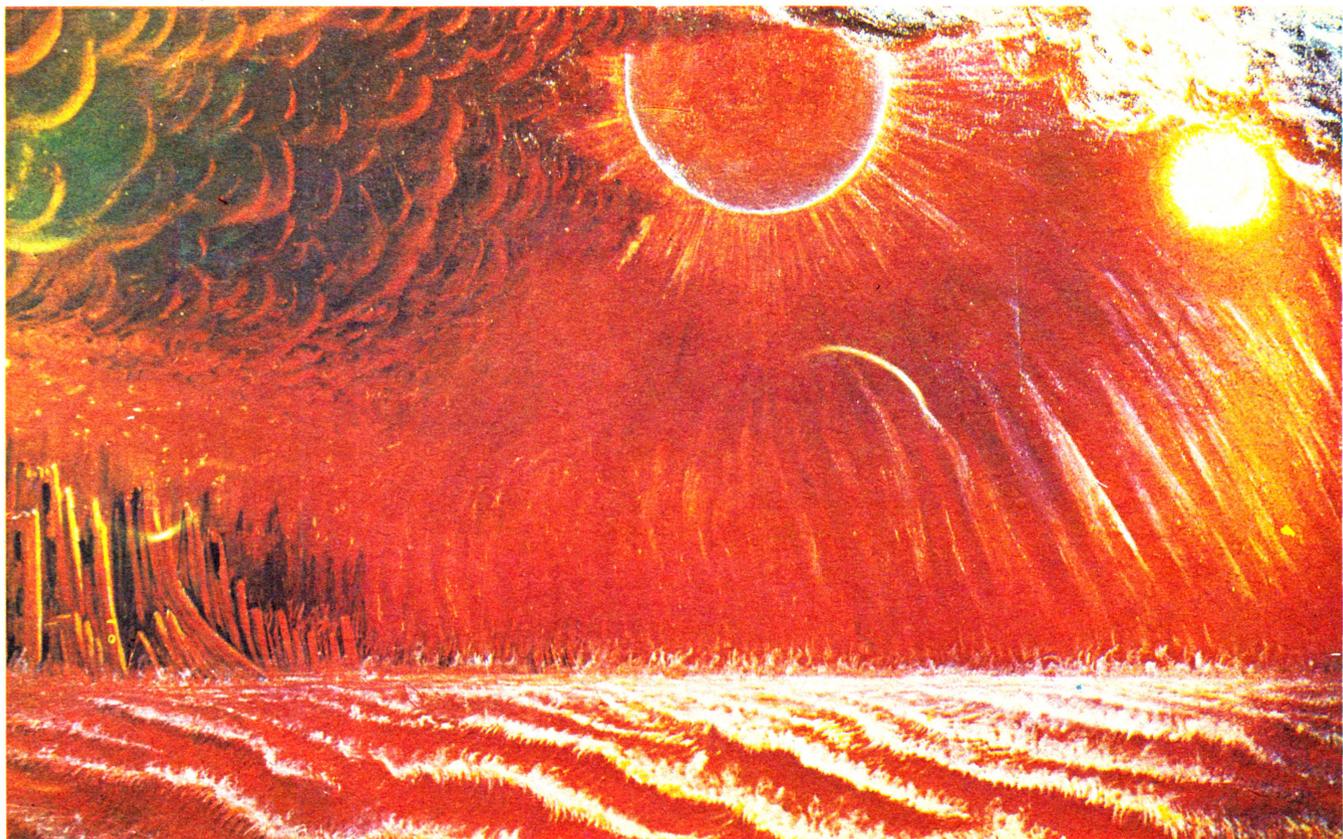
Скептикам противопоказано многое, в том числе — и картины Курнина, яркий, взволнованный мир этих полотен, о котором так отзывался, впервые представляя художника широкому читателю, летчик-космонавт В. И. Севастьянов: «Человек, прилетевший на неизведанную пла-

нету, о которой столько мечталось, поначалу будет жадно осматриваться. Георгий Иванович очень точно передает настроение этих волнующих первых минут...»

Видимо, именно эта взволнованность и яркость полотен Г. И. Курнина побудила жюри международного конкурса «Мир 2000 года» присудить художнику первую премию. А ведь в конкурсе участвовало 1400 живописцев из разных стран, представлено было свыше 4000 работ...

Первые свои космические картины Курнин написал еще в середине пятидесятых, когда человечество только готовилось к штурму Космоса. Как пришел художник к этой теме? Как он вообще стал художником?

— В юности, — рассказывает Георгий Иванович, — я страстно хотел стать путешественником и всерьез готовился к этому. Занимался спортом. Много читал книг по географии, археологии, палеонтологии, ботанике и зоологии. Много рисовал и писал красками, так как и это было нужно для путешественника...

РОЖДЕНИЕ ПЛАНЕТЫ В СИСТЕМЕ ДВУХ СОЛНЦ.

Школьный учитель рисования настоял, чтобы я после седьмого класса поступил в художественную школу. Так я и сделал, ведь это не противоречило моим замыслам...

Так или иначе, но выбор был сделан: за художественной школой последовал университет, несостоявшийся путешественник стал поначалу искусствоведом, а затем и художником.

Впрочем, почему — несостоявшийся? А его экскурсии в иные миры?

— В нашей библиотеке, — вспоминает художник, — было очень много сказок, их любила вся наша семья. По вечерам к нам приходили соседи, и старшая сестра, мечтавшая стать актрисой, читала вслух. И, верно, умела хорошо читать, потому что слушатели весьма активно переживали все эти сказочные истории. А для меня они были как бы второй реальностью: я несколько не сомневался, что все, о чем рассказывалось, происходило на самом деле... Потому что юности, встретившись с книгами ге-

ниального Жюль Верна, я сразу увлекся фантастической литературой и с упоением читал все, что мог достать... Живопись, фантастика, музыка стали главными увлечениями моей жизни. Вполне логично и естественно, что свое творчество я посвятил Космосу. Я стоял перед этой темой, как стоит путешественник перед Терра Инкогнита — Страной Незведанной. Меня неодолимо влекло как можно скорее начать путешествие в эту таинственную страну, но в то же время я хорошо понимал: нужна большая подготовка, чтобы сделать даже первый шаг...

— В основном нужно было решить две задачи, — рассказывает далее Георгий Иванович. — Во-первых, основательно проштудировать точные науки. Особенно астрономию и все, что с ней связано. Во-вторых, нужно было научиться картину, рожденную воображением, видеть ясно, как реальную. Решение первой задачи требовало только времени. Но как решить вторую?.. Я начал тренировку воображения путем писания

картин на земную тему — по памяти, впечатлению и настроению, без помощи этюдов и эскизов. Только через пять лет такой подготовки я решился написать первую картину о другой планете...

Столь тщательно продуманная подготовка принесла — и продолжает приносить — свои плоды: сейчас в активе художника, помимо двадцати пяти сугубо земных картин, — тридцать космических полотен.

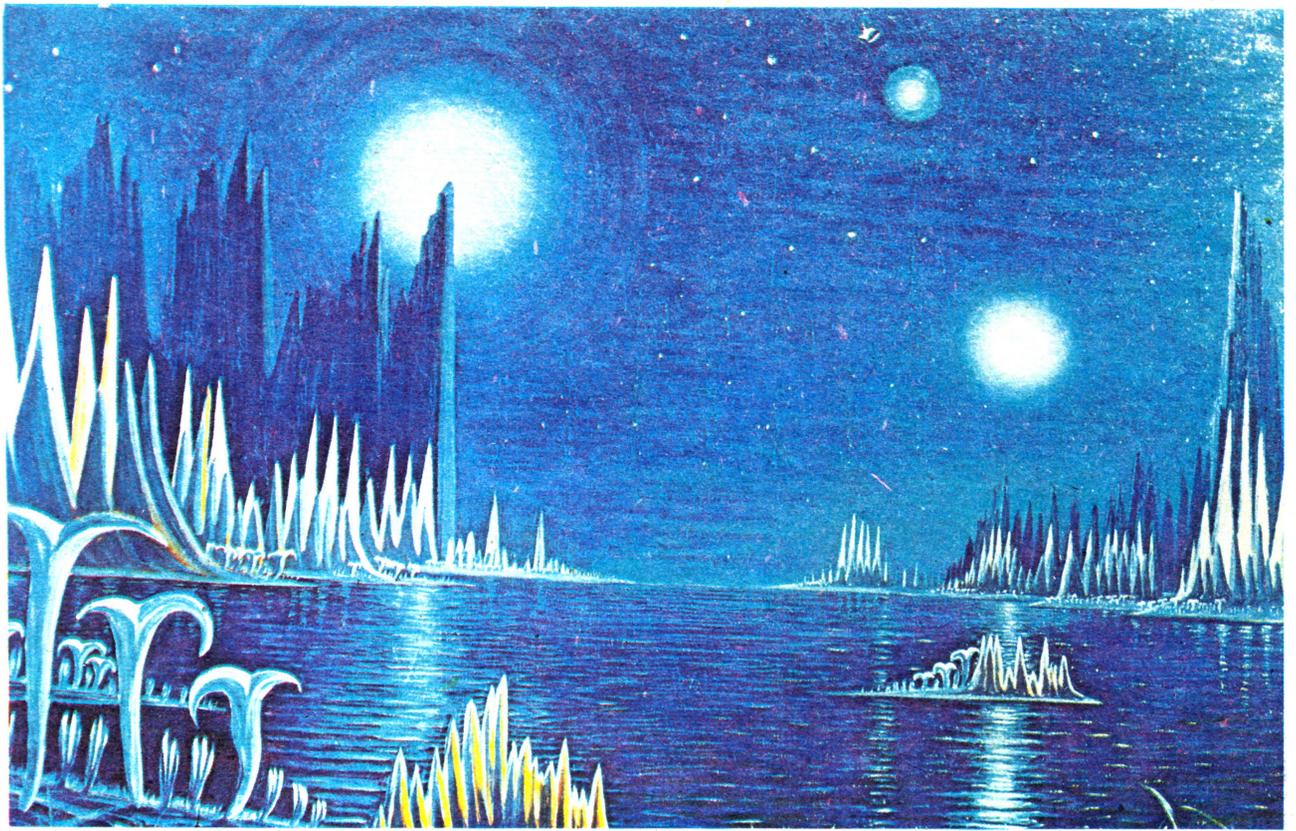
Тридцать окон в иные миры.

Знакомство читателей журнала с четырьмя из них, нигде до сих пор не публиковавшимися, хочется закончить строками из «Звездных сонетов» Леонида Вышеславского:

Мы со своей мечтою
дерзновенной
отныне — корабельщики
Вселенной.

Вселенная — открытый океан!

ПЛАНЕТА С ТРЕМЯ ЛУНАМИ НА НЕБЕ.

ПЛАНЕТА В СИСТЕМЕ ТРЕХ СОЛНЦ.

ЭТИ СТАРЫЕ, * СТАРЫЕ КНИГИ

Юрий
РЯЗАНОВ

Оформление
З. Баженовой

В последние годы наряду с растущим интересом к книге вообще возрастает интерес и к старинной книге. Собираение древнепечатных книг и рукописей — не бездумное «хобби». Место этим памятникам культуры — на полках государственных хранилищ, на стендах и в витринах музеев. Древняя рукопись, старинная печатная книга служили и еще послужат нам. Люди будут любоваться этими свидетельствами таланта, труда и терпения наших предков, они найдут и своих исследователей. Многие из древних книг — церковного происхождения и религиозного содержания. Но отбросьте эту оболочку — и жизнь, история, мастерство и художественный талант наших предков живо встанут перед вами. И еще об одном думаешь, бережно переворачивая ломкие страницы: как же дорожили люди книгами, если через века и века дошли они к нам! Уважение и любовь к книге, быть может, — один из древнейших непреходящих элементов нравственной культуры человека. Как прекрасно сказано в «Азбуковнике» XVII века: «Учение книжное дает свет ума душам нашим, как солнце светом своим действует...»

ЧАСОВНИК

— Столоверы мы, столоверы, стало быть, — уверенно повторила Агриппина Ивановна. — Такая у нас секция.

— А может, староверы? А?

Старушка от обиды даже губы поджала и умоляла. Я почувствовал, что поступил опрометчиво. Пришлось извиниться, сославшись на свою неосведомленность в этом вопросе. Мое отступление примирило нас, и разговор несколько оживился.

Недоумение мое разъяснилось вскоре. Агриппина Ивановна поведала, что она поморка и что вера у них тоже поморская. Значит, я был прав. Но об этом пришлось пока умолчать.

— У меня есть книга, в ей все сказано. Что было на свете и что будет и что чичас есть, — разоткровенничалась Агриппина Ивановна.

— Что же это за книга?

— А вот чичас увидишь...

Старушка с кряхтением встала из-за стола, перекрестилась и, тяжело ступая, удалилась в горницу. Там под образами стоял сундук с музыкальным замком — еще приданое Агриппины Ивановны. Она отперла сундук и достала что-то завернутое в головной платок.

— Вот, смотри. Грамотный, небось?

Я стал развязывать узел.

— Постой, а руки-то помыли? — почти испуганно спросила она. — За святыню нельзя братья немывыми руками...

Эта фраза мне запомнилась. В ней я усмотрел символический смысл. И мне стало понятным, почему до наших дней, подчас в довольно хорошем состоянии, доходят рукописные и древнепечатные книги, которым по триста, а то и по четыреста лет — их очень берегли.

Но «Псалтырь» Агриппины Ивановны, когда я ее внимательно рассмотрел, оказалась поздней, конца прошлого века, перепечаткой. Ей не было и ста лет.

— Всю прочитала? — спросил я.

— Ну, — старушка безнадежно взмахнула рукой и добавила: — Малограмотная я.

И в самом деле, читала она по слога, далеко не бегло. Я поинтересовался, откуда же она знает содержание книги.

— Люди читают, а я слушаю. Суседка у меня была шибко грамотная. Вот мы с ей и собирались на четки.

Несмотря на преклонный возраст, Агриппина Ивановна была жизнелюбивой, по дому управлялась сама. В кухне и комнате было уютно и чисто. И хотя с сыном своим она не ладила, была уверена в себе и в своем будущем.

Мне подумалось, что часы жизни

Агриппины Ивановны зацепились где-то малой стрелкой несколько десятилетий назад. Нельзя было не пожалеть старуху, которая неизвестно ради чего лишила себя многого в жизни: она никогда не слушала радио, сроду не бывала в кино, в театре, не прочла ни единой книги. И в то же время, в восемьдесят с лишним лет, сохранить такую чистоту восприятия мира, радоваться солнышку, хорошей погоде, улыбаться людям — не каждый сумеет...

Агриппина Ивановна спросила — кто послал меня к ней. Я сказал ей, назвал фамилию.

— Из музея, стало быть? Такая в очках? Ну как же, помню. Шалая! Еле ее выпроводила, музейщицу. Вцепилась в прялку: отдай, да отдай! Спонат, говорит. Спасибо, Граня помогла, суседка, за солью зашла...

Но Агриппина Ивановна зла на сердце не держала. И об этом курьезном случае рассказывала с улыбкой. Даже выволокла из-под кровати ту самую расписную прялку, которую смастерил ей еще до первой мировой убитый на той войне супруг Трофим Яковлевич. И сейчас она называла его уважительно — по имени и отчеству. Вот почему она отстояла от сотрудницы музея свою прялочку. Это была память о близком человеке. Она свято хранила всю жизнь прялку.

— А ты, стало быть, тоже старыми вещами интересуешься?

Я признался, что увлекаюсь коллекционированием именно старины.

Накинув на голову пуховую шаль, Агриппина Ивановна вышла в сенцы. Ее не было довольно долго. Наконец она вернулась с несколькими книгами в руках.

— Глянь-ка. Авось подойдет?

Это было несколько измызганных школьных учебников, изданных десятков лет назад.

Старушка была искренне удивлена, что эти старые вещи меня не заинтересовали.

Пришло время прощаться. Все свои дела я завершил накануне, и сейчас намеревался пойти на автобусную остановку.

На дорогу Агриппина Ивановна уговорила меня выпить горячего чайку с черной смородиной с ее огорода. В приглашении было столько неподдельного радушия, что не хватило решимости отказаться. Да и время еще не подгоняло.

В прошлое чаепитие, когда я только пришел сюда, хозяйка доставала чайник из русской печи, с таганка. А сейчас она протянула руку в дальний угол стола и сняла чайник с... кожаной крышки толстой книги. У меня екнуло сердце.

— Тоже «Псалтырь», — объяснила Агриппина Ивановна. — От суседки остался.

— От той, что шибко грамотная была?

Хозяйка подтвердила.

Теплая от чайника, с четко отпечатавшимся кругом по всей крышке, книга в моих ладонях. Нечеткая прослабленная печать, коричневатая киноварь вязи, резные заставки по черному полю — все как будто подтверждало: книга древняя. Я поднес ее к окну и посмотрел на свет листы. Смутно проступила сетка и филигранный XVII века — кувшины.

Перелистав всю книгу, я нашел и выходные данные. Она была отпечатана при втором царе из рода Романовых — Алексее Михайловиче и называлась вовсе не «Псалтырью», а «Часовником». Вот и дата: 7154, то есть — 1646 год.

Мучаясь сомнением, пожелает ли старуха расстаться с этой книгой, я объяснил Агриппине Ивановне, что «Часовник» меня очень интересует. Тут я чуть не испортил все дело. Увлечшись, я предложил хозяйке продать книгу. Она обиделась.

Но все обошлось благополучно, когда мне удалось выяснить, какая книга интересует хозяйку «Часовника». Оказалось, «Божественная», лицевая. Пообещав гостеприимной хозяйке достать на обмен нужную ей книгу, я побежал к автобусной остановке...

Месяца через три, в ростепель, я снова поехал в Юрюзань. И хотя в моем портфеле лежала лицевая, то есть с картинками, книга, я все же волевался. Вдруг Агриппина Ивановна отдала книгу кому-нибудь, вдруг раздумала обменять ее, вдруг... Войдя в избу и поздоровавшись, я увидел в углу стола тот самый чайник на той самой книге. Дальше все пошло, как нельзя лучше. Агриппина Ивановна, взглянув на цветные иллюстрации «Страстей Христовых», почувствовалась и сама завернула мне «Часовник» в чисто выстиранную тряпицу. Выслушав довольно пространное напутствие о том, как бережно следует относиться к святым книгам, и отведав вкуснейших белых со сладким чаем, я стал владельцем положившей начало моей коллекции древнепечатной книги.

ТРИОДЬ ПОСТНАЯ

Мой собеседник Иван Андронович Устюжанин — крепкий старик с седой, без единого темного волоса, бородой и такой же шевелюрой, густой, постриженной «под горшок». Глаза — светлые, чуть насмешливые, быстрые и молодые, словно старику вовсе и не семьдесят с лишним лет, и нет позади многотрудной жизни.

Среди стариков слывет он грамотеем и знатоком знаменных книг.

Держится с достоинством, а все свободное время проводит за изучением старинных толстых фолиантов.

Любовь к книге и свела нас. Когда у меня в руках древнее издание или рукопись, я испытываю радость. Листая страницы, нередко тронутые копотью лучин или закапанные воском, я мысленно как бы переношусь в те времена, когда была создана эта книга, и воображение рисует людей и события тех лет. А мостик к ним — эти хрупкие, кремового и коричневого оттенков листы, заполненные четкими буквами печатной кириллицы или написанные от руки.

В этот раз Иван Андронович встретил меня особенно радушно. За чаем с медом, лукаво поглядывая на меня, спросил:

— Ты, Юрей, клад когда находил?

Я ответил, что не приходилось.

— А я знаю, где клад зарыт.

— В книгах вычитали? — шутил-во спросил я.

— Доставай деньжонок, поедем с тобой клад откапывать.

Старик упорно не желал сказать, что в том кладе зарыто. Только назвал место — деревня Ключик, зовется так по студеному ключу, питающему маленькую речушку.

Я согласился, хотя деревня та находилась в соседней области — путь не близкий.

Ехали на автобусе и поезде, опять на автобусе. А из районного центра до Ключика — на такси. Наконец, добрались. Шофер высадил нас на окраине и укатил. А деревня оказалась большущим селом, протянувшимся на три километра по берегу реки.

По пути начала раскрываться тайна клада. В Ключике Устюжанин жил целый сезон лет тридцать назад. Катал валенки, обул все село и уехал. То, что старик раньше пимокатом был, я знал, но какое отношение имеет это ремесло к кладу, не мог сообразить.

С помощью старожиллов удалось установить, у кого же квартировал Устюжанин. Сам этот человек давно умер, жива была его дочь, и жила она в том же доме, что очень обрадовало Ивана Андроновича.

Вскоре мы были у Марии Максимовны, известной в селе старообрядки. Я молчал, все переговоры вел Иван Андронович. Хозяйка признала пимоката, напоила нас чаем с сушеными ягодами. Наконец Иван Андронович рассказал о цели своего приезда: оставил-де тогда здесь в селе одну вещь, за ней и прикатил в такую даль. Мария Максимовна поинтересовалась, что за вещь и где хранится.

— Да здесь же у вас и лежит, где оставил, — сказал, улыбаясь, Иван Андронович. — Открой голбец-то.

Хозяйка открыла лок подпола. Гость по лестнице спустился в недра

обширного электрифицированного погреба-подвала.

— Крынку с огурцами не разбей, — уже сурово сказала хозяйка.

И вот настал торжественный момент — Иван Андронович появился у люка. В руках он держал облепленный землей внушительного размера сверток. Я принял его, как новорожденного.

И тут дородная хозяйка к великому моему изумлению вспорхнула с сундука и протянула пухлые свои ручки к кладу.

— Наше это, отцом нажитое!

Я выпустил клад. Она бросила его на столешницу и принялась раздирать ветхую ткань, в которую было завернуто что-то похожее на небольшой ящик. И вдруг я увидел — это же книги! Поняла это хозяйка, тотчас отступилась от «клада».

— Думала, золото? — с укором спросил Иван Андронович.

— Не сорите в избе-то! — строго прикрикнула хозяйка.

— Это подороже золота-то будет — мудрая вещь, книга, — сказал Иван Андронович.

Через сутки мы были дома. Иван Андронович не стал делить «клад». Может, весьма ветхий вид книг его оттолкнул. А может, понял, как мне эти книги понравились. Словом, подарил.

Всю обратную дорогу Иван Андронович посмеивался и повторял:

— Ишь, ты, бросилась-то как? Думала — золотишко...

Я после долго хлопотал над этими книгами. Одна из них оказалась «Триодью постной». Она была напечатана «мастерством и трудом многогрешного Ивана Андроникова сына Тимофеева и прочих сработников в 1607 году в городе Москве». А вторая была и того интереснее. Мне удалось позднее установить, что этот превосходный том отпечатан в Москве же в 1594 году отцом Ивана Андроникова — Андроником Тимофеевичем Невежей, сподвижником первопечатника Ивана Федорова. После вынужденного отъезда из Москвы Ивана Федорова и Петра Мстиславца наследником их в столице остался Андроник Невежа. Он продолжил дело, начатое первопечатником. Андроник Тимофеевич, которому выпало счастье участвовать в издании первой русской печатной датированной книги «Апостол» (1563—1564 гг.), прожил долгую жизнь, передав по наследству друкерское мастерство сыну Ивану.

Как-то я спросил у Ивана Андроновича, почему эти три книги (третьей, лучше всех сохранившейся, оказалась переизданное в начале XX века «Евангелие») были закопаны в погребе. Он хитро прищурился, «подоил» бороду и сказал:

— Подальше спрячешь — поближе возьмешь. Да и надо было скоронить книги...

Но обо всем этом я узнал много позднее, когда древнепечатные и рукописные книги моей коллекции заставили меня заняться ими серьезно.

АПОКАЛИПСИС

Об этой рукописной книге я узнал от одного знакомого коллекционера. Это был «Лицевой Апокалипсис». Лицевой, значит, иллюстрированный. Поскольку книга была рукописной, то и многочисленные рисунки были выполнены художником. Правда, бывает, что книга рукописная, а иллюстрирована печатными гравюрами. Или наоборот: книга печатная, а раскрашена и иллюстрирована от руки. Но эта была и написана и оформлена изографом, — и каким!

Когда я впервые раскрыл «Апокалипсис», то изумился — еще никогда в моих руках не было ничего подобного. Каждый лист, почти каждая страница напоминали крыло чудесной бабочки, радостное многоцветье, сочность красок завораживали взгляд. И так — на семидесяти семи иллюстрациях, во весь лист каждая. Сюжеты религиозные: то многоглавые чудовища (то ли крылатые змеи, то ли доисторические ящеры), то легкокрылые ангелы в сверкающих одеждах, то толпы обнаженных грешников, пронзаемых длиннющим копьем архангела, корчащихся в котлах с кипящей смолой. Фантазия автора сближала эти сюжеты с миром сказки, а простота и непосредственность рисунков порой граничили с реализмом.

Владельцем «Апокалипсиса» оказался довольно интеллигентный на вид человек. Увлекался филателией, но давно отошел от коллекционерских дел. Лева — так он предложил себя называть — был приветлив, даже любезен. Улыбаясь и посмеиваясь, он ненавязчиво выяснял, для какой цели мне нужна книга, сколько я могу за нее заплатить. А после моего ответа вдруг сказал, что продавать книгу не собирается, что его неправильно поняли и т. д.

Потом на сцене появилась его супруга, которой жаль было расставаться с книгой. Потом возник его друг, восплававший страстью купить книгу за почти фантастическую сумму... Одним словом, передо мной был один из тех «коллекционеров», которые все превращают в бизнес. Среди племени собирателей есть, к сожалению, и такие.

Жаль мне было упускать эту книгу, а еще больше — оставлять ее в таких руках. Помню, однажды на книжной «толкучке» развязный «коллекционер» старшего школьного возраста бойко торговал листами древней рукописи — «по трешке за штуку, с картинкой — по пятерке». Листы расхватавали как сувениры. Я

взял один, разглядел на свет: в солнечном потоке ясно выступила фиангрань первой половины XVIII века. Но было уже поздно: от разброшюрованной книги осталось всего несколько листов. Книга была погублена корысти ради. Когда я об этом сказал юнцу, тот лишь нагло улыбнулся.

И вот «Апокалипсис» у меня — в обмен на часть моей коллекции. В собрании древнепечатных и рукописных книг он занял свое место. Теперь ему не грозит участь рукописи, распроданной по листочку. Книга будет радовать посетителей музея лучезарным искусством изографа, жившего в далеком восемнадцатом столетии.

НА ПОЛЯХ ДРЕВНИХ КНИГ...

Нередко по нижним полям листов древних печатных и рукописных книг встречаются пометы. Обычно это дарственные, вкладные надписи и свидетельства о приобретении и принадлежности книги определенному лицу или церкви, монастырю.

Иные из надписей интересны.

На самой древней датированной книге из моей коллекции — Евангелии — читаем следующее: «Лета 7097 (1588) в 14 день по приказу бывшего воздвиженского игумена Иосафа что велел по себе и по своих родителях положить на престолье у Воздвиженья честного и животворящего креста господня евангелия тетро в деств на бумазе... евангелие деньги... и положил слуга его Алексей Зуй а то евангелие ис церкви не вынести никому доколе монастырь стоит а кто то евангелие из церкви вынесет а тому со мною судиться перед спасом а писал сее евангелие в скоринской протопоп Даниил бывший».

Сейчас может вызвать лишь улыбку грозное предостережение: в случае похищения книги из церкви — предстать злоумышленнику перед самим богом...

Иногда среди имен владельцев книги встречаются знаменитые фамилии.

На «Октоихе» (одна из служебных церковных книг), вышедшей из-под печатного станка московской типографии 7 мая 1631 года, читаем: «Положил книгу сию октай пятого до восьмого гласу в дом Николе Чудотворцу и Дмитрию Селунскому (в церковь, посвященную этим святым) Матфей Иванович Кутузов на память о себе и своим родителям лета 7141 года (1633) Игнату Ефросину иноку, Григория убиенного Федора Семиона убиенного Стефана, Михаила».

Фамилия Кутузовых была известна на Руси с XIV века. От Федора Александровича Кутузова (кутуз — кожаная или матерчатая подушка с песком у кружевниц) и пошел славный род, а его отчество Голенищевых дало России знаменитого полководца Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова. Не одному ли из его пращуров принадлежала эта книга?

В XVI—XVII веках печатная книга на Руси стояла чрезвычайно дорого. Без преувеличения можно сказать, книга была целым состоянием. Не случайно во время пожаров в первую очередь выносили иконы и книги. Подтверждает это и моя «Кормчая» середины XVII века. Объемистый том в кожаном переплете с обшурованным образом несомненно побывал в огне.

А на «Псалтыри с воследованияем», напечатанной Московским Печатным двором в 1625 году, имеется надпись, строго-настрога приказывающая эту книгу из церковной казны не отдавать и не продавать.

Но подобные предостережения не действовали: книги из церкви и отдавали и продавали, корысть брала верх, и бога не боялись...

А в этих строках — крик отчаяния. В тоненькой рукописной книжиде канон (за болящего и на исход души) на не заполненном текстом краешке страницы неизменная нам жительница Руси признается: «Родные вы мои батюшки. Что я с собой сотворю, есть ли руки на себя положу, то душу свою погублю, есть ли кому отстать дочурок. Сторону спознать, то своего дому век не видать...». Запись относится, вероятно, к началу XIX века.

На другом, тоже написанном в начале XIX века, сделана такая заметка. «1827, апреля 1, поутру солнце было видно сим знаком (нарисована фигура, похожая на подковку, повернутую выпуклой частью влево) после сего означало знаком (та же подковка, но в обратную сторону), а ввечеру явился круглой и весь в крови или багрян в густых облаках. День был мрачной и стоял туман и холодно... Восход продолжался ясной и утро холодное».

Бывает, на одной книге сохранилось по несколько вкладных надписей и сведений о владельцах. Так, на «Октоихе» 1631 года издания Матвея Ивановича Кутузова, о котором уже упоминалось, параллельно идет еще одна запись: «Сия богодухновенная книга Октай принадлежит Челябинскому старообрядческому Часовенному обществу с 1887 года».

Запись очевидца. Какое пугающее впечатление оставило затмение солнца, чувствуется в описании светила: «явилось в крови»... Это естественное явление природы показалось автору строк настолько загадочным и даже зловещим, что он довольно

подробно описал его, да еще на какой книге. А сколько подобных, почти стертых временем, полувыцветших загадочных надписей на листочках древних книг могут рассказать нам о наших безвестных предках...

АЗБУКОВНИК

Как-то по редакционным делам приехал я в Златоуст. И от местного журналиста узнаю, что в городе живет одна старушка, у которой хранится одна очень древняя книга. События уверял, что написана она на бересте или коже, причем красными чернилами. Неужели здесь, в Златоусте, может оказаться пергаментная книга?

В тот раз мне не удалось узнать ничего конкретного, но в Златоусте я и позже был не раз и все старался узнать что-нибудь о хозяйке книги. Так подружился я со старожилом города Михаилом Степановичем Гостевым.

Однажды, приехав в Златоуст, я случайно попал на семейное торжество — день рождения Михаила Степановича. Ему перевалило за девятый десяток. На именины собралось довольно много народу, и, конечно, много старых людей было здесь. Каюсь, я и в праздничном застолье завел разговор о той самой книжке. И вот тут-то одна из женщин, назовем ее Екатериной Григорьевной, спокойненько говорит: «Она у меня».

Я, конечно, разговорился с владелицей, но и в тот раз пришлось уехать, так и не увидев то, что я так долго разыскивал.

И вот — чуть не через два года после начала поиска — наступил для меня счастливый день: я держал в руках небольшой по формату, но довольно толстый том! Он был в отличной сохранности. Четким почерком профессионального писца были аккуратно самым образом заполнены листов триста. И почерк, и бумага говорили, что это рукопись XVII века. Мельком просмотрев рукопись, я назвал ее условно «цветником». Так образно на Руси именовали сборники произведений разных авторов, обычно церковных писателей.

Это был «Алфавит», или «Азбуковник». До него мне не попадались столь древние книги мирского содержания. Естественно, «Азбуковник» вызывал большой интерес. Я даже потом носил книгу повсюду с собой, чтобы при любой возможности разбирать ее вязь. Этого, разумеется, не следовало делать, потому что случайная потеря рукописи оказалась бы невосполнимой. Нескоро удалось одолеть всю рукопись, но сейчас я сделал и перевод одной из самых любопытных частей «Азбуковника» —

Космографии (краткая география известного тогда мира). Поначалу «Космография» показалась мне самой настоящей сказкой. Но, читываясь внимательней, я увидел, что сквозь фантастическую пелену восприятия действительности тогдашним человеком проглядывают реальные контуры материков, страны, народы, знания о них.

«Азбуковник» можно назвать прообразом краткого энциклопедического словаря. В нашем экземпляре названо более 2200 слов. Причем, на полях многих из 326 листов рукописи против объясняемых слов сделаны ссылки на источники толкования. Это по большей части труды отцов церкви, а также хроники, материалы вселенских соборов, с десятком «мирских» книг, среди которых меня особенно привлекла ведомая только составителю «Азбуковника» книга «О небесных стихиях».

«Азбуковник» содержит сведения из истории, географии, зоологии, ботаники, грамматики, минералогии, медицины, астрономии и других областей знания. Причем, толкуемые слова взяты из различных языков: арапского, армянского, евклитского(?), иверского (грузинского), латынского, литовского, макидонского, пермского, скифского, татарского, чешского (чешского) и других. И для каждого в средневековом русском языке уже тогда нашлось не только близкое по смыслу слово, но часто два-три синонима.

Чего только не знал составитель «Азбуковника»! Тогда, три века назад, все эти сведения считались достоверными. А сейчас нельзя без улыбки читать строки: «Аримасви есть люди об одном глазе, живут в татарских землях». Оказывается, циклопы жили в Азии, которую на Руси называли «татарскими землями». Знали тогда и о пигмеях. «Живут во индейской земле, невелики ростом и недолговечны. Жены их родят в пятый год... а восьмой год состареются. А за корм с журавлями дерутся. А ездят на колесницах и стреляют из луков».

Вообще об «Индийской земле» в «Азбуковнике» рассказывается много. Но в основном это чудеса, вымысел, сказки, потому что на Руси об Индии тогда знали мало, а знаменитая книга Афанасия Никитина «Хождение за три моря» лежала век под спудом в архиве одного из царских приказов.

Наровчатов в своем «Необычном литературоведении» говорит: «Мы (современные люди) в своем сознании проводим четкую границу между реальным и нереальным, подлинным и недостоверным. Мифическое сознание такой границы не знало. Для предков наших миф был хоть и необычным, но годичным событием, в мифологии чудесное не отличается от действительного, они взаимно обратимы и взаимопроши-

каемы. Все чудесное естественно, все естественное чудесно».

Эту мысль подтверждает содержание «Азбуковника».

Множество слов в «Азбуковнике» эллинского происхождения: ареопаг, арфа, Артемида, акростик, Эпикур («был некто философ эллинский»), Димостен (Демосфен), атом, Илиада, Ираклит (Гераклит), Козмос — «по гречески наречется весь горный мир и все человечество», Пифагор, Зевес, Орфей, Арий (Арес), магнит, Аполлон, амазонка и много других.

Некоторые понятия «вещств», то есть предметов, почти не изменились по смыслу до сих пор. Но иные слова за несколько утекших столетий наполнились новым содержанием.

«Абдыкар» — врач, который зелия врачевные составляет.

«Геометрия» — планитная книга (астрономия).

«Тризна» — подвиг.

«Тацдевать» — ликовать.

«Торжище» — мясной ряд.

«Урода» (урод) — ..уродившийся благообразен или телом велик и крепок.

«Шика» — шелк.

«Позор» — то, что бывает зримо без удивления.

Оказывается, уже четыре века назад жители Руси употребляли в пищу, например, огурцы. Их стол разнообразили горчица, корица.

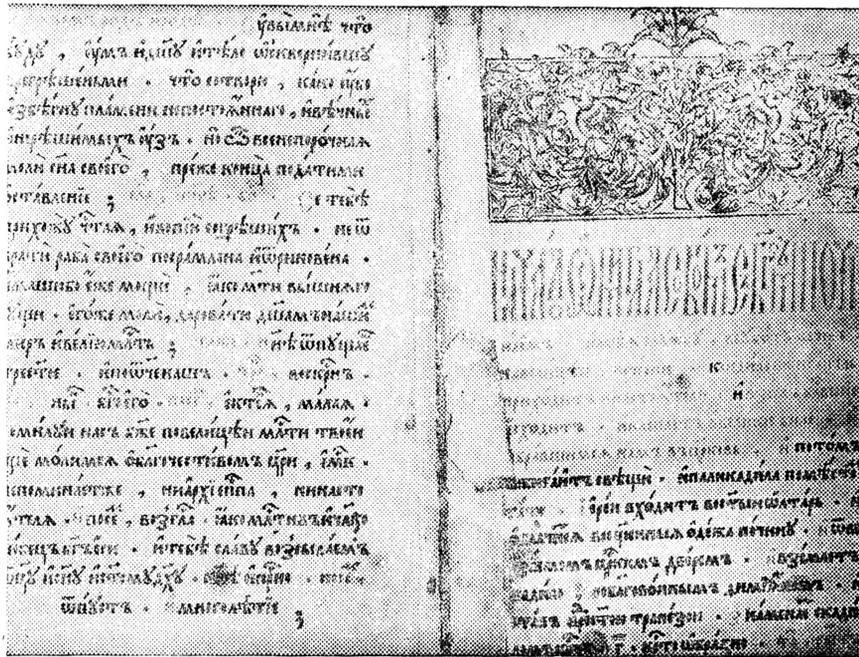
Кроме собственно словаря есть и другие разделы. Один из них посвящен расшифровке около 350 имен.

Так, Анютка, родившаяся, к примеру, в 1570 году, могла прочесть в «Азбуковнике», что имя ее значит по-русски — радость, Виктор и Викентий — победители, Алексей — посолитель, помощник и толкователь, Андрей — мужественный.

Два раздела — «О птицах и рыбах» и «О зверях и змие аспиде и иных гадах» — можно назвать учебником зоологии. Меткие характеристики диких животных представителей животного мира зачастую переплетены с фантастическими представлениями.

Удивительно, но верили люди в реальное существование вот такого зверя: «Аспиде, есть змия крылата, но имеет два птичьих хобота (хвоста), живет в горах каменных, и когда она засвищет, горы потрясутся». Каким же загадочным и пугающим был окружающий мир для наших предков, даже столь просвещенных, как автор «Азбуковника»!

«Азбуковник» — не просто любопытная диковинка. «Не откажите в любезности выслать нам во временное пользование текст Вашего перевода «Книги, глаголемой космографией», — такое письмо получено мною от ученого секретаря Географического общества СССР, прочитавшего большую заметку, опубликованную городской вечерней газетой. Он считает,

Страницы из «Триоди постной», напечатанной Андроником Нежей в 1594 году.

что эта редкая рукописная книга безусловно заинтересует многих историков географии.

КОСМОГРАФИЯ

«Космография» описывает три старых части света, четвертую — Америку и различные страны.

В недавние времена латинские философы обрели на Западе на море-океане много разных островов. Некоторые из них населены людьми и богаты, некоторые безлюдны и называются они Америкой. Так назвали четвертую, новую часть света и прибавили к известным по Космографии трем частям Земли. Космография включает в изучение каждую страну всех четырех частей Земли, царства и королевства, различные их богатства и размеры, вероисповедание и нравы, населенность и даже насколько храбр народ, учен и мудр.

Вот некоторые страницы этого перевода, представляющие, несмотря на очевидную наивность иных мест, определенный интерес.

ИТАЛИЯ. Находится на западе Европы, владения Иафета, младшего сына Ноя. Лежит на море Венецианском, возле самой Венеции. Италияцы происходят от Италицея Храброго, выходца из Трои. Простирается от Римского царства до Испанского королевства. Храбрых воинских людей немного, большинство — купцы. Города здесь построены из камня. Земли плодородны. Богатые урожаи овощей, много домашнего скота, преуспевают италияцы в науках. Развито у них и ювелирное искусство.

БОЛГАРИЯ. В состав этого царства входят и хозары. Площадь Болгарии невелика: от Греции до Чехии. Народ же очень храбрый, больше половины населения — воины. От недружественных народов отделяет Болгарию великая река Дунай, быстрая и широкая — пять верст в ширину — и богатая живностью. Впадает в Черное море.

ФРАНЦИЯ. В древние времена богатое и славное государство было. Ныне обрела Франция острова, бога-

тые драгоценными камнями и бирюзой. Землей Франция очень пространна. Язык французский и воины своей храбростью известны по всей Европе, части Иафетовой. Как храбрые воины, французы нанимаются для войны во многие государства и оттого известны и богаты. Много в стране и купцов. Изобильна овощами и вином.

КОРОЛЕВСТВО ПОЛЬСКОЕ и ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ. Города построены из камня, прочные, а также и деревянные. Богата скотом, овощами и медом. Люди величавы, горды, склонны к наукам и разным мудростям. Охочы к войну и битвам, вооружены. Живут вольно и господ своих не слушают, бесстрашны.

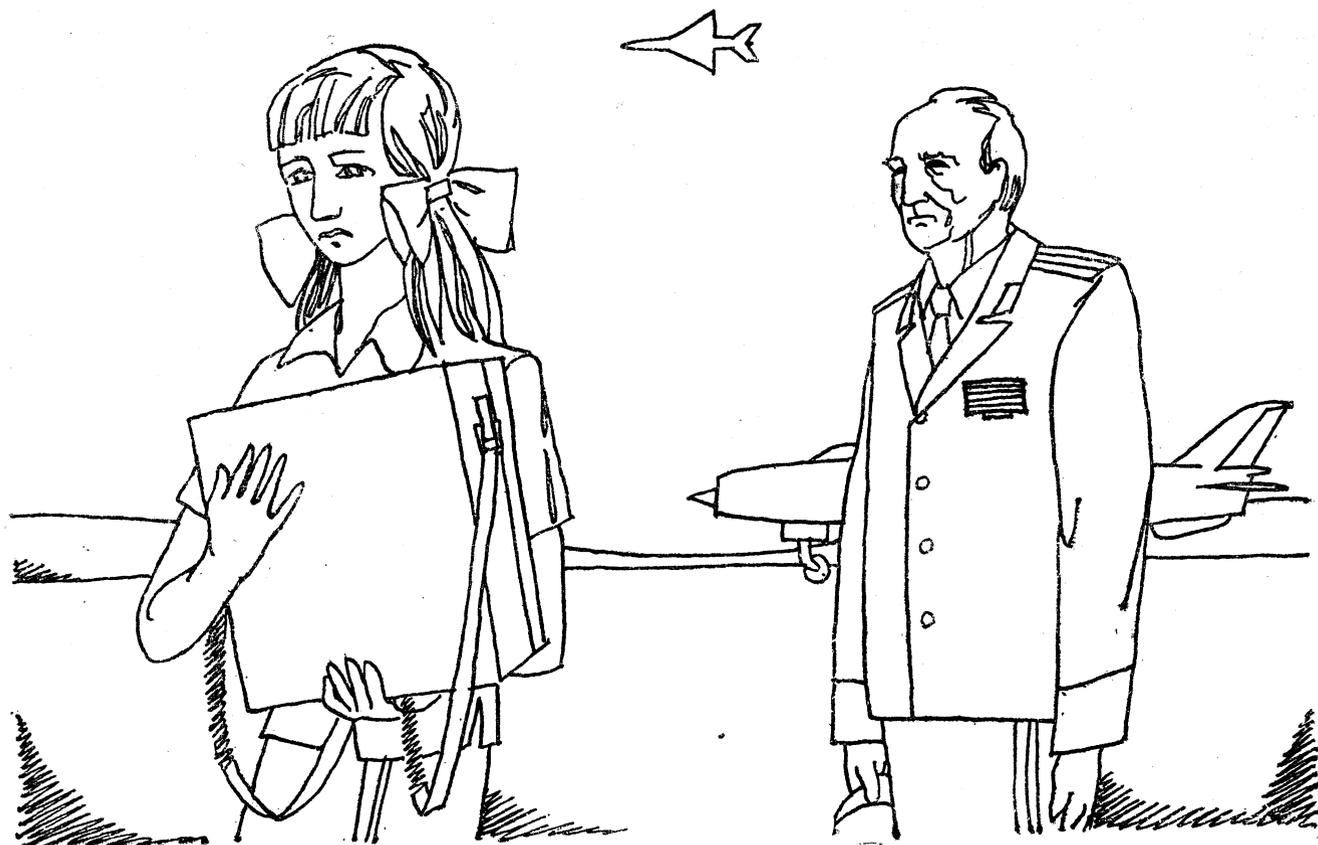
ШВЕЦИЯ. Королевство Светское. Площадь государства невелика. Каменные города расположены по берегам заливов морских и на озерах. Таких хорошо укрепленных городов нет в других странах. Немцы (немцы — значит немцы, иностранцы, просто все не русские) этого государства храбры в воинских делах и искусны и многие воюют, нанимаясь в армию других государств.

АНГЛИЯ. Острова Вратайские, ныне королевство Английское. Войны с кем не ведут. Одни жительствоуют на островах. Длина острова пятисот (?) верст. Города каменные и села многолюдные. Много купцов, воинов мало. Люди ко всему способны и смыслены к медицине. Изобильна овощами и вином, скотом и рыбой.

СИБИРЬ. В Сибири живут звероподобные и дикие люди. Населяют они леса и берега больших рек, питаются мясом диких зверей и рыбой. Кроме хлеба, едят кровавое и сырое мясо. Добывают и торгуют различными мехами: соболя и куницы, бобра и лисицы. Много белок водится. Сибирь простирается на обширных площадях и находится под данью державы Московского царя.

АМЕРИКА. Новый остров Америка велика в долготу и ширину. Другого такого по величине острова на свете нет. Людей на нем живет мало. Произрастают в обилии орехи, мускат, маслины. Люди же дики. Питаются мясом зверей и рыб. Одеваются в звериные шкуры. Ныне же жители Америки покорены испанским королем.

Четвертое измерение

Повесть

Валентин
НОВИКОВ

Рисунки
Н. Павлова

12.

Вот уже несколько дней интернат жил в несвойственной для него суете и спешке. Иван Антонович, обычно медлительный, молчаливый, чуть ли не бегал по лестницам, то тут, то там слышался его глуховатый голос.

Запахло свежей краской, весь интернат сверкал праздничной чистотой. В коридорах старшеклассники устанавливали стенды с фотографиями.

На праздник — десятилетие интерната — пригласили шефов, военных летчиков.

Даже старый библиотекарь навел у себя койкакой порядок, хотя и чуждался всякой систематики.

— Вот и я отмечаю свое десятилетие, — ска-

Окончание. Начало см. в № 2.

зал он Соньке, когда та заглянула в библиотеку.—Я ведь с первого дня здесь вместе с Иваном Антоновичем. Начинали мы киркой да лопатой. Не хватало строителей... И вот минуло десять лет. Десять... Много это или мало?

Библиотекарь любил риторические вопросы и сам отвечал на них. Правда, слушателей у него, как правило, случалось один-два первоклассника. Дети чуть постарше всегда спешили, им некогда было вникать в рассуждения старика.

— Что есть книга?— часто спрашивал он, поднимая вверх испачканный чернилами, как у школьника, палец, и отвечал:— Книга не просто источник знания. Нет. Книга— это...

Книжная суть представляла каждый раз иной. Или:

— Что есть жизнь?— Он оглядывал стены, полки с книгами, смотрел в окно и дальше— за окно, в синь ясного дня, в даль полуденного моря, и произносил:— Жизнь— это прекрасно...

Старый, маленький, незаметный, он сливался со школьной библиотекой в нечто одно. Он неотделим был от книжных полок, и так знаком и привычен, что, казалось, время над ним не властно...

— Десять лет— это много. Ведь столько детей вошло за эти годы в мир,— говорил старик.— И в то же время десять лет— это так мало! Рядом с детьми не ощущаешь бега времени.

Сонька слушала его, напряженно подняв брови,— ее заинтересовал этот разговор об относительности времени. Она задумалась о том, что от чего зависит: время ли от наших ощущений, или, напротив, наши ощущения определяются временем? Второе ей было понятно, а суть первого как-то ускользала.

— Время должно где-то заводиться,— сказала она,— как мы заводим часы. Наверно, это что-то вроде часов с гириями, только гири попеременно тянут сперва в одну сторону, потом в другую.

— Ты думаешь, время движется в разные стороны?— спросил библиотекарь.

— Конечно. Только нам это незаметно и безразлично. А вообще это наверно очень важно,— в какую сторону движется время. Мы про это совсем ничего не знаем.

— Да ты, оказывается, философ!— улыбнулся старик.— Что-то в сегодняшней жизни само собой наталкивает детей на размышления о времени. У меня есть одна книжечка...

Он пошел к полкам и сразу недовольно заворчал:

— Вот, навел порядок, и уже ничего не найдешь. Порядок— это тоже относительно. То, что для одного порядок, для другого— хаос.

Однако он нашел, что искал,— книжку о самозаводящейся вселенной.

Сонька сунула ее под мышку и побежала в

столовую. Там вкусно пахло печеным и жареным. Возле поварих вертелись Марина Колобова и Рыжик, клянчили ватрушки. Кроме этих двух сладкоежек в столовой не было ни души.

— Ой, Сонька, что пекут на вечер!— сказала Марина, отщипывая ей кусочек ватрушки.

Сонька попробовала ватрушку, еще горячую, ароматную.

И вдруг они услышали шум летящего вертолета. Шум постепенно перешел в грохот. Все кинулись к окнам...

Шефы, военные летчики, прилетели на вертолете. В парадной форме, подтянутые, неторопливые, окруженные толпами детворы, осматривали они интернат.

Впереди группы летчиков шли подполковник Исаев и Иван Антонович. Дежурные распахнули перед ними легкую калитку ботанического сада. Первая табличка— «Земляной миндаль». Крохотные деревца с пояснительными надписями— «Пробковый дуб», «Эвкалипт», «Магнолия»...— ровными рядами тянулись вдоль дождевальных установок, осыпавших их водяной пылью.

Летчики осматривали ботанический сад с любопытством— и крохотные экзотические растения, и крупные с широкими кронами яблони.

— Такое впечатление, будто сад ваш старше поселка,— сказал Исаев...

Они свернули по узкой дорожке к интернатскому живому уголку.

— Фауна у нас в основном местная,— улыбнулся директор.— Черепахи, ящерицы, змеи...

— Змеи?— переспросил Исаев.— В детском интернате змеи?

— Да, вот они,— Иван Антонович показал на сетчатый вольер.

Исаев сразу увидел клетки со змеями.

— О, и гремучая!

— Гремучая,— кивнул Иван Антонович.— А вот гюрза... недавно змееловы привезли. Скоро, вероятно, будет и кобра.

Они остановились, разглядывая гюрзу. Крупная каменно-серая змея была чем-то раздражена. Когда к клетке приблизились Исаев и Иван Антонович, гюрза подняла и угрожающе откинула назад голову, появившись и мгновенно исчезал ее раздвоенный язык.

— Опасная, очень опасная змея,— сказал летчик.— Интересно, кому принадлежит идея основать здесь, при детском интернате, это ядовитое хозяйство.

— Мне.— Иван Антонович глухо кашлянул.— Да, эта идея принадлежит мне. Пришлось выдержать бой в районе... Понимаете, мальчишкам нужно что-то необычное. Малышу— кролик или черепашка. А для старшеклассников, особенно трудных... мы основали секцию змееловов. Пока, конечно, в теоретическом плане. Но вырастут, могут стать и профессионалами.

Выйдя из вольера, Исаев и Иван Антонович некоторое время молчали.

— Скажите, Иван Антонович, а сирот у вас в интернате нет?—неожиданно спросил летчик.

Директор быстро и внимательно посмотрел на него.

— Есть... Соня Боткина из шестого «А». Но мы просто забыли, что у нее нет родителей, да и она, по-моему, об этом забыла... Понимаете, само слово «сирота» тут как-то не подходит. Унылое слово из прошлого.

— И ее никто не удочерил?

Директор интерната сухо улыбнулся.

— Пока это никому не удалось.

— А если бы она все же решила уйти в какую-нибудь семью, вы отпустили бы ее?

Директор долго молчал. Исаев уже решил, что он не ответит.

— Как я могу не отпустить?—спросил директор.

— Но вам не хотелось бы этого?

— В данном случае мое желание ничего не значит. Захочет—уйдет. Хотя в интернате ей хорошо,—директор говорил с трудом. Видно было, что разговор ему неприятен.—Я был бы, наверное, рад, если бы Соня нашла себе семью. Но это едва ли возможно. Она уже не ребенок. Время упущено. Сейчас она сама будет делать выбор, а не ее будут выбирать...

Все уже было готово к торжественному вечеру.

Но произошло неожиданное событие.

Возле клеток с ядовитыми змеями, установленных в сетчатом вольере, после уроков дежурил Игорь Смородин. Он сидел, небрежно разваливаясь на стуле и положив ноги на стол, вкопанный возле клеток. Его стоптанные сандалии покоились на зоологическом дневнике.

Тут же неподалеку возле привезенных недавно досок играл первоклассник Филя Горохов. Он то отходил в сторону от досок и, наклонив голову, присматривался к ним, то вытягивал шею и закрывал ладошкой поочередно то правый, то левый глаз. Свежее дерево ослепительно сверкало на солнце, тут и там на нем блестели капельки светлой смолы.

Потом, присев на корточки, Филя долго нюхал доски, трогал пальцем смолу.

— Ты после руки не отмоешь,—сказал ему Игорь.— Это же смола.

— А она сладкая?—спросил Филя.— Можно попробовать?

— Что ты... Горькая! Вот глупый.

Филя еще некоторое время играл возле досок, потом вошел в вольер.

— Ты уже покормил животных?—спросил он у Игоря.

Игорь, томившийся от скуки, встрепенулся:

— Это не животные, это пресмыкающиеся. Понял? Змеи. А кормили их до меня.

— У нас дома тоже жила змея,—сказал Филя,—черненькая, а ушки желтые. Мама молоком ее кормила. Потом мы эту змею отпустили на волю. Вот.

— То был уж... Послушай-ка, Филя,—Игорь вдруг стукнул себя кулаком по лбу.— Подежурь за меня. Я только схожу на летчиков поглядеть и вернусь. Ладно?

Филя с готовностью кивнул и спросил:

— А можно твоей шариковой порисовать?

— Да сколько хочешь. И чистая бумага тут есть. Вот, возьми,—он протянул Филе авторучку и листок бумаги.—Только к клеткам близко не подходи. Понял?

Но Филя его уже не слышал. Он взял бумагу, уютно устроился с ней на досках и принялся рисовать жирафа. На бумаге рисунок не поместился, и часть его перешла на доску.

Филя сдвинул лист в сторону, потом попытался приложить его к обратной стороне доски. Огляделся. Вокруг не было ни души. По дорожке прыгал воробей. В клюве он держал маленькое серое перышко. Филя пошел за ним и не заметил, как оказался возле клетки с гремучей змеей. Он долго рассматривал узоры на ее спине и голове, потом сдвинул защелку, поднял планку и отвел в сторону мелкую двойную сетку.

Змея медленно, словно струясь, скользнула на землю...

В это время Сонька, разыскивавшая Игоря, подошла к вольеру, увидела Филю возле клеток со змеями и хотела было сказать ему, чтобы он уходил прочь. Но вдруг она с ужасом заметила, что клетка с гремучей змеей распахнута настежь, а Филя тянется рукой к ярким узорам на спине настороженно замершего чудовища.

— Филя!!!—Ее горло перехватила сухая судорога.

Одним прыжком она оказалась возле клетки и схватила змею. Змея мгновенно свернулась летучей восьмеркой и вцепилась в Сонькину руку.

Сонька упала на землю и закричала:

— Филя, уходи!—Она швырнула змею в клетку и захлопнула дверцу.

Филя, некоторое время оцепенело глядевший на происходящее, вдруг отчаянно закричал и бросился бежать.

Когда на его крик к вольеру прибежали летчики, Сонька каталась по земле и стонала от боли.

Исаев поднял ее.

— Скорее сыворотку!—крикнул он.— Ну, скорее же...

Прибежала медсестра со шприцем, сделала укол.

Летчики поспешили с Сонькой к вертолету.

13.

Сонька лежит в постели. На лбу у нее мокрое полотенце. Вот слабо донесся, словно пробился сквозь толщу воды, голос дежурной сестры:

— Все еще в сознание не приходит. Доктор сказал, чтобы не беспокоили.

— Нет-нет, я только посижу немножко и уйду,— ответил знакомый мужской голос.

Затрепетали ее ресницы. Свет заполнил ее глаза. Она испугалась своего пробуждения, человека, сидевшего возле нее, белой пустой палаты.

В это время тишину рванул близкий рев могучего авиационного мотора, и все охватила мелкая дрожь.

Летчик увидел, как побелело и без того бледное лицо Соньки, и поспешил успокоить ее:

— Это взлетел самолет. Сейчас будет тихо.

Действительно, могучий рев быстро растаял, исчез словно бы за притворенной дверью.

— Я говорила, тут ей покоя не будет,— сказала, подходя поближе, высокая медсестра.— Надо было везти в город.— Она наклонилась над Сонькой.— Ну, как мы себя чувствуем?

Сонька ничего не ответила. Она закрыла глаза и ясно увидела на мгновение серую чешую змеиной шкуры.

И снова все потонуло в размытой мгле. Она говорила в бреду, бессвязно, и временами шепотом. Но вдруг произносила громко обычные фразы:

— Почему она выползла? Ведь у клетки двойная решетка...

Летчик всмотрелся в разгоряченное лицо Соньки, взгляд его остановился на летучих стрелочках возле уголков ее губ.

Полотенце сбилось, закрыло ей глаза. Он убрал его и поразился, какой чистый и ясный у Соньки лоб.

А полотенце было горячим, словно его только что вынули из духовки.

Летчик беспомощно оглянулся— сестры рядом не было. Но, к счастью, в палату быстро вошел военный врач.

— Что за визиты?— спросил он.— Извините, Федор Степанович, но девочке нужен полный покой.

Летчик встал и пошел к выходу.

В дверях он обернулся. Сонька в бреду продолжала невнятно бормотать.

На краю летного поля стоял знакомый Соньке старый генерал с двумя большими звездами на погонах. Он смотрел, как взлетали одна за другой тяжелые машины и круто ползли в небо, оставляя полосы черного дыма.

Вот на взлетную дорожку вышла необычная,

таких Сонька никогда еще не видела, белая стрела. Внутри у нее что-то загорелось с оглушительным треском, вырвалось длинное пламя, и стрела почти с места умчалась в небо, сразу же убирая колеса. Короткие крылья ее были отнесены далеко назад, и в полете она в точности напоминала стрелу.

Генерал пристально следил за ней, пока она не исчезла в ослепительно-бледном небе.

Генерал был один. Поодаль возле нескольких автомашин стояли офицеры.

Сонька собирала цветы, пробившиеся среди бетонных плит аэродрома. Удивительные это были цветы, маленькие, ярко-желтые, с редкими кривыми коллочками на стеблях и мохнатыми жесткими листьями. У цветов был слабый запах, немного напоминавший розы.

Сонька не заметила, как приблизилась к генералу. И вздрогнула, когда он окликнул ее:

— Это ты, голубушка... Значит, поправились.— Он подошел поближе.— Цветы-то у нас никудашные тут.— Он погладил ее волосы, обнял за худенькое загорелое плечо.— Ну, ничего...

— А где подполковник Исаев?— спросила Сонька. Она чувствовала доверие, расположение к старому генералу.

— Исаев на испытании новой машины.— Генерал нахмурился.— Сейчас поговорим с ним.— Он направился к автомобилям.

Сонька принесла цветы в палату и поставила в стакан. Врач что-то писал за столом. Поднял голову и улыбнулся:

— Спасибо за цветы.

— Мне уже можно вернуться в интернат?— спросила Сонька.

— Голова больше не кружилась?

— Нет.

— Что ж... Федор Степанович отвезет тебя, когда вернется...

В глазах врача Сонька уловила озабоченность. Почему всех так беспокоил этот полет Исаева?

Сонька подошла к большому, распахнутому настежь окну палаты. За окном увидела ровные ряды самолетов. Бетонное поле уходило к горизонту. А дальше трепетал светлый мираж— неестественно яркая вода; она струилась, мерцала, полоса ее становилась то уже, то шире, то пропадала совсем и возникала снова.

А выше было небо— безоблачное и пустое, огромное и страшное— куда страшнее моря. Оно не имело пределов, оно простиралось так далеко, что в его бездне никла и терялась мысль.

И где-то там мчалась сейчас белая стрела. Не по упругой и живой сфере моря, а в пространстве, где полуреальным становится туманный облик земли, где со всех сторон неосознаваемая пустота.

Сонька смотрела на аэродром — бесконечно повторялся один и тот же четкий рисунок бетонной плиты. Но в отдалении плиты принимали искаженную форму, затем сливались и таяли в трепещущем на горизонте неестественно светлом потоке воды. И Сонька подумала, что когда смотришь далеко, очень далеко, ни одна прямая не кажется прямой. Прямые сходятся или расходятся, закручиваются вверх или вниз. Зрение явно обманывало человека. Но если зрение дает искаженную картину пространства, то какова же истинная его картина?

Где-то за горизонтом, невидимая, коснулась бетонных плит белая стрела. Сонька разглядела ее только тогда, когда стрела отделилась от прозрачной реки миража, словно порожденная им, вышедшая из его мерцающих пределов, и быстро побежала по посадочной полосе.

Сонька была спокойна за летчика, она чувствовала, что ничего не случится со стрелой.

Долетел рев могучих двигателей, как вестник извержения вулкана. Это машина сотрясала и приводила в трепет небо.

Потом все стихло. Краткий миг молчания аэродрома был томителен и долог. Не было слышно ничего, кроме горячего шуршания ветра, нагретого в песках.

14.

Как только Сонька вернулась в интернат, к ней прибежали Рыжик и Филя.

Сонька, всмотревшись в потешную физиономию Рыжика — густые веснушки на носу, на щеках, вокруг губ, — улыбнулась. Волосы Рыжика отливали темной и красной желтизной, ресницы, длинные, светло-желтые, походили на веселые метелки.

— Меня в детстве тоже кусала змея, — начал врать по привычке Рыжик.

— За язык?

— А меня кошка кусала, — вмешался в разговор Филя. — Я хотел котенка погладить, а она — цап...

— Что тут было без меня? — спросила Сонька.

Филя подошел и прижался щекой к ее руке.

— Я ждал тебя, — сказал он.

— А мы контрольную по математике писали, — ответил Рыжик. — Двоек — вагон. Синий никому не дал списать. Сам получил четверку... Да Татищев троечку получил.

— Трудная задача? — рассеянно спросила Сонька и неуверенно, нежно коснулась Филиных волос. Видно было, что ей все равно, какую задачу решали в классе и какие за нее получили отметки.

— Зверски трудная! — у Рыжика даже глаза

округлились. — Понимаешь, два резервуара... — он торопливо, сбиваясь, пересказал условие задачи.

Сонька продолжала гладить голову Фили, бережно разделяя на прядки его спутанные волосы. Ей самой иногда снилось, что до боли знакомая рука касается ее волос, гладит ее щеку, снимает приходящие в снах слезы. Что могло заменить руку матери?..

— Ты не слушаешь... — с обидой сказал Рыжик.

— А? — Сонька рассеянно посмотрела на него. — Задача? Да иди ты со своей задачей.

— На контрольной мы все вспоминали тебя, — вздохнул Рыжик.

— А без контрольной и не вспомнили бы... Идем, Филя, уйдем от них, куда глаза глядят, далеко-далеко... Или уплывем вместе с тобой и с Игорем в жаркие страны, сделаем там себе лодки из древесной коры, будем ловить рыбу, одичаем, постепенно почернеем...

— Идем, Соня... — Филя потащил ее за руку. — Уплывем.

— А на чем ты будешь рисовать? — спросила Сонька, словно очнувшись от легкого мимолетного сна.

— Я буду рисовать на песке. А волны — смывать рисунки. И так будем жить.

— Оч-чень интересная жизнь, — язвительно вставил Рыжик. — А Сонька будет решать задачки на песке.

— Буду, — серьезно ответила она. — Быстрее думать придется, успевать, пока волна не смыла...

В тот же день после уроков в шестом «А» провели классное собрание.

Соньке не пришло и в голову, что собрание будет как-то связано с ней.

Перед собранием все было как обычно. Дежурные проветривали класс и выгнали всех в коридор.

Как только прозвенел звонок, ребята, перегоняя друг друга, бросились занимать очередь поближе к двери. Началась веселая возня. То и дело из очереди кого-нибудь выталкивали, и он тут же норовил втиснуться. Сонька была в самом центре свалки и уже подбиралась к двери, когда внезапно шум прекратился. Она оглянулась и увидела, что по коридору шли Эмма Ефимовна и завуч. Рядом с низкорослой плотной Анной Петровной Эмма Ефимовна казалась подчёркнуто высокой и стройной.

Дежурные открыли дверь. И вместо того, чтобы ворваться в класс, толкая друг друга, ребята входили неторопливо.

Соньке не понравились приготовления. Чувствовалась какая-то заданность в том, как вошла в класс Анна Петровна, а ребята выстроились возле своих столов, как по линейке. А Эмма Ефимовна чувствовала себя неловко,

скованно, в голосе не было привычной уверенности:

— Ребята, вот мы собрались... Предстоит серьезный разговор...

Сонька устроилась возле окна вместе с Рыжиком. Он, не обращая внимания на то, что происходило вокруг, привязывал к хвосту большой злущей стрекозы клочок папиросной бумаги с надписью: «Алевтина дура!» Алевтина Рушник была старостой класса. Сонька с первого класса знала эту воображалу. Ходила Алевтина — нос кверху, разговаривала снисходительно. И хоть было бы отчего! Была бы хоть красавицей, как армянка Маро, а то так — сплошная заурядность. Однако само собой получалось, что именно ее избирали старостой класса.

— Отпусти стрекозу! Зачем мучаешь? — Сонька толкнула Рыжика под локоть.

— Не мешай! — Рыжик завязал узелком тонкую нитку и выжидал момент, чтобы пустить стрекозу.

— ...поговорить о том, — услышала краем уха Сонька, — что едва не стоило жизни Соне Боткиной.

Сонька подняла голову.

— Смородин!

В наступившей тишине фамилия показалась незнакомой.

Игорь встал, подтянул свои ковбойские штаны.

Эмма Ефимовна, видимо, ощутила неестественность своего тона и добавила мягче:

— Объясни, пожалуйста, Игорь, как вышло, что клетка со змеей оказалась незапертой?

Но Игоря этот сдержанный тон учительницы отнюдь не подкупил. Он посмотрел на учительницу злобно и прямо.

— Откуда я знаю...

— Но ведь ты тогда дежурил...

— Ну, дежурил!

И тут, тяжело опершись о край стола, встала Анна Петровна.

— Что это за ответы, Смородин? — тихо спросила она. — А если бы Соню не удалось спасти? — Она оглядела класс. — Ребята, тут речь идет не о шалости, а об ответственности. И не для того разговор затеян, чтобы снизить Смородину оценку по поведению, а для того, чтобы выяснить, что он за человек.

Игорь при этих словах замер и уставился на завуча.

Рыжик забыл о своей стрекозе, и она, выскользнув, медленно полетела над головами ребят.

Напряжение, воцарившееся в классе, мгновенно исчезло. Все забыли о собрании, вытягивали шеи, силясь прочесть, что написано на бумажке. Раздался чей-то одинокий сдавленный смех, потом поднялся шум.

И вдруг у Анны Петровны посинели губы.

Она, неверными движениями хватаясь за воздух, опустилась на стул.

Эмма Ефимовна испуганно бросилась к ней.

— Ничего, ничего, пройдет, это сердце... —

Анна Петровна едва шевелила губами, но ее слышал весь замерший теперь в испуге класс. — Пройдет... Это бывает... Ну вот, уже немного легче... Володя, — она посмотрела на сидевшего за первой партой Татищева, — у меня на столе валидол, сбегай, принеси...

Татищев побежал за валидолом.

Эмма Ефимовна подошла к Рыжику. Он сжегился, сжался в комочек.

— Убирайся из класса!

Рыжик, как заяц, побежал к двери.

Стрекоза, описав медленный круг, вылетела в окно.

В класс с валидолом вбежал Татищев.

— Ну вот, и ладно, — сказала Анна Петровна, достав таблетку.

Эмма Ефимовна наклонилась к ней, спросила о чем-то. Анна Петровна отрицательно покачала головой.

— Ребята, — уже решительнее и тверже заговорила Эмма Ефимовна, — вы должны принципиально, как подобает пионерам, оценить поступок Игоря Смородина. Мне кажется, он ничего не осознал.

— Он осознал, — сказала Сонька.

— Уж не тебе бы его защищать. Что же он осознал?

— Осознал, и все.

Эмма Ефимовна пожала плечами.

— Кто еще хочет выступить?

Руку подняла староста класса Алевтина Рушник.

— Мы все знаем Игоря Смородина давно, — заговорила она, словно отвечала хорошо выученный урок. — Он все время позорит не только наш класс, но и весь интернат. Он плохо учится, дерется, убегает из интерната. Он не ведет никакой общественной работы, никого не хочет признавать. Никто не знает, почему он сбежал из дому и приехал сюда, надо это выяснить, может, он дома что-то украл...

В классе наступила такая тишина, что слышалось только трудное дыхание Анны Петровны.

Игорь некоторое время тупо соображал, что говорит Алевтина, потом попытался что-то сказать, но не смог и пошел, как слепой, из класса. Таким растерянным его прежде не видели.

Поднялся шум, которого уже не могли унять ни завуч, ни Эмма Ефимовна.

С места вскочил всегда сдержанный и спокойный председатель совета отряда Володя Татищев.

— Тебя надо переизбрать! — крикнул он Алевтине. — Ты только и делаешь, что разносишь сплетни!

— И никакие не сплетни,— огрызнулась Алевтина.— Все правда. Это тебя надо переизбрать, что ты его покрываешь. Футбол вместе гоняете. Вот.

— А вот и сплетничаешь!— закричала на весь класс Сонька.— Я сама видела, вечно сидишь возле дома со старухами и сплетничаешь!

— А ты все врешь. Ты самая первая врунья в интернате. Тебе давно уже никто не верит. Молчала бы!

— Ты бы сама молчала, дура,— сказала Сонька.

— Знаю, знаю, почему ты заступаешься за Игоря...— на тонких губах Алевтины появилась многозначительная улыбка.

Сонька, наклонившись набок, стянула с ноги сандалию и, зажав ее в руке, напрямик двинулась к Алевтине.

— Соня, прекрати сейчас же!— крикнула Анна Петровна.

— Не прекращу!— Сонька вовсе не собиралась грубить учительнице, но все происшедшее настолько вывело ее из равновесия, ожесточило, что она едва ли сама толком понимала, кому и какие слова говорит.

И Анна Петровна, видимо, поняла это.

— Сядь на место. Мы с тобой поговорим после. Сейчас не время.

Сонька нехотя вернулась к своему столу.

— Анна Петровна, давайте сейчас же переизберем Алевтину,— предложил Татищев.

Анна Петровна укоризненно покачала головой.

— Не тебе бы, Володя, вносить такие нелепые предложения. Уж кто-кто, а ты должен знать, что так не делается. Выборы— это выборы...

Сонька попросила разрешения выйти. Она обежала весь интернат, думала, может, Игорь где-нибудь забился в укромный угол. Но не нашла его нигде.

Ни у кого не отпросившись, Сонька отправилась в порт. Денег на автобус у нее не было, и она пошла напрямик через дюны.

Тяжелый горячий песок набивался в сандали. Она останавливалась, высыпала его и шла дальше среди мертвых суставчатых кустов, опутанных следами ящериц. Раскаленная пустыня дышала резким сухим жаром.

«Они не понимают,— думала Сонька,— что Игорь верит всяким сказкам, что его легче легкого обмануть. Ушастый наговорил про Север. Он и поверил. Может, и сейчас Игорь подался к Ушастому... Нет...»

Сонька искала Игоря и на базаре, и на пристани, обежала весь поселок, заглядывая во дворы, побывала за портовыми складами и на песчаной косе. Она уже едва держалась на ногах, когда поднималась от моря к дому Исаева.

Сонька долго сидела на крыльце, прислонившись к двери спиной и затылком. Ноги гудели от усталости.

«Значит, Игорь уехал,— решила она.— Пробрался на какой-нибудь грузовой пароход и уплыл. Он ведь так хотел куда-нибудь уплыть...»

Сонька открыла дверь, обошла пустые комнаты, принялась за уборку. Закончив, вышла во двор. Остановилась, глядя, как медленно переваливаются под слабым ветром лопасти ветряка.

Вокруг колодца уже зеленела трава, над ней кружились мошки, от лопастей ветряка плыли летучие тени, ослепительно вспыхивали дюралевые листы.

Сонька полила уцелевшие кусты крыжовника, посаженный несколько дней назад укроп и какой-то особый многолетний чеснок. Увидела, что грядки были кем-то недавно разрыхлены.

К изгороди подошла соседка.

— Давеча Федор Степанович приезжал,— сказала она.— Засветло еще... Побыл тут маленько. Давно пора за дом братья— в запустение все пришло, в негодность.

— А уехал когда?

— Утром. Затемно уехал, я слышала. Служба такая...

Сонька вздохнула. В доме пусто. Исаев неизвестно когда вернется. Может, завтра или сегодня вечером... А может, через месяц или через два. Однако грядки разрыхлил...

Это обрадовало Соньку. Она подошла к ветряку. Лопасты почти касались земли и медленно уплывали вверх. Исаев ведь говорил, что мертвый ветряк наводил на него и на Марину тоску. И вот махина пришла в движение. Теперь и травка появилась. Надо бы еще семена цветов принести из интерната...

Со слабым шумом ходил вверх-вниз поршень, вытягивая из холодной мглы воду.

К изгороди снова подошла соседка. На ее руках голубоглазый малыш энергично сосал кулак.

— Не понянчишь мальчонку? Мне надо по делам в рабкооп добежать.

Сонька через забор приняла на руки тяжелого младенца. Не успела и моргнуть, как он вцепился ей в волосы и, пуская изо рта веселые пузыри, принялся трясти ее голову так, что у Соньки потемнело в глазах.

— Да ты на землю спусти его, нешто удержишь... в ем девять кило.

Сонька осторожно посадила ребенка на землю. Он тотчас захватил горсть глины и потащил ее в рот. Сонька оторопело посмотрела на соседку:

— Он глину ест.

— Пусть исть, пусть. Дите лучше знать, чего ему требуется.

Младенец шустро пополз к открытому люку колодца. Сонька перехватила его и, взяв на руки, понесла в дом.

А соседки уже и след простыл.

До вечера ждала ее Сонька. Играла с ребенком, поглядывала на дорогу—не идет ли Исаев, ходила по комнатам.

В интернат вернулась, когда уже все спали. Тихо прокралась через окно, разделась, не зажигая света, и юркнула под одеяло.

15.

На следующий день Соньку, проходившую по коридору со стопкой свежего белья, остановила Анна Петровна:

— Зайди-ка в учительскую. Хочу с тобой поговорить.

В учительской никого не было. За открытыми настежь окнами горячо искрилась полуденная даль, с моря в окна врвался порывистый прохладный ветер, шевелил развешанные по стенам наглядные пособия.

Анна Петровна прошлась вдоль длинного стола, разглядела широкой полной ладонью складки на зеленом сукне.

— Соня,—заговорила она, и Сонька с беспокойством ощутила в ее голосе неуверенность.—Соня, я хотела с тобой поговорить... Я знаю, ты давно дружишь с Игорем Смородиным... Нет, нет,—поспешно оговорила она, заметив, как нетерпеливо повела подбородком Сонька,—я совсем не против дружбы. Но бывают привязанности случайные, чреватые скверными последствиями...

Сонька с удивлением смотрела на учительницу. Всегда такая уверенная, она сейчас говорила сбивчиво, ловила ее, Сонькино, отношение к своим словам.

— Напротив,—продолжала Анна Петровна.—Я считаю, когда нет друзей, это плохо... Но Игорь оказывает на тебя скверное влияние... Ты раньше была выдержанной, спокойной девочкой. Тебя ставили всем в пример. А теперь дерзишь...—голос Анны Петровны окреп, неуверенные интонации сменились привычно жесткими...—вызывающе себя ведешь, грубишь... Меня просто возмутило твое поведение на собрании. Игоря следовало осудить. Он должен был осознать свой поступок. Но вместо этого...

Сонька держала белье обеими руками и, чтобы оно не развалилось, прижимала его сверху подбородком. И в упор глядела на учительницу колючим взглядом. Растрепанные бело-рыжие волосы падали ей на глаза.

— ...стала такой же, как он, невыдержанной, нетерпимой... С кем Игорь знается? Ты втягиваешься в скверную компанию, девочка...

Анна Петровна подошла к Соньке, чтобы взять у нее белье, но та резко отстранилась.

Учительница растерянно оглянулась и встретилась взглядом с директором интерната, стоявшим в дверях. Лицо его более, чем обычно, казалось усталым, сухим и серым.

Он подошел к Соньке, взял у нее из рук белье и без обиняков спросил:

— Где Игорь?

— Не знаю.

— А куда же ты ходила? Да еще возвратилась чуть ли не в полночь...

— Я ходила... Ходила...—Сонька совсем не готова была к этому вопросу. Она думала, что вчерашняя вылазка осталась незамеченной.—Он убежал и ничего не сказал мне. Я даже не видела его. Как сквозь землю провалился.

— Однако...—директор достал очки, но тотчас сунул их обратно в карман.—На этот раз он натворил бед. У меня неприятности из-за этой истории...

— Ну обошлось же...—Сонька подошла к Ивану Антоновичу и тронула его за пуговицу пиджака.—Игорь же не хотел... Это Филя. Раньше он выпускал из клеток кроликов...

— При чем тут Филя? Какой может быть спрос с первоклассника? Просто Игорь лишен чувства ответственности. Он разболтанный, безалаберный. А тебе, по-моему, это даже нравится.

— Он не безалаберный. Он просто рассеянный.

— Ты уже и сама не знаешь, как его обелить,—возмутилась Анна Петровна.—Дружба у вас малопонятная.

— Игорь хороший,—упрямо повторила Сонька.

— Ну, ладно, ступай,—устало махнул рукой директор.

Когда Сонька, унося белье, прикрыла за собой ногой дверь учительской, директор отошел к окну и, не оборачиваясь, сказал:

— Это вы вызвали Соню? По-моему, вам с ней не о чем было говорить.

Анна Петровна вспыхнула:

— Она мне нагрубила!

— Анна Петровна,—директор повернулся к ней,—это несерьезно.

— Я понимаю, Иван Антонович, что значит Соня для вас, но грубить ей не позволю!

— Не хотелось бы обижать вас, Анна Петровна,—спокойно сказал директор.—Однако боюсь, что и Игорь Смородин не вынес вашей, мягко говоря, прямоты. Похоже, что дети для вас—существа, имеющие одни лишь обязанности. В правах им отказано.

Анна Петровна резко выпрямилась.

— Это выговор мне?

— Нет, это просьба. Будьте к детям терпимее. Ожесточение рождает ошибки. Нередко непоправимые. А Соня...—он помолчал, достал

и опять сунул в карман очки.— Видите ли, Анна Петровна, у Сони нет родителей, со взрослыми она почти не общается, живет в своем замкнутом мире, полном непонятных для нас метаморфоз и иллюзий... В семье ребенок слышит все, о чем говорят взрослые, он день за днем, год за годом впитывает представления взрослых об окружающей жизни. Это неизбежно. А Соня лишена возможности послушать хоть изредка не к ней относящиеся взрослые разговоры. Тут есть определенная сложность...

Анна Петровна опустила в раздумье голову.

— Я иногда пыталась заглянуть в свое детство,— глухо сказала она.— Но не могла припомнить даже того, играла ли в куклы. У меня почему-то не осталось ярких воспоминаний о детстве. Может, его у меня просто не было?..

— Анна Петровна...— голос директора дрогнул, он смотрел на эту пожилую женщину, казавшуюся всегда такой волевой и твердой...— Успокойтесь.

— Оставьте, Иван Антонович.— Анна Петровна слабо махнула рукой.— Я знаю, меня считают черствой... Дети замыкаются со мной. Соня даже отстранилась, когда я хотела ей помочь... Видимо, профессия педагога— не мое призвание...

Анна Петровна хотела еще что-то сказать, но поспешно отвернулась и вышла.

Директор долго стоял один в пустой учительской и смотрел в окно.

Песчаной дорожкой под гулкой стук барабана проходили дети в белых рубашках.

Иван Антонович медленно провел ладонью по щеке от седого виска до подбородка и почувствовал под пальцами глубокие морщины.

16.

В тишине постукивал по доске и крошился мел. Математик Вениамин Анатольевич писал варианты контрольной.

И не успел он дописать до конца первую задачу, как ребята запереглядывались.

Откуда он только брал эти задачи? Его контрольные стали сущим бедствием. Но на жалобы у математика был один ответ:

— Человечество теперь ездит не в каретах и считает не на пальцах.

Если в это время за окном проносилась белая стрела, он указывал на нее и добавлял:

— Это тоже не предел.

И правда, кто-то там рассчитывал новые несущие плоскости, двигатели, от которых вздрогнет земля.

Однако до тех людей ребятам было мало дела. Гораздо больше интересовал их насущный

вопрос— оценка за контрольную по математике.

Выход нашел Рыжик. Он сидел за спиной у Соньки и всегда получал пятерки, хотя не то что трудную задачу, а простой пример не мог решить так, чтобы чего-нибудь не перепутать. Но беда была в том, что Сонька никогда не спешила решать задачу, а иногда и вовсе не решала.

Договориться с Сонькой оказалось проще простого. На контрольную Рыжик приносил ей три листа копирки, и теперь все три ряда были обеспечены добротными шпаргалками.

Сейчас, словно по команде, все повернули головы к Соньке.

А она и не смотрела на доску. Чертила угольником с отломленной планочкой по чистому листу.

Сосед ее Петрицын заглянул в Сонькину тетрадь, поморгал и оглянулся.

— Че?— шепотом спросил у него Рыжик.

Петрицын покрутил пальцем возле своего виска, мол, «не того».

Был дан сигнал тревоги: из одного конца класса в другой полетел хлебный мякиш с запиской Рыжику. Текст был короткий: «Не обещайшь— задавлю. Буль.»

Рыжик боялся Толстого Буля. Тот действительно мог ударить, да так, что неделю больно будет. В этом году Толстый Буль решил во что бы то ни стало перейти в седьмой класс.

— Я бы сам ему решил, гаду, если б мог,— прошептал Рыжик Петрицыну.— Но тут мозги ломаешь.

Математик обернулся и пальцами в мелу приподнял над бровями очки:

— Что там за совещание?

— Веньямин Анатольевич, задачи очень трудные,— сказал Володя Татищев.

Он один в классе отказывался от Сонькиных шпаргалок. Если ему их подкладывали, он их незаметно рвал и решал задачи сам. Случалось, «хватал пару», но не списывал.

Математик снял очки и, держа их на отлете, ответил:

— Ищите, думайте. Я предпочитаю хороший поиск, хорошую попытку десяткам избитых решений. Надо учиться соображать.

А Соньку, как всегда, манило пространство. Унести бы измышленные геометрические фигуры в беспредельность. Более всего раздражала плоскость обыкновенной бумаги. Она чертила на листках многоугольники, симплексы, затем скручивала листы. Плоскостные изображения приобретали пространственность всегда по спирали.

В интернатской мастерской она склеила из тонюсеньких реечек кубик чуть меньше спичечной коробки и второй— побольше. Один поместилась внутри другого, привязала ниточками так, что он висел как раз посередине. Возилась весь

день, но получилось хорошо, ровно. Потом у себя в комнате, когда оставалась одна, подвешивала кубик против настольной лампы и гасила люстру. На стену падало удивительное отражение. Она могла сколько угодно рассматривать его.

Однажды в комнату зашел дежуривший по интернату Веньямин Анатольевич. Он долго стоял у двери, глядя на Соньку, потом тихо пошел.

— Что ты делаешь, Соня?

Сонька испуганно вздрогнула, хотела было оборвать нитку, на которой висел кубик, но математик остановил ее.

— Погоди. Объясни, о чем думаешь?

— Не знаю.

— Почему тебя интересует проекция этой штуки?

— Не знаю.

— Но ведь ты, по-видимому, что-то хочешь здесь понять?

— Да. Только я не знаю, что.

— А что тебе хотелось бы сделать с этой фигурой?

Сонька сразу оживилась.

— Распилить наискосок тень.

— И что? — Математик так и впился взглядом в ее напряженные брови.

— А где ни отпили, не получится плоскость. А я никак этого не могу понять.

— Возможно, это четырехмерный куб...

И тогда Сонька спросила:

— А что, если перепилить небо?

— По-видимому, ничего не изменится... Это бесполезно. В том месте, где ты его распилить, будет то же пространство...

И он стал объяснять, забыв, что перед ним шестиклассница, то, что едва понимал сам. А Сонька завороченно слушала его.

Куб медленно поворачивался на невидимой нитке, скрещивались, сходились и расходились на стене его многочисленные грани.

И сейчас, когда математик писал на доске условия контрольной работы, она думала о звездном ветре, о кривизне пространства и относительности времени. Значит, эти геометрические фигуры в пространстве будут скручиваться и искажаться...

Рыжик ткнул ее карандашом в спину, и она обернулась, чтобы треснуть его угольником. Но увидела круглые от страха глаза — Рыжик быстро прошептал:

— У всех будут «пары», решай скорей.

Сонька посмотрела на доску. И прежде чем математик дописал второй вариант на доске до конца, она решила обе задачи и швырнула через плечо шпаргалку.

Но математик увидел.

— Встань! — резко крикнул он Соньке.

Сонька вскочила.

Веньямин Анатольевич отнял у Рыжика шпаргалку и устался на Сонькин стол, на лист бумаги со странными геометрическими фигурами. Потом, ничего более не сказав, пересадил Соньку за первую парту и уже не спускал с нее глаз до конца урока.

На перемене Веньямин Анатольевич оставил Соньку в классе.

— Когда кончатся эти шпаргалки? — спросил он.

Сонька молчала.

— Я понимаю, — язвительно продолжал математик, — это не соответствует твоему понятию о справедливости, чувстве товарищества. Ты смотришь на это как на взаимовыручку... Но ведь это уже стало входить в систему, из-за тебя класс разучился думать. Чуть потруднее задача, никто и не пытается ее решить, все ждут твоей подсказки.

Веньямин Анатольевич умолк, нервно ходил по классу.

Молчала и Сонька.

— Ты, видимо, воспринимаешь все это как рядовую нотацию, — снова заговорил математик. — Но это не так. Их ждут электроника, космос, ядерная энергетика. — И вдруг математик снова повысил голос, почти закричал: — Кто, по-твоему, будет всем этим заниматься? Марсиане, что ли? Какой смысл в моей работе, если я буду выпускать невежд?

Только теперь Сонька подняла на него глаза.

Математик был расстроен, очки сползли на середину длинного носа.

Он как попало собрал бумаги в свой большой потертый портфель и, ничего более не сказав, ушел из класса.

И сразу в дверь проскочил маленький Рыжик.

— Я все подслушал, — сказал он. — Теперь будем шпаргалки передавать по нитке. Протянем тонкую капроновую нитку... Очкарик ее ни в жисть не заметит.

— А кем ты хочешь быть, как вырастешь? — спросила Сонька.

— Буду летчиком на сверхзвуковых!

Сонька отвернулась от него, отошла к распахнутому окну и посмотрела в светлое небо — в сияющей выси висели легкие штрихи перистых облаков. Она вспомнила Исаева, вспомнила, как шли они в предвечерний час по берегу моря до самого интерната. И забыла, что у двери стоит Рыжик и ждет. Он обиженно пожал плечами и ушел.

17.

Каждый день после уроков Сонька отправлялась в порт искать Игоря. Уже несколько дней он не появлялся в интернате. В порту его тоже

никто не видел. Ничего не знали о нем и мальчишки из пристанского поселка.

И каждый день Сонька бывала в доме Исаева, надеялась застать Федора Степановича. Она ходила по пустым комнатам, бегала к морю, где он обычно бывал со своим этюдником. Но все напрасно. Видно, дела опять не давали ему вырваться с аэродрома.

В интернате Сонька выпрашивала семена цветов и сажала их под окнами дома Исаева. Уже появились крохотные зеленые ростки. Как хотелось ей показать их Федору Степановичу. Но его не было.

Однажды, измученная пустыми поисками Игоря, она пришла в дом Исаева, легла в постель и заснула.

В окно светило яркое солнце, и ей снился солнечный свет. Он пронизывал все ее существо, во сне она стала такой легкой, что свободно могла пройти по воде. И в невиданном приснившемся ей море, кренясь под светлым ветром, скользили треугольники-паруса, их ткань была такая белая, что слепила глаза.

И вдруг что-то изменилось в море, паруса умчались, словно очнувшись от светлого сна, а горячий воздух стал неподвижен, душен и тяжел.

Движение началось у береговых скал. Не было ветра, но налетела волна. И с морем стало твориться что-то странное. Вздымались в тишине беспорядочные волны, беззвучно металась над водой невиданные птицы.

Вот у берега вода поднялась горой, и Сонька увидела такое, от чего ослабели ноги, и она не смогла двинуться с места. Из-под воды поднялись золотые купола и древние дворцы. Мокрые башни сверкали на солнце. Со ступеней широких мраморных лестниц катилась зеленая вода. Это зрелище продолжалось мгновение. Накатилась гора воды, накрыла Соньку с головой, и все исчезло в мутной зеленоватой пелене.

Сонька открыла глаза и увидела Исаева. Он сидел на стуле возле ее кровати.

Она радостно улыбнулась и протянула ему руку.

— Я и не слышала, как вы пришли, Федор Степанович... Надо было сразу меня разбудить.

— Зачем же... Тебе снилось что-то, правда?

— Правда. Снилось, что поднялся из воды город... Сверкали на солнце мокрые купола!

— Какой город?

— Старый-старый...

— Наверно, видела такой в каком-нибудь кино?

— Не-ет. Такого я не видела.

— Интересно...

— Ну да!.. А вы, Федор Степанович, никогда не видели чего-нибудь такого... не во сне, а так?

— Однажды... Только я этого никогда и никому не рассказывал, Соня, и было это со мною

давно. Я летел ночью на грозу. Обстановка не совсем обычная... Но не о том речь. В полете был миг, когда передо мной возникла воронка в пространстве. Ты видела когда-нибудь пыльные смерчи?

— Да-а.

— Что-то вроде смерча, но совсем иного характера. Я тогда почувал в этом некую необычную концентрацию энергии. В воронке появилось на миг небо с незнакомым рисунком созвездия, и все исчезло. Я не страдаю галлюцинациями, у меня крепкие нервы, и я, разумеется, не сплю в полете... Я никому не сказал об этом. Тогда такие вещи мало кого интересовали. А я был молод и боялся, что меня поднимут на смех. Решил, что явление это — оптического характера. И забыл об этом. А вот сейчас неожиданно вспомнил. Гроза, вернее, атмосферное электричество, — штука малоизученная. И, видно, стоит обращать внимание на вещи малопонятные, странные, на парадоксы природы. Впрочем, отсутствием внимания к этому ты, кажется, не страдаешь.

— Мне никто так много не рассказывает, Федор Степанович. В интернате только воспитывают. А зачем воспитывать?

— Чтобы дети, подрастая, походили на взрослых, по-видимому.

Сонька рассмеялась.

— Почему смеешься?

— А что если не воспитывать?

— Ну, это легко сказать. Так ведь повелось сыздавна.

— Хотите, я уйду из интерната, Федор Степанович, и приду к вам жить? Приедет Марина, и будет семья...

— Соня...

— Завтра же пойду к Ивану Антоновичу и отпрошусь...

Летчик некоторое время, казалось, собирался с мыслями; он смотрел на Соньку, как будто боялся, что столь легко сказанные ею слова неверно им поняты. И сказаны-то внезапно. Разговор шел совсем о другом. Что это? Минутный импульс? Давно созревшее решение?.. Порою трудно произносимое именно так и звучит — внезапно, как будто вне связи с бегущей минутой.

— Иван Антонович сказал мне как-то, Соня, что ты никуда не пойдешь из интерната.

— А к вам пойду. Сейчас же садитесь и пишите письмо Марине, чтобы она скорее приезжала. И еще...

— Что еще?.. — Исаев встревоженно смотрел ей в глаза.

— Купите самовар. Хорошо?

— Хорошо, Соня. Куплю самовар.

— Только большой, Федор Степанович. Мы будем сидеть за столом и пить чай. Правда?

— Разумеется... — он не знал, что сказать.

А она будто забыла сразу то, о чем только что сказала.

— Вы уже нарисовали ваше солнце над морем, Федор Степанович?

— Представь себе...— он торопливо открыл этюдник и достал маленькое полотно.

Сонька взяла в руки картину и некоторое время с недоумением рассматривала ее. Там сиял странный радужный круг.

— Солнце таким не бывает.

Исаев улыбнулся.

— Картины близко не смотрят.

Сонька вскочила с постели, отошла подальше в угол. И вдруг увидела на картине солнце, каким оно бывает лишь в редкие утренние часы.

Она радостно запрыгала и захлопала в ладоши.

И вдруг остановилась.

— Почему же вы не пишете письмо Марине?

И словно нежданная тень набежала на глаза Исаева.

— В другой раз, Соня.

Что-то непонятное было за словами Федора Степановича. Обычно прямой, радостно-открытый, он сейчас явно недоговаривал...

Сонька не знала и не могла знать, что это означает, но чувствовала— неспроста медлит Исаев с письмом.

— Видишь ли...— пытался пояснить он:—

Предстоит сложная работа... Кстати, меня уже ждут.

Только тут Сонька заметила стоявший возле дома зеленый газик.

Исаев взял этюдник и направился к выходу.

Внезапно Сонька преградила ему дорогу. Встала спиной к двери и раскинула руки.

— Нет!

— Что с тобой, Соня?— Исаев присел перед ней на корточки, взял ее, заглянул в лицо.— Не бойся, все будет хорошо. Не первый раз...

— Нет!— голос у Соньки был напряженный, полный отчаяния.

Он попытался ее легонько отстранить. Сонька рванулась к нему, обняла, прижалась щекой к его гимнастерке.

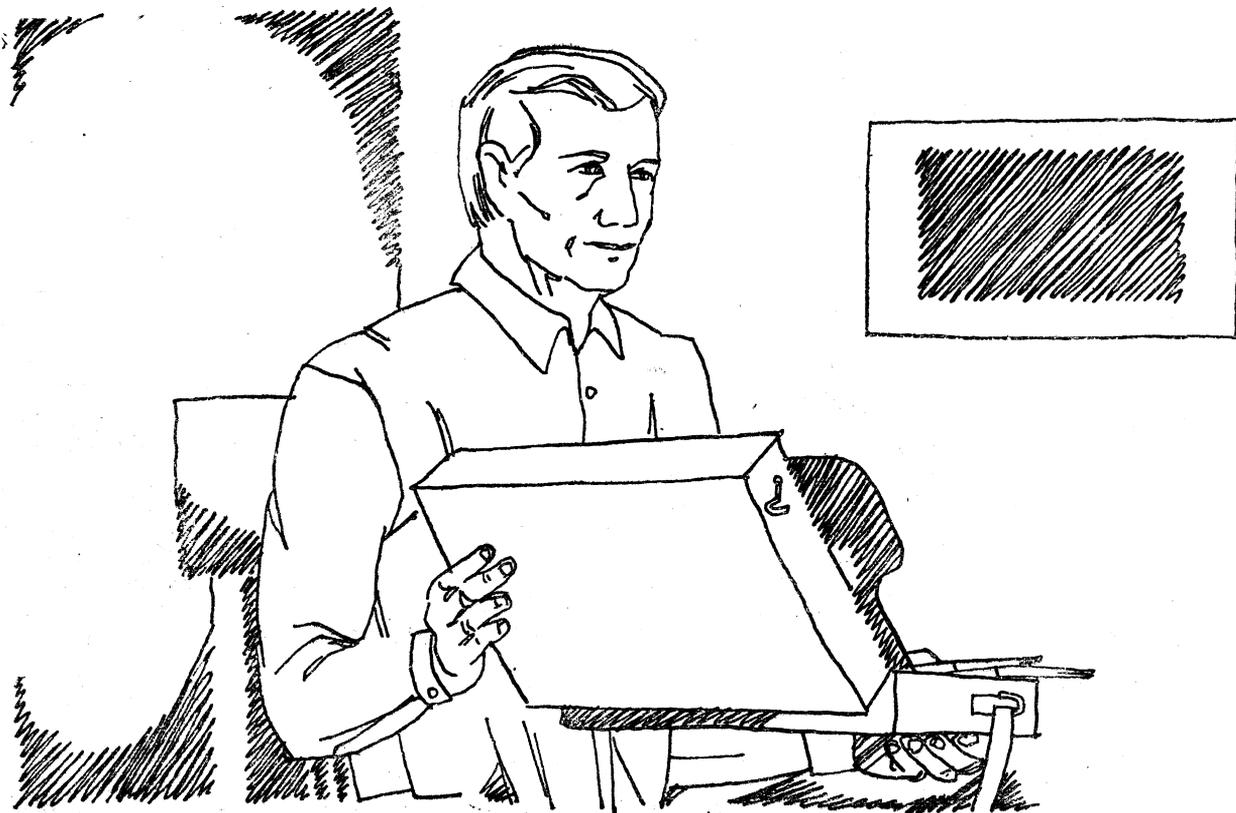
Когда он ушел, Сонька долго ходила по комнате, потом замерла, прислонившись плечом к стене.

18.

Тихо постучавшись, Сонька вошла в кабинет директора интерната.

Иван Антонович сидел за столом и читал газету.

— Что, Соня?— коротко взглянув на нее по-

верх газеты, спросил он. Отложил газету. Снял очки.

— Иван Антонович, отпустите меня из интерната.

Директор оперся подбородком на кулак и, прищурившись, не мигая, смотрел на Соньку.

— Куда?

— К Исаеву, к Федору Степановичу...

Директор откинулся на спинку стула.

— Откуда ты его знаешь?

— Он упал с неба... Нет, не упал... Понимаете, это вертикальная посадка.

— Хорошо, вертикальная посадка. И что же?

— Ну и вот...

— Я, конечно, не могу сказать, что все понимаю. Но твое намерение не высосано ли из пальца?

— Совсе не из пальца. Марина, понимаете... Марина — это его жена... Не может примириться с тем, что она бездетна.

Щека Ивана Антоновича непроизвольно дернулась.

— Ты говорила с ней?

— С кем?

— Да с Мариной, женой Исаева, то есть, я хочу сказать, она с тобой говорила?

— Что вы! Я ее никогда не видела! Она живет на севере.

— Соня, ты талантливая девочка, но...

— У меня никаких талантов,— перебила его Сонька.

— Хорошо, никаких. Но элементарное понимание... Боже мой, куда же я задевал папирсы?

— Они лежат перед вами.

Директор закурил и взял себя в руки.

— Значит, жены Исаева ты не видела.

— Один раз.

— Где?!

— На рисунке... Федор Степанович показывал мне рисунок.

— И она тебе понравилась... на рисунке?

Сонька кивнула.

— Ну, тогда...— он развел руками.

— Она всю жизнь мечтала иметь девочку.

— Такую девочку, как ты, надо еще заслужить. А она лишь предстала перед тобой на рисунке... Тебе не кажется, что такое удочерение несколько необычно?

— Нисколько.

— И ты ожидаешь, что я в состоянии тебе сказать — «иди»?

— Ну да.

— Даже с формальной стороны этот вопрос, Соня, чрезвычайно сложный, и твое желание — еще далеко не все.

— Значит, не отпускаете?

— Пока, конечно, нет. Я должен прежде...

— Ну и ладно! — Сонька гыскачила из кабинета, хлопнув дверью.

Оставшись один, Иван Антонович потер запытаем лоб и так, никому, сказал:

— Удивительно просто — разрешите уйти... Непостижимо...

Как всегда по воскресеньям, в интернате пусто. Сонька ходила по гулким коридорам, большому и неуютным. Заглянула в пионерскую комнату. Там тоже было пусто.

Пришла в свою комнату. Девочки уехали домой к родителям. Без них комната казалась чужой, холодной. Сонька долго сидела на кровати, глубоко задумавшись.

Вошла Эмма Ефимовна, дежурившая по интернату, остановилась в дверях.

— Почему не спишь? Уже поздно.

— Я... — Сонька поспешно расстегнула воротничок. — Сейчас ложусь...

Они молчали в тягостной тишине.

— Тебя кто-то обидел?

— Нет.

— Тебе плохо в интернате?

— Хорошо.

— Ах ты, горе мое... — Эмма Ефимовна подошла к Соньке, присела перед ней на корточки. Большая, длинноногая, она едва поместилась меж детских кроватей. — Я чувствую, ты что-то задумала, Соня.

— Ничего я не задумала.

— Ну, спи.

Эмма Ефимовна погладила Сонькину руку и тихо вышла из комнаты.

Сонька прислушалась. Когда в коридоре стихли шаги учительницы, сняла форму, аккуратно свернула, надела свое старое платье, кофточку, сандалии, собрала свои вещи в узелок и бесшумно открыла окно.

На остановке никого не было. Последний автобус, видимо, ушел.

Сонька постояла немного и пошла напрямик через дюны.

Горячий день сменился ясной холодной ночью. Песок уже остыл.

Царила такая тишина, что Сонька остановилась и посмотрела в небо. Только оттуда могла прийти такая тишина, из космоса. Это его безмолвие легло на пустынные дюны, это его холод остудил песок.

Сонька пошла быстрее и нарочно громко заговорила сама с собой:

— Вчера за творческий диктант получила двойку. Вот смех.

— Хорошенький смех. И до этого схватила две тройки.

— А мне все равно. Все отличницы дуры. Я убегу, уплыву на большом пароходе. Или пойду пешком вокруг земли.

— Милиция тебя живо вернет домой.

— А у меня нет ни дома, ни мамы, ни папы. Она умолкла и услышала глухое, похожее на шепот эхо пустыни:

— ...ома, мы... пы..,

Она еще прибавила шагу. Ей было одновременно и холодно, и жарко. Она сбегала с дюн широкими прыжками, а поднималась на них медленно. Шла, ориентируясь по звездам.

Уже в первом часу ночи прибежала она в дом Исаева.

Загля в обеих комнатах свет и крикнула:

— На-со-всем! — крутнулась перед зеркалом, подняла над головой руки. Нет, в общежитии нельзя было так... Здесь она оказалась лицом к лицу с некоей новой свободой.

Спать не хотелось. Сонька погасила свет в доме и выскочила на улицу.

Была ясная ночь. Море несло на волнах осколки звезд. Пучина перемешивала блеск и синеву неба со своей смоляной чернотой.

На какой-то миг Сонька потерялась. Ей показалось, что небо внизу, а море дышит над ней. Голова закружилась от разверзшейся бездны, будто во всей ужасающей реальности открылось перед ней желанное четвертое измерение.

Она сбегала вниз по известняковым плитам, как по лестнице великанов, и бросилась к воде. Раскинула тонкие руки, обнимая необъятное море, все звезды, всю бесконечность, весь мир.

Постояла так, слушая морской шум. Вода мерно и спокойно плескалась, выталкивая на берег темные водоросли, шуршала в ракушках.

Сонька разделась и прыгнула в воду... Нагретое за день море охватило ее искристым теплом.

Она уплывала все дальше и дальше от берега. Уже не слышалось шума набегающих на берег волн, и тишины касались лишь всплески тонких Сонькиных рук.

Где-то сейчас Федор Степанович? Спит? Или его стрела в ночном полете?

Она мечтала именно о таком отце. Когда по воскресеньям дети уезжали из интерната к родителям, Сонька думала о нем. Она знала, что прежде ее хотели удочерить какие-то люди. Наверно, хорошие люди... Но почему-то мысль о них вызывала скуку. Они представлялись ей старыми, ищущими в ней утешение. А ей хотелось, чтобы ее отец был молодым, сильным и отважным.

Когда стали тяжелеть от усталости руки, Сонька вдруг вспомнила, что она одна в ночном море. На миг ей стало жутко. Она оглянулась. На фоне звездного неба береговые скалы казались развалинами старой крепости, забытой не только людьми, но и временем. Как многообразен и причудлив был окружающий мир, как загадочен и прекрасен...

Сонька просидела на берегу всю ночь. Она не думала больше об Исаеве. Она вообще ни о чем не думала, словно стала одним из прибрежных камней, которые лежат здесь вечно, не подверженные времени, и немислимы без шума волн, морской дали и пустого неба.

Возвратилась домой, когда уже близился рассвет. Но спать не хотелось. Она села у окна. Сидела тихо и неподвижно, как тень. Где-то в небесной выси уже угадывался слабый трепет первых утренних лучей. Звезды смутно угасали, словно уходили от могучей силы солнца. И лишь Венера сверкала над темным морем неистовым белым светом.

Неожиданно раздался стук в дверь.

Вошла Эмма Ефимовна.

— Вот, оказывается, ты где! — звенящим от негодования голосом заговорила она. — Мы с Иваном Антоновичем чуть с ума не сошли, думали, утонула... Объясни, что это значит?

Сонька во все глаза смотрела на учительницу. Она никак не ожидала, что Эмма Ефимовна появится тут в такой ранний час. Видно, и вправду ее искали ночью.

— Ну, что смотришь? Переполошила нас и считаешь это в порядке вещей?

— Ну и что?

— Что-о? Ты как разговариваешь? Тебя ведь Иван Антонович не отпустил. Почему ты ушла?

— Ушла, и все.

— Возвращайся сейчас же и попроси извинения у Ивана Антоновича. Что же ты стоишь?

— Не пойду. Это мой дом. Я тут живу!

— Как? Ты жила и живешь в интернате.

— Нет, здесь!

— Что все это означает? Ты прекрасно понимаешь, что так не уходят из интерната — через окно, ночью, никому ничего не сказав! Да и ушла ты, я вижу, в пустой, брошенный дом.

— Нет, поближе к четвертому измерению, — улыбнулась Сонька.

— Какое еще измерение?

— Скоро приедет Федор Степанович...

— Это скоро может быть очень долгим.

— Вернется Марина...

— Мало ли кто вернется. Сейчас ты должна вернуться в интернат.

— Нет!

— Соня...

— Нет!

19.

В интернат Сонька не вернулась. Она ездила на уроки автобусом вместе с другими школьниками, которые жили в порту.

После уроков ребята у нее спрашивали, куда она едет. И она отвечала: «Домой».

Педагоги молчали, молчал и Иван Антонович.

Наконец-то у нее был свой дом. Она его прибирала, приводила в порядок. В кладовке нашла белую краску, покрасила оконные рамы.

Она готовила обед. Лапша у нее слипалась, рыба была или горько-соленой, или она ее вообще забывала посолить. Суп в рот нельзя было взять. Но она упорно ждала Исаева...

Теплоход медленно подходил к причалу. Сонька смотрела на него как зачарованная. Она никогда не уезжала дальше городка. Ей захотелось подняться по трапу и уплыть. И не все ли равно, куда... Так вот, наверно, уехал и Игорь. Может, ему и туго приходится, но он в пути, он едет или идет, видит что-то совсем новое, Сонька тоже была всегда в пути. Но путь ее проходил причудливыми дорогами воображения. Даже самый воздух вокруг нее был полон тайн и значения. Протяни руку — и пустота разомкнется, и откроется новая пустота, еще более огромная, ослепительно ясная, в прозрачной дали появятся золотые берега, из светлых струй многомерности поднимутся сказочные города.

Пассажиры сходили на берег. Обнимались со встречавшими. Торопились к автобусной остановке.

Сонька почувствовала себя потерянной и одинокой в пестрой толпе незнакомых людей. Побродив по пристани, с тяжелым чувством одиночества пришла она в дом Исаева.

Там было по-прежнему пусто.

Она ждала Исаева до позднего вечера, то и дело выглядывала в окно.

Уснула, сидя за столом.

А ночью тонко завыл ветер в мачтах соседней с домом радиостанции. Шурша, пополз песок пустыни, словно испугавшись грозного дыхания моря.

Сонька проснулась среди ночи от стука в окно. Бросилась открывать дверь и остановилась. Она поняла, что это в окно стучал песок. Ей стало страшно. Она заметалась по комнате, припала к окну. Море было таким жутким, что, казалось, его, этого моря, и нет вовсе, а есть лишь черная пустота, из которой вылетал с жутким свистом ветер, гнал в пустыне пыль и песок.

И она поняла в этот миг Марину — ее тоску, ее тревоги, ее одиночество.

20.

Над морем проступал рассвет.

Свет приходил будто из серой безжизненной воды, поднимался, всплывая на поверхность, и рассеивался в необозримом небе, легко скользил по недвижным дюнам, цеплялся за стебли

сухих трав, грани песчинок, нити паутин и приводил в трепет всю толщу утреннего воздуха. Свет шел по всем измерениям, проникая всюду и насыщая все.

В этот ранний утренний час со стороны моря возникла белая стрела.

Исаев спускался со своих высот, оглядывая даль столь явственную сверху: знакомые извивы дорог, первородный берег моря, дюны, их гребни, острые, словно стальные лезвия, и даль, смутную, словно пепел.

Как сотканный из света призрак, стрела неслась к берегу. И вдруг невидимое с земли затрепетало по ее плоскостям яркое пламя.

Когда летчик увидел его, мгновение, оставшееся для жизни, уже минуло. Катастрофа была молниеносной. Сколько раз он опережал мгновения, сколько раз достигал земли на тысячной шанса! И только неровная его седина говорила о том, что случалось с ним в небе.

Мгновение, когда еще можно было катапультироваться, минуло. Хлынул свет. И в последние доли секунды он вырвался куда-то из привычных измерений. А может быть, ему лишь показалось так, потому что он успел оглядеть небо и окружающую даль и справа край моря, наполняющийся синевой, ленивые гребни волн. Увидел начало медленного дня и в этом дне Соньку и волосы ее, как струи ветра...

Стрела вспыхнула, и свет ее промчался по теням барханов, по серым остаткам ночи. Летчика уже не было, когда осколки стрелы круто повернули к земле, выбирая себе место среди песков.

21.

Сонька снизу вверх смотрела на старого генерала. Он снял фуражку, и сухой ветер пустыни трепал редкие пряди его седых волос.

— Такая у нас работа, — сказал он.

Морщины на его лице были так глубоки, что, казалось, врезались в кости.

В небо одна за другой стремительно поднимались длинные, как иглы, машины, унося под короткими крыльями серебристо-серые сигары.

Другие стрелы возвращались домой, бежали празднично по бетонной полосе и становились в строй таких же белых машин.

Генерал шел по самому краю бетонного поля, а Сонька рядом по вязкому песку, скользя и оступаясь.

Она плохо понимала, что вокруг происходит. Ее окружили люди в высотных костюмах. Она знала, что они только что вернулись из полета. Она увидела их полные боли глаза и с криком бросилась к старому генералу, уткнулась лицом в его грудь и заплакала.

Она безутешно не по-детски всхлипывала, а генерал не успокаивал ее, только вытирал сухой ладонью ее слезы, но скоро его ладонь стала мокрой, и лишь тогда он догадался достать платок.

А люди в высотных костюмах стояли полукругом с непокрытыми головами, все совсем молодые — светлоглазые люди неба.

И снова, как после первой встречи с Исаевым, уносил Соньку вертолет в сторону моря. И уже не Алексеев, а другой, незнакомый ей пилот вел машину.

На коленях у Соньки лежал плоский ящичек из светлого дерева. Она не открывала его, а лишь гладила и, не переставая, плакала. Слезы падали на полированную поверхность ящичка, она смахивала их ладонью, но они появлялись снова.

Пилот видел ее в зеркале. Сидел, сжав губы, и вел машину. Навстречу вертолету текло небо — белое преддверие космоса. Но Сонька не глядела, как всегда, по сторонам. Она, казалось, была озабочена лишь одним — чтобы не осталось следов от ее слез на плоской поверхности ящичка.

Вертолет опустился возле интерната. И пилот за руку отвел Соньку к воротам. Они шли медленно — Сонька с ящичком на плече, совсем не такая, как всегда.

У ворот интерната пилот попрощался с Сонькой и торопливо пошел назад к вертолету.

От винта отвесно вниз хлынул ветер, и завихрился песок. Тяжелая машина медленно поползла вверх и унеслась прочь за дюны, будто ее и не было.

Первым, кого она встретила в интернате, был директор. Он шел через двор от учебного корпуса к себе домой. Его комната была крайняя с двумя выходами — одним внутри интерната и другим — на улицу.

— Соня... — только и сказал он.

Она обхватила его руками и вся затряслась от плача.

Иван Антонович повел ее к себе, усадил за стол.

— Да ты замерзла! Такие холодные руки!

Он накинул на нее свой пиджак.

— Я сейчас тебе налью чаю. Сейчас принесу. Я мигом.

Сонька силилась улыбнуться, но улыбка перешла в гримасу. Она ссутулилась и снова заплакала.

Иван Антонович наклонился к ней, робко, нерешительно погладил ее волосы.

Он ничего не говорил об Исаеве. И это было хорошо.

Иван Антонович сходил за чаем, поставил на стол чашки. Налил чай и подвинул ближе к Соньке вазу с печеньем и конфетами.

Сонька погрела ладони о чашку, взяла конфетку, машинально ее развернула.

— Что поделаешь, Соня. Это жизнь. А в ней не все устраивается так, как ждешь.. Да, слышала, Игорь Смородин нашелся?

— Где?

— В Астрахани.

У Соньки на щеках блестели две застывшие слезинки.

— Как он туда попал?

— Скитался. Заболел в дороге. Сейчас лежит в больнице. Выпишут — вернется. А мы стараемся, чтобы ему в интернате было хорошо. Правда?

Сонька кивнула.

— А закончит восемь классов, — продолжал директор, — может поступить в ГПТУ, если не передумает к тому времени. А может, и десятилетку закончит. Все ведь меняется — жизнь такая штука...

22.

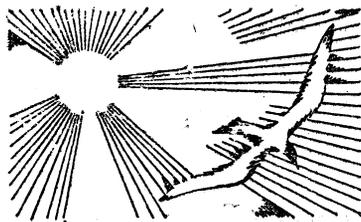
Она сидела на прибрежном песке и перебирала рисунки в этюднике, который отдал ей старый генерал.

Почти на всех рисунках была Сонька. Исаев рисовал ее по памяти. Он знал каждую черточку ее лица, каждый ее жест.

Сонька сидела на пустынном песчаном берегу. Вблизи нее, словно студень, двигалась в тусклом зеленом блеске дневная вода.

От ее руки, опершейся на белый песок, падала тонкая резкая тень. Тень ее волос и ее плеча достигала выброшенных на берег водорослей, и металлические крики чаек, носившихся над водой, казались нитями, перепутанными на пути от неба к морю.

ОТ АВТОРА: сюжет этой повести, факты, описанные в ней, не имеют строгой документальной основы. В жизни летчиков-испытателей всегда были радостные и трагические страницы. Именно это я и хотел показать в своем «Четвертом измерении».

День самый долгий

**Виктор
БОКОВ**

*Рисунки
В. Меринова*

*Стихи Виктора Бокова
с их неповторимым,
самобытным почерком,
песенными интонациями
давно полюбились читателю.
Большой знаток фольклора —
народных песен, частушек,
он и в своем творчестве
словно бы исповедует
непреходящую истину:
все галанливое — просто!
На этих страницах публикуются
новые стихи поэта,
любезно предоставленные им
нашему журналу.
Игорь ТАРАБУКИН.*

Солнцестоянье

Струи июньского, нежного, теплого воздуха,
День самый долгий и самый, пресамый пастуший.
Солнцестоянье — великая пауза отдыха,
Солнце себе позволяет и этот поступок!

В оцепенении стройная стать валерьяны,
В паузах листьев сверканье камней драгоценных.
Кто-то косил рано утром и вот на поляне
Смертоубийственно пахнет сегодняшним сеном.

О, задержать бы все это большое цветенье,
Остановить, приказать: — Не подумайте блекнуть!
Чтобы смотрелось волшебное это виденье
Всей красотой своею в озерные окна.

Солнце! Куда ты? Постой же! Зачем торопиться?!
День бы хотя задержалось, чего тебе стоит.
Серая птичка присела на камешек, чтобы напиться
И полетела с заботой своей мирскою.

Солнце стояло, стояло и двинулось дальше,
Отдых ему разрешал не директор завода,
Что ему, солнышку, графики наши,
Солнцу командует только природа!

и самый, пресамый пастуший...

Песня

Перед зеркалом стояла,
Губки нарисовала.
В нашем клубе постановка.
Милый, пригласи меня!

Ты чего это гадаешь
На ромашках у реки?
Если с кем-то изменяешь,
Признавайся напрямки!

Не юли и не актерствуй,
Любишь — да, не любишь — нет!
Чё глазами-то уперся
На заречный сельсовет?!

Про твое непостоянство
Председателю скажу.
Если ты ненастоящий,
Всей деревне расскажу.

Что скрываешься, таишься?
Не навешивай картуз!
Ты измены не боишься,
Я измены не боюсь!

Глаза твои степные, запыленные
Зеленую порошей припорошены,
Ты — трепетный и гибкий тополек,
Ты — вся порыв и ты зовешь в полет.

В тебе живет большое милосердие,
И в то же время ты насквозь весенняя,
И музыкой персты твои наполнены,
И в них звучит мелодия знакомая.

Откуда ты? И кем, скажи мне, послана?
Не надо, не ищи во мне апостола,
Я просто лирик и певец любви,
Мне откровенье — нежности твои.

Доверчивость твоя, непонимание,
Что бескорыстно и мое внимание,
И вспыхнувший нечаянно огонь,
Который ты взяла в свою ладонь.

Побудь со мной! Мне так легко, раскованно,
Лечу я вольной птицей над просторами,
На полный мах расправлены крыла...
Как хорошо, что ты со мной была!

Когда цветы несут, как веник,
Будь это инженер или первокурсница,
Мне хочется залягать с четверенек
На это неуменье и безвкусицу.

А Лев Толстой цветы носил торжественно,
Преподносил по-рыцарски с колена.
Он высоко ценил все то, что женственно,
О красоте душа его болела.

Давайте даже в малой малости
Пример с великих постоянно брать,
Чтоб, по-толстовски доживя до старости,
Над самым краем истину искать!

Предупреждение

Когда грустят седые,
С тоской в окно глядят,
Смеются молодые:
— Да, ну их! — говорят.

Что мне сказать осталось
Не помнящим родства?
Вас ожидает старость,
Она уже близка.

Что с вами будет дальше,
Известно без наук.
И вас пошлет подальше
Не очень умный внук!

Жизнь! Верни мне ту дорогу,
По которой я ходил,
Ту деревню, то свиданье,
Ту девчонку, что любил.

Ты не будь жадюгой, скрягой,
Все верни мне, я прошу.
Я на праздник встречи этой
Всех любимых приглашу.

Даже ту, с которой плакал,
Разводился целый год.
Я теперь ее прощаю,
И она пускай придет!

Набережные Челны

Леса за Камой черным-черны,
Не то, что было теплым летом.
А город Набережные Челны
Пронизан весь электросветом.

Он молодостью оснащен,
Он, как фрегат под парусами.
Железом, техникой крещен,
Неодолимой силой стали.

Разросся! Не остановить
Его размаха с богатством.
Умеет он творить и жить
Под стать заслуженным артистам.

Страна моя! Сибирь, Кавказ,
Игарка с холодом полярным,
Ворвался к вам в ряды КамАЗ.
И стал, как песня, популярным!

Интервью

— Россию любишь?
— Вопрос излишен,
Не в Бирмингеме родились!
Так объяснялись возле вишен
Корреспондент и тракторист.

— Работу любишь?
— Что за вопросы!
Работы нет, и день пропал.
Не забывай — я был матросом
И море Черное пахал.

Меня волна морская била.
Валяла качка на полу.
Но я терпел. Меня любила
Отличница из ПТУ.

— Как с экономией горючего?
— Боюсь, что будет пережог.
Пашу-то над какими кручами,
Там горка, взлобок, тут ложок!

Низина, вся земля отволглая,
Мотор весь день рычит, как лев.

Поднять все поле — песня долгая,
Легко лишь только резать хлеб!

— Что передать от вас читателям?
В газете рассказать о чем?
— Мы — трактористы, вы —
писатели,
Придумайте! А мы прочтем!

Стоял под вишнями горячими,
Срывал их с дерева и ел.
Ни в чем себя он не выпячивал,
И скромно, тихо вдаль глядел.

Корреспондент строчил восторженно,
Он чувствовал прилив, напор.
Все, видно, было подытожено,
И оставалось сдать в набор!

Слезы

Я в День Победы видел слезы.
То были слезы торжества.
Клонились белые березы,
Сияла мокрая трава.

Шел пехотинец из Таруссы,
Кряжистый, крепкий коротыш.
Его просила мать-старушка:
— А ты, сынок, не торопись!

Ты видишь — я не поспеваю,
Так торопиться нам не след,
Глядеть, так вроде б я живая,
А вот в ногах-то ходу нет!

И слезы, слезы без уема...
Еще бы — столько лет ждала.
Всем объявляла: — Сын-то дома!
Цыганка мне не наврала!

Гремели майские салюты,
Спал пехотинец крепким сном.
Мать не спала и полминуты
И думала: «Посплю потом!»

Есть ли что в мире
Лучше твоих поцелуев?
Самый богатый банкир
Не назначит цену им.

Золото — прочь,
Ненавистно оно и презренно.
О, поцелуй твои!
Не они ли колеблют всю землю?!

Что бриллианты —
Богаче сверканье во взгляде!
Падают локоны,
Льнут шелковистые пряди.

Милая! Царствуй!
Я счастлив. Я раб. Я ликую.
Хочешь я голубем стану,
Всю ночь проворкую?!

О, этот плавный овал,
Эта ямочка на подбородке!
Я и ее целовал,
И запястья, и локти...

Милая! Царствуй!
Твой трон доброволен и вечен.
Я за любовь
Сам любовью плачу,
Больше нечем!

Старому другу

Давай простимся, на всякий случай,
Мой старый друг, в последний раз.
Перед бедою неминуей
Не устоит никто из нас.

Встречаемся случайно, редко
И то скорей кричим: «Пока».
А ведь грудная наша клетка
Рассчитана не на века.

Я зла тебе ни в чем не делал,
Клянусь, чиста моя душа.
Ну, случай был увел я деву,
Так ведь она сама ушла.

Не будем драться из-за женщин,
Они, как воздух, есть и нет.
Брось архаические вещи,
Зачем дуэльный пистолет?!

Пребудем в сем предмете выше,
Зреее! Главное, что мы
Священные напевы слышим
И вызываем свет из тьмы.

Не устаю одно я помнить,
Что между нами нет межи.
Ты где вот этой ночью темной?
В объятьях правды или лжи?

Моему критику

Ты говоришь: я примитивный
И прост мой песенный мотив.
Послушай, критик мой ретивый,
А солнце — тоже примитив?

А дождь над крышею ребристой,
Что всех в укрытие загнал?
А ландыш этот серебристый,
Что лично Лермонтова знал?

Глоток воды, глухарь на ветке,
Отрезанный ржаной ломоть —
Все примитив? Оставь наветы,
Тебе меня не побороть.

Я — жизни! А ты — сухая схема,
Да надоел ты — отвяжись!
Тебе была бы только тема,
А мне была бы только жизнь —

С грачиным граем над бродами,
Где зябнут вербы нагишом,
Где зарево над городами,
Заря вдали над камышом.

Альберт Рис Вильямс

В ноябре 1971 года на квартиру профессора Кобилева позвонил режиссер Ростовской студии кинохроники Клим Лаврентьев.

— Алексей Григорьевич, только что в нашу страну приехала Люсита Вильямс. Я договорился с переводчицей Союза писателей, что она организует вашу встречу с ней.

— Хорошо. А что от меня требуется?

— Надо, чтобы вы срочно приехали в Москву. Сможете?

...Колеса стучали, заснеженная средняя Россия пронеслась за вагонным окном. Соседи по купе давно спали, а Кобилев все думал. Дел на кафедре, как всегда, очень много. Лекции на первом курсе пришлось отменить. Но ведь и встреча-то какая ждала его в Москве!

Сорок четыре года назад крестьянским пареньком встретился он с прогрессивным американским журналистом Альбертом Рисом Вильямсом

фильма Клина Лаврентьева «Пути и встречи».

Долго они беседовали. Потом Кобилев достал из кармана две фотографии — свою и внука.

— Люсита Георгиевна, — сказал он, — разрешите сделать вам маленький подарок. На этой фотографии — Алексей Кобилев, которого вы знали так много лет назад в волжском городке Хвалынске. Второй — тоже Алеша Кобилев, мой внук. Ему одиннадцать лет.

— Спасибо, Алеша, спасибо, — сказала Люсита. — Как бы я хотела повидать этого Алешу! А моему внуку скоро исполнится десять лет.

Под вечер они пошли на Красную площадь. Постояли в молчании у Ленинского Мавзолея, у могилы Джона Рида. Было все в точности так, как в двадцать седьмом году, когда Вильямсы были провожатыми Алексея в знакомстве с Москвой. Супруги-американцы уже тогда не-

«НЕТ РУКИ МОГУЧЕЕ, ЧЕМ У РЕВОЛЮЦИИ...»

Юрий
НЕМИРОВ

и его женой Люситой. И вот эта встреча, осенью 1971-го.

— Сижу я в холле «Метрополя», волнуюсь... Гляжу — идет Люсита. Думаю, узнает меня или нет? Я-то запомнил ее сорокалетней цветущей женщиной, а она меня — безусым комсомольцем с гривой буйных волос.

Не выдержал, бросился я к Люсите, расцеловались мы. Первое, что я сказал, было: «Какая вы молодая!» А потом узнал, что Люсита очень была озабочена предстоящей встречей. «Алеше будет неприятно увидеть меня такой старушкой, — сказала она своей переводчице. — Я была киноактрисой, мы дружили с Мэри Пикфорд. Надо вовремя прощаться с кино».

Но и здесь, в Москве, ей снова пришлось сниматься для будущего

плохо знали нашу столицу. Альберт Рис Вильямс был среди первых граждан США, которые поняли величие Октября. Революционный Петроград, красная Москва, только что ставшая столицей молодой советской республики, героические будни огромной страны от Архангельска до Владивостока — все это было знакомо Вильямсу. Энергичная жена разделила многие его путешествия, и одно из них — на Саратовщину, предпринятое писателем по совету Михаила Ивановича Калинина, свело комсомольца Алешу Кобилева с этими замечательными людьми.

Был тогда Кобилев секретарем комсомольской ячейки в селе Ново-Никольском. Как-то вызывают его

в волостной комитет комсомола, в Хвалынский.

— Алексей,— сказал секретарь,— тебе дается важное комсомольское поручение. В наши края приехал один любопытный человек. Издалека, аж из самой Америки. В Хвалынске он поселился на Революционной улице. Ты бы помог этому товарищу. Он кроме всего прочего интересуется песнями, сказками, прибаутками волжскими, а ты это все отменно знаешь...

Вечером Кобилев стучался в ставни домика на Революционной. Открыл двери высокий, сутулый человек.

— Вы товарищ Вильямс?

— Я есть Вильямс. Меня зовут Альберт Давыдович. Так по-русски будет удобней меня называть. Хорошо?

— Хорошо,— сказал Алексей, и рот у него растянулся в улыбке до ушей. Не мог он не улыбаться, глядя на этого человека: такое уж обаяние он излучал. А потом на крыльцо вышла молодая красивая женщина в мордовском национальном наряде — это была Люсита.

Алексей в тот же вечер спросил Вильямса:

— Альберт Давыдович, а что вас привело в наши края? Здесь медвежий угол. Мы ведь так далеко живем от железной дороги, от уездного города Вольска...

— Мне не нужна железная дорога,— сказал Вильямс, весело переглянувшись с женой. — Русский президент Калинин не раз мне говорил: если вы хотите по-настоящему узнать Россию, то поезжайте куда-нибудь в далекую волость, в темную глухую деревню. Калинин дал мне совет присмотреться к русскому крестьянину.

Оказалось, что Вильямса на самом деле очень занимает фольклор русской деревни. По просьбе американца, Кобилев написал несколько очерков: «Деревенская свадьба», «Посиделки», «Хороводы», «Деревенские игры», «Обычаи празднования масленицы». В домике на Революционной Вильямс и Кобилев обсуждали эти сочинения. Они очень подружились.

Альберт много рассказывал о своих встречах с Владимиром Иль-

чем Лениным, о днях октябрьского штурма, о том, как Вильямс организовал по просьбе Ленина Интернациональный легион защитников завоеваний Октября.

Спустя сорок с лишним лет после того, как они навсегда расстались, Алексею Григорьевичу показали некоторые фотографии из фонда Саратовского краеведческого музея. На одном из них — группа бойцов Интернационального легиона. Среди них — Альберт Рис Вильямс. О тех днях он написал прекрасные строки: «Может быть, наш маленький отряд имел значение больше моральное, чем военное... Не мне его оценивать... Мы зябли от холода, были голодны и, наверное, неуклюжи, но бодры духом, с лучшими надеждами и радостным сознанием, что мы тоже частичка русской революции,— единственного во всем мире, ради чего стоит жить и за что можно умереть».

Затерявшись среди мужиков, бродили Вильямс и Кобилев по Саратовщине. Пешие путешествия писателю были не в новинку. Точно так же он постигал тему «Крестьянин и революция» в селах студеней Архангельской области, на Кавказе, в гоголевских местах Украины.

— Знаешь, Алеша, — говорил Вильямс однажды летней ночью, заставшей их как-то по дороге в уездный центр,— я очень рад, что в ваши деревни приходят первые тракторы. Я смотрю на них и снова вспоминаю Петроград, броневики семнадцатого года. Эти трактора — продолжение Октябрьской революции. На меньшее я не согласен, Алеша!

В конце 1926 года, когда Кобилев уже был студентом Донского политехнического института в Новочеркасске, в газете «Известия» он прочитал статью Вильямса «1917 год и сегодня». Слова, сказанные им тогда, в заволжской степи, почти без изменения вошли в газетное выступление писателя: «...Трактора не менее революционны. Как и броневики, они органически спаяны с Октябрем».

В путешествие по Хвалынскому уезду Вильямс брал с собой фотоаппарат, и благодаря этому обстоятельству появилось несколько любопытных снимков, автор которых —

Альберт Рис Вильямс. Люсита выслала их Кобилеву летом 1963 года из Америки, когда между ними вновь установилась связь.

На одном из снимков профессор видит себя выступающим перед крестьянами в маленькой татарской деревушке. Вторую фотографию Вильямс сделал в селе Ново-Никольском. Рядом с председателем сельсовета — «друг Алеша». У них — противопожарные багры на плечах. Любопытна история этого снимка. Вильямс, зная разруху и разорение после гражданской войны, попросил Алексея найти в деревне что-либо железное. В тот день, когда они с Вильямсом обошли всю деревню, единственной железной вещью оказались эти самые противопожарные багры.

Любимым выражением писателя было — «из первых рук».

— Алеша,— говорил он не раз,— я верю только фактам. Только то, что взято в жизни, из первых рук, без посредничества, дает мне материал для моих книг.

Альберт Давыдович добродушно смеялся, когда вспоминал свою юность.

— Мои родители хотели, чтобы я стал богословом. Из «первых рук» мне предстояло, если бы я послушался их, принимать богословские истины... А, Алеша?! И верить фактам, которых нет и быть не может!

Летом 1926 года Кобилев уехал в Новочеркасск поступать в политехнический институт. Вильямсы чуть раньше отправились в Москву. А вскоре, еще не став студентом, Алексей получил письмо от Альберта с приглашением приехать в гости к ним, в столицу.

— Как же было не поехать?! Я выкроил несколько дней, свободных от экзаменов, и вот из окна вагона вижу улыбающиеся лица Альберта и Люситы. Они устроили меня в своей московской квартире,— вспоминает Алексей Григорьевич.— Писатель хотел, чтобы я совершил с ним путешествие как помощник в сборе фольклора по селам Владимирской и Ярославской губерний и на реку Печору. Но я смог съездить только в несколько деревень Подмошья.

Пока Кобилев учился на первом

курсе, Вильямсы не забывали о нем и даже посылали ему деньги, зная, что студенческая стипендия небогата. Летом 1927 года, перейдя на второй курс, Алексей вновь приехал в столицу, жил и в московской квартире писателя, и на их скромной даче в Сабурове.

У Вильямсов было много знакомых и друзей. В то лето у них в гостях бывали американские журналисты, концессионеры, в общем — люди Запада. Вильямс нередко спорил с ними. Тема была одна и та же: коммунизм, его перспективы. Спорили до хрипоты. Вильямс не однажды приводил в гостиную Алексея: «Вот вам комсомолец, ставший недавно большевиком, он скажет, а вы слушайте». Сила аргументов Вильямса, да горячая вера и молодость Алексея помогали друг другу.

В то лето, в первые свои студенческие каникулы, Кобилев ездил по заданию Вильямса в Ярославскую губернию, собирал песни и пословицы. В ноябре 1971 года Люсита говорила профессору в Москве, что эти материалы до сих пор хранятся в архиве Вильямса.

Как же случилось, что за сорок с лишним лет Кобилев так ни разу и не встретился больше с Вильямсом и его женой? Альберт Рис Вильямс после войны не раз приезжал в СССР. Алексей Григорьевич читал об этом в газетах, но все как-то неловко было напоминать о себе. А Вильямсы, оказывается, искали «друга Алешу»! В 1959 году они в последний раз вместе были в Советском Союзе. Летом того же года Вильямсы послали письмо в Хвалынск своим бывшим квартирным хозяевам Сафоновым:

«Дорогие Паша Тихоновна и Дмитрий Тимофеевич!

...Мы помним, что Хвалынск был красивым городом... На будущий год мы снова приедем в СССР и тогда надеемся побывать у вас в Хвалынске. Это наше посещение ограничилось, главным образом, лечением Альберта Риса, который пролежал в Москве в больнице два с половиной месяца. Сейчас ему немного лучше, и через две недели мы возвращаемся в Америку...

Слышали ли вы что-нибудь об Алексее Кобилеве? Он жил в другой деревне, но мы часто виделись с ним, он был тогда комсомольцем...

Люсита Вильямс,
Альберт Рис Вильямс.

Москва, 3 августа 1959 года.

Прошло еще несколько лет, и старые друзья, наконец, списались, но это сделала Люсита Вильямс: писателя уже не было в живых.

Осенью 1963 года товарищ Люсита приезжала в нашу страну на юбилей Джона Рида, и Кобилев послал дружеское письмо, на которое тотчас же получил ответ:

«Ваше письмо вызвало во мне смешанное чувство радости и горести. Радости — потому, что я снова услышала о Вас после стольких лет. Для меня Вы по-прежнему молоды. А грустно потому, что Альберт Давыдович не смог ни получить от Вас письма, ни увидеться с Вами снова. Вы были одним из его лучших и ближайших друзей, несмотря на разницу в годах. Мне кажется, он считал Вас своим русским сыном...

До последних лет жизни Альберт Давыдович работал над воспоминаниями о Ленине. Он не закончил их. И я сейчас стараюсь как-то собрать его заметки.

Он оставил огромную массу материала...

Ваш старый преданный
друг Люсита».

На рабочем столе Алексея Григорьевича мирно соседствуют микроскоп и чугунные кони, словно примчавшие сюда из далекого детства, из тех ясных дней, когда крестьянский сын Лешка Кобилев ездил с приятелями в ночное.

В Новочеркасском политехническом институте Кобилев руководит проблемной лабораторией по выявлению и использованию минеральных ресурсов Северного Кавказа и Восточного Донбасса.

В 1961 году профессор Кобилев выступил на страницах газеты «Известия», отстаивая дорогую ему идею сочетания педагогической и научной работы в высших учебных заведениях.

Статья ученого появилась в «Известиях» 8 сентября, а за день до этого, выступая в той же газете, Альберт Рис Вильямс опубликовал одну из последних работ, написанных им для советской прессы, под символическим названием «Путь к звездам». И не знал, к великому сожалению, старый и испытанный друг Страны Советов, что «друг Алеша» и его ученики тоже немало сделали для нашей Родины на ее пути к звездам, к космическим далям. Они искали молибден и вольфрам, эти «звездные камни», и нашли их на Северном Кавказе, по традиции считавшемся безрудным. Пять правительственных наград заслужил профессор Кобилев, и среди них — орден Ленина.

— Если сравнить все, что сделали вы, Алеша, за эти годы, и что сделала я, то счет будет 100:1 в вашу пользу, — сказала Кобилеву Люсита Вильямс в ноябре 1971 года. Профессор благодарно пожал ей руку.

— Не думаю, Люсита Георгиевна, что вы справедливы к себе...

А вечером они долго стояли на Красной площади и вспоминали слова Альберта Риса Вильямса, достойные того, чтобы их высечь на камне: «Нет руки могучее, чем у революции. Если раскалывает, то навсегда. Если сближает, то навечно».

Будущее Земли

Недавно в научном журнале «Экология», который издается Институтом экологии растений и животных Уральского научного центра, был опубликован проект Экологической программы нашей страны. Впервые экология, наука о природе, предпринимает попытку критически оценить свой путь, пройденный за сто лет существования, и очерчивает свое будущее и будущее Земли, чтобы быть на уровне требований века.

В эпоху научно-технической революции, при стремительном росте мощи общества и интенсивности использования природных ресурсов, забота о сохранении среды обитания человека становится первостепенной. Возникают проблемы большого масштаба, затрагивающие интересы всех отраслей народного хозяйства. Их решение должно быть комплексным. Особую роль должна играть биология, так как деятельность человека протекает в пределах биосферы. Органический мир не только дает необходимые человечеству пищевые и технические продукты, но и поддерживает нормальный состав и чистоту воздуха, плодородие почвы.

Сохранение среды обитания человека определяется круговоротом веществ — а это результат жизнедеятельности наземных, почвенных, водных сообществ растений, животных и микроорганизмов, то есть экосистем. Изучение структуры, функции и динамики этих систем, управления ими — вот основное содержание экологии.

Отечественная экология прошла достойный путь. Основное внимание она уделяет насущным народнохозяйственным задачам — лесопользованию, охотничьему и рыбному промыслу, борьбе с очагами инфекций, охране природы. Широко известны труды В. И. Вернадского, Н. И. Вавилова, В. М. Житкова, С. А. Зернова, В. Н. Сукачева, Л. А. Зенкевича, С. С. Шварца. Наши экологи участвуют в осуществлении международных программ, таких, как «Человек и биосфера».

И все-таки ощутимо отставание экологической науки от требований жизни. Уж очень резко возросло влияние человека на окружающую среду, сократились площади естественных ландшафтов, нарушились в ряде районов исторически сложившиеся экологические связи. От экологии стали требовать не только объяснения закономерности формирования живого покрова Земли, но и давать практике рекомендации. Внимание к экологии обострилось во всем мире. В некоторых странах созданы экологические общества, издаются журналы, сводки, руководства по экологии. Созываются меж-

дународные конгрессы. Возрос уровень экологических исследований, которые выполняются теперь с применением автоматизированной техники и одновременно на больших участках земной поверхности.

Однако далеко не все экологические исследования в нашей стране соответствуют современным требованиям и могут стать основой практических рекомендаций. Назрела необходимость разработать комплексную программу развития экологии в СССР.

Каковы же основные проблемы современной экологии?

В развитии рыбного и охотничьего промыслового хозяйства главный путь — **переход от промысла к хозяйству.**

Чтобы получать что-то от природы, необходимо заботиться предвзвешенно о восстановлении этих ресурсов. Добыча должна быть лишь процентом с основного капитала...

Остра и другая проблема: **сохранение от вымирания редких и исчезающих видов растений и животных.**

Человечество не может позволить себе потерять ни одного вида животных или растений. В будущем может обнаружиться, что утерянный вид как раз обладал чрезвычайно ценными качествами. Охрана видов — это сохранение разнокачественности живой природы.

Эталонные участки биосферы. Это — ведение заповедного дела, сохранение типичных экосистем, отдельных видов животных и растений. Заповедники следует рассматривать не только как эталоны природы, но и как экологические лаборатории.

Мониторинг... Очень важно, чтобы действовала международная система постоянных наблюдений за окружающей средой с целью регистрации происходящих изменений, проверки эффективности природоохранных мероприятий.

Экологизация промышленного производства — единственно возможный путь управления биосферой. Многие в этом направлении уже делается: разработка безотходной технологии, замкнутых циклов воды и т. д. Но экологи должны более четко определить, где, когда и почему

вредны те или иные загрязнения, без таких сведений направленное улучшение свойств среды невозможно. Перспективный план экологизации промышленности должен учитываться при определении технической политики государства на длительный срок.

Экологическая индикация и нормирование состояния окружающей среды. Это важно делать, чтобы предвидеть масштабы последствия воздействий на природу. В частности — масштабы загрязнения вод, атмосферы и почвы, допустимого порога истощения почвы, предельно допустимой концентрации в природе различных отходов хозяйственной деятельности.

Рекультивация нарушенных земельных угодий, создание парков и угодий на месте отвалов пустой породы или шлаков. Для этого необходимы сообщества растений и животных, которые в короткий срок восстанавливают почву...

Утилизация органических отходов городов и сельскохозяйственного производства. Тут важна разработка конвейеров биотермического обезвреживания отходов.

Управление продукционным процессом. Суть этой проблемы: создание устойчивых природо-хозяйственных экосистем. Человек, засеяв огромные площади монокультурами, вызвал к жизни невиданные масштабы размножения вредителей растений.

Как видим, задачи перед экологией стоят исключительной важности. В Академии наук экологические исследования проводит Отделение общей биологии. В большинстве же научных работ пока изучается лишь экология особи. Основой для такого развития экологии служит вся классическая биология, это — традиционный путь. Менее успешно развивается популяционная экология. Возникло новое направление — ландшафтная экология. Назрела необходимость создать научное общество экологов. Нужна сеть лабораторий прикладной экологии в самых различных ведомствах. Необходимо развернуть повсюду в стране лаборатории экологического наблюдения. Будут ли они в системе санитарно-эпидемиологической службы или Гидрометслужбы, или Академии наук, или Министерства сельского хозяйства, или такие лаборатории целесообразно создать при трестах коммунального хозяйства — следует обсудить особо. Региональные экологические лаборатории должны будут осуществлять экспертизу всех крупных строек и хозяйственных мероприятий, связанных с изменением окружающей среды.

Детальный план мероприятий дополнит «Экологическую программу СССР».

**Директор
Института экологии
Уральского
научного центра
доктор биологических наук
Владимир Николаевич Большаков
в связи с публикацией
«Экологической
программы СССР»
отвечает на вопросы
нашего корреспондента
Ю. Липатникова:**

— «Экологическая программа» появилась своевременно, или, может, раньше, чем надо, или, может, позже, чем следовало бы ей быть... Как вы полагаете!

— Когда свершается то, чего давно ждешь, кажется, свершение это своевременным... Экология внутренне готова к решению больших практических дел. Это уже не только теория о функционировании живого покрова нашей планеты, стала сильной и ее другая сторона — прикладная. Выдвинулась биогеоэкология. Экология вооружилась физическими приборами. Например, в нашем институте великолепно себя показали газоанализаторы. Они помогают узнать в полевых условиях, как поток энергии идет от бактерий до крупных животных. Старинными методами биологии эти сведения можно было бы получить лишь за много лет наблюдений, а не за два-три года. Экономит время эколога и аппаратура для биохимических анализов. Двигает нас вперед и механизация сложных вычислений. Экология, короче, стала более мобильной наукой, а как раз этого от нее и требует жизнь. Нужно выяснить неясное во взаимоотношениях общества и окружающей природы. Вот почему мы публикуем нынче в научном журнале «Экология», который выходит в Свердловске и распространяется по всей стране как всесоюзное издание, экологическую программу. Историк науки, наверно, обратит внимание на эту публикацию, потому что она говорит об обострившемся самосознании экологии. Наша наука хочет участвовать в делах общества, а не созерцать пагубные изменения в природе. Она хочет управлять природой... Потому экологическая программа — это самоусовершенствование

науки. Программу будут обсуждать не только экологи всей страны, а и знатоки природы — их мнения нам тоже дороги и ценны. Собрать такие мнения и мог бы помочь «Уральский следопыт», опубликовав, хотя бы в сокращенном виде, этот документ... Тут надо еще раз подчеркнуть: это не готовая программа, это — проект.

— Есть ли у вас новые факты, которые говорят о прикладном значении экологии!..

— Недавно мы создали в институте межлабораторную группу экологического прогнозирования. Она должна будет работать по хозяйственным трестам. И нам уже предлагают самые разные тресты, предприятия свои заявки, например, проектный институт «Южгипроводхоз» занят проблемой водоснабжения уральских городов, в частности, за счет рек Тавды и Туры. Институт просит нас провести экологическую экспертизу своих проектов. Крупные строительные организации вообще хотели бы знать обо всех зонах ограниченного хозяйственного использования на территории той или другой области Урала. И спешат строители — дайте, мол, эти зоны за полгода. Это выше наших возможностей. Это, пожалуй, по плечу лишь институту прикладной экологии, которого еще ни на Урале и нигде нет. Жизнь тормозит — и являются идеи. Нам теперь нужно стараться опережать заявки, изучать тот или иной район не только для науки, но и для практики. Нынешняя экология и размышляет, и действует...

В БОЙ ИДУТ СЛОНЫ

**Александр
ДУЛОВ**

Природа — благо, но ее можно использовать и во вред человеку. В вооруженной борьбе на протяжении тысячелетий природные факторы много раз использовались как оружие.

Назовем три этапа: древнейший, XIX век и новейший. Первый этап — это господство рабовладельческой и феодальной формаций и время создания буржуазных государств (до Французской буржуазной революции). Способы использования природных факторов в бою объяснялись низким уровнем военной техники, немногочисленностью армий, выступавших обычно в сомкнутом строю. Блокада, поджог, затопление, отравляющие вещества, распространение инфекционных болезней, использование животных могли оказаться весьма могущественными и решить исход даже крупного сражения или осады большого города.

«...изнемогати начаша людье»

Блокада... Военный теоретик Древнего Рима Вегеций писал: «...Есть два способа проведения осады: один, когда противник, разместив легионы на удобных местах, беспрепятственно, внезапно нападениями беспокоит осажденных; другой, когда он или отрезает от запертых в осаде воду, или ожидает, что они сдадутся от голода, поскольку он не допускает до них никакого продовольствия». Это и есть использование чисто биологического фактора: осажденные прекращали сопротивление из-за недостатка воды или пищи. Кроме того, из-за скуденности населения, сбегавшегося под прикрытием крепостных стен, возникали опустошительные эпидемии.

Нередко даже пассивная блокада приводила к успеху. Так, во время войны с галлами (в 52 г. н. э.) римлянам долго не удавалось взять крепость Алезию, и лишь нехватка продовольствия вынудила осажденных сдаться. В 404 г. до н. э. подобная же судьба постигла Афины. Несколько месяцев его жители сопротивлялись спартамцам, и только голод положил конец обороне города.

Осажденные прекращали борьбу из-за отсутствия воды. Так было в 1221 г. во время осады монголами замка Илал в Мазандеране (области, расположенной южнее Каспийского моря). Из книги по истории монголов: «Так как Илал расположен в местности, где небо постоянно открыто тучами, то там никогда не думали о запасах воды на случай бездождья. Но когда крепость была обложена, случилось как раз то,

что бывало там чрезвычайно редко, а именно — долго не было дождя. Через несколько месяцев блокады отсутствие воды заставило гарнизон сдать...»

В Древней Руси много раз блокировался Новгород. Новгородская земля не отличалась плодородием, собственного хлеба не хватало, муку привозили с верхней Волги. Стоило противнику Новгорода захватить Торжок или перерезать пути, как хлеб у новгородцев резко дорожал, и они голодали. Владимиро-суздальские князья, московский и тверской князья, не осаждая самого Новгорода, вызывали в нем голод, и новгородцы обычно принимали требования врагов.

Осаждающие всегда старались оставить неприятеля без воды. В 1093 г. половцы, осаждавшие союзный русским князьям город Торческ, перекрыли кводу и изнемогати начаша людье в граде водно жаждою и голодом». В 988 г. Владимир Святославович при осаде Херсонеса перерезал водопровод, и город пал. Летопись рассказывает и о том, как в 1207 г. при осаде Пронска горожане были лишены доступа к воде и, чтобы спастись от жажды, выходили из крепости ночью за водой, и сражались. Когда русские войска осаждали Казань в 1552 г., они отвели от города речку Казанку. Некоторое время осажденных выручал тайник, шедший к реке. Однако после того, как русские сделали под него подкоп и взорвали его, казанцы вынуждены были пить грязную воду, и в городе начались эпидемии.

Чтобы избежать такой участи, в городах и крепостях или делали запасы питьевой воды или строили подземные ходы к рекам. Иногда сооружался подземный канал, по которому вода поступала в город. Такие средства использовали строители русских крепостей XIV—XVII веков.

Реже противники затопляли вражеские крепости или лагеря. Ведь для создания искусственного озера, там, где позиции неприятеля, нужна многоводная река и мощная плотина. В 385 г. до н. э. Спарта осаждала греческий город Мантинию. Реку Офис, протекавшую через город, перегородили плотиной и так затопили улицы. Стали рушиться стены. Храбро сражавшиеся горожане капитулировали. Чингис-хан, воюя в 1209 г. с тангутами, построил плотину, чтобы затопить осажденный им город Чун-син на реке Хуанхэ. Однако река, прорвав плотину, залила водой самих монголов.

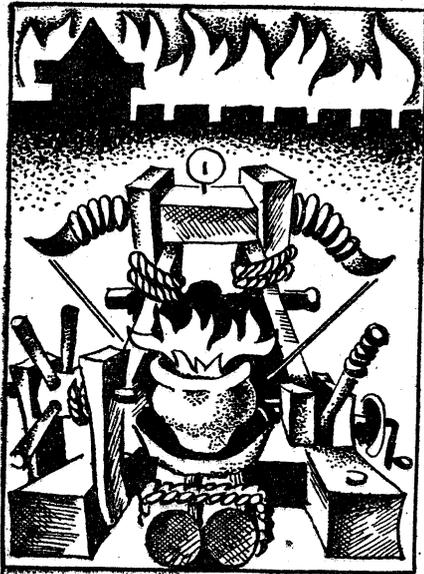
Крупное водохранилище было создано царскими войсками, чтобы взять Тулу, где были восставшие крестьяне во главе с Болотниковым. Осажденные сражались мужественно, и тогда по совету дворянина Ивана Сумина ниже города построили плотину. И река Упа затопила Тулу...

Поджоги

Значительно чаще, чем вода, использовался в боевых действиях огонь. Поджогом пользовались при осаде крепости. Огонь имел важное значение в морском бою, поскольку флот был деревянным. Уже в древнейшем из трактатов по военному делу, написанных на рубеже VI и V веков до н. э. в Китае, говорится об «огневом нападении», упоминаются случаи, когда сжигают людей, запасы, обозы, склады, отряды. Уже знакомый нам римлянин Вегеций говорит, что в каждой крепости должны быть сера, асфальт, смола для сжигания осадных машин противника.

Для поджога применялись металлические приспособления. В античных армиях иногда метали горящие факелы или зажигательные копья, пускали зажигательные стрелы. Еще более могущественным средством было забрасывание горючих веществ в сосуды. Древние китайцы употребляли зажигательные ядра, выбрасываемые из бамбуковых труб. На острове Родос в IV в. до н. э. были созданы приспособления, при помощи которых горящие угли в корзинах забрасывались на неприятельские суда. С изобретением пушек, в Европе стали применять пылающие ядра, в которых каменное ядро было облеплено смолой, серой, известью. Тогда же стали известны раскаленные ядра из свинца: перед выстрелом их каляли на сильном огне. Позже, в XVII—XVIII вв., стали стрелять чугунными калеными ядрами.

Одним из видов поджога было применение «греческого огня», широко практиковавшееся византийцами, знакомое также болгарам, арабам,

половцам, монголам. Византийцы устанавливали его на кораблях: Струя жидкости вылетала из сифонов и не гасла даже в воде. Греки стремились сохранить в тайне секрет этого оружия — винового в разглашении способа изготовления «греческого огня» ждала казнь. В Византии имелись и колесницы, метавшие огонь.

Известны случаи особенно остроумного применения зажигательных средств. Древнегреческий ученый Прокл сообщал, что при защите в III в. до н. э. греческого города Сиракуз от осады римлян великий математик и механик Архимед сжигал корабли противника при помощи отражательных зеркал. В 1976 г. греческий инженер Сакос решил проверить возможность подобного события. Он соорудил огромное зеркало, смонтированное из 60 отдельных зеркал. Когда солнечные лучи были сфокусированы в нем и направлены на модель древнеримского судна, отстоящую от зеркал на 40 метров, она почти тотчас же загорелась. Таким образом, рассказу Прокла можно верить.

Иногда для поджога пользовались транспортом. В XVII—XVIII вв. существовали корабли-брандеры, которые должны были подойти вплотную к судам противника. Тогда команда поджигала брандер, и огонь перекидывался на вражеский корабль, а сами поджигатели спасались на шлюпке.

Иногда повозки с сеном или соломой подвозились к деревянной стене, а затем поджигались. Так поступали римляне, так делали и воины армии Степана Разина. Бывали также случаи, когда атакующие заваливали дровами ров, зажигали их, чтобы занялся огонь на стенах и башнях. В 941 г. русский князь Игорь

вел большой флот против Византии, но византийцы действовали «греческим огнем», многие русские ладьи сгорели, и Игорь повернул назад.

Применив поджог, польские интервенты сумели в 1611 г. разбить войска Первого ополчения. В Москве велись упорные бои, вначале москвичи теснили поляков. Один из них оставил такие записи об этих событиях: «Жестоко поражали нас из пушек со всех сторон, ибо, по тесноте улиц, мы разделились на четыре или на шесть отрядов... Мы не могли и не умели придумать, чем пособить себе в такой беде, как вдруг кто-то закричал: «Огня! Огня! Жги дома!» Пожар занялся и погнал русских из засад... На другой день отдан был приказ зажечь весь город, где только можно... Уже вся столица пылала. Пожар был так лют... что Москву можно было уподобить только аду, как его описывают. Мы были тогда в безопасности»...

Отравленные стрелы

Применялись в древности и методы химической войны. Отравленными стрелами пользовались многие племена и народы. Скифы пропитывали наконечники стрел змеиным ядом, чтобы, как писал римский поэт Овидий, «смертельную рану сделать вдвое смертельнее». Когда в 1567 г. английский отряд колонизаторов напал в Африке на одну негритянскую деревню, его встретили отравленными стрелами. Англичане бежали. В более развитых государствах отравленные стрелы, как правило, не применялись, вероятно, из опасения, что такое же оружие может оказаться и у противника. В «Законах Ману» (Северная Индия первых веков н. э.) запрещалось пользоваться отравленными стрелами.

Иногда воинов противника пытались задушить дымом. В Древней Индии около 2000 г. до н. э. в сражениях использовали токсические дымы, вызывавшие «зевоту и сон». Китайцы в период династии Сун умели изготавливать дымы с мышьяком. Византийский император XI в, Василий Болгаробойца во время походов против арабов душил дымом находившихся в пещерах воинов и мирных жителей, разводя перед входом в пещеру костер.

Когда Белград (1456 г.) был осажден турками, там нашелся алхимик, изготовивший токсический порошок. Горожане обсыпали этим зельем крыс, подожгли их, и на противника пошло ядовитое облако, вынудившее его снять осаду. В 1610 г. жители Смоленска, оборонявшие город от поляков, забрасывали нападающих ядовитыми пушечными ядрами.

В античные времена применялись и методы биологической войны. Скорее всего, именно их имел в виду римский военный теоретик I века н. э. Фронтин, рекомендовавший при осаде городов «испортить воду». Портили воду трупами животных. Иногда в осажденные крепости забрасывались трупы пораженных инфекционными болезнями людей и животных. Примерно так же поступал византийский император Никифор II, перебрасывавший через стены осажденного города при помощи баллист павших ослов. Эти варварские методы иногда приносили успех, вызывая эпидемии у противника. В 1763 г. бактериологическим оружием воспользовались американские колонизаторы, заславшие в ла-

герь индейцев одеяла, которые были заражены возбудителями оспы. В результате племена индейцев охватила эпидемия оспы.

Боевые слоны

В военных целях использовались и животные. В странах Южной Азии и Средиземноморья долгое время грозной силой были боевые слоны. Вначале этот своеобразный вид войск появился в Индии (I тысячелетие до н. э.); затем слоны были взяты на вооружение Египтом, Сирией, Персией, Карфагеном, Римом. В начале XV века н. э. слоны входили в состав войска полководца Тамерлана.

На спине слона была установлена башня, в которой сидели четыре воина с луками и тяжелыми дротиками. Слоном управлял вожатый,

размещавшийся на шее животного. От стрел и копий кожу слона защищал панцирь. Воинов неприятеля слон давил ногами, сокрушал хоботом. Друг с другом слоны сражались клыками, стремясь пропороть бок противника. Хорошо обученные слоны отлично сражались. А если вожатый был ранен и падал на землю, слон защищал его туловищем от опасности, а мертвого вожатого даже выносил из боя.

Армии, не выработавшие тактику борьбы со слонами, сражения проигрывали. Слоны были опасны и для пехоты, и для конницы. Так, в 225 г. до н. э. при сражении на открытой равнине римляне бежали под натиском карфагенских слонов.

Однако вскоре полководцы нашли средства борьбы со слонами. Отряды легкой пехоты с луками и дротиками поражали вожатых боевых слонов, самих же слонов обстреливали горящими стрелами. Против них ставили окованный железом часток или доски с длинными гвоздями. Сражаясь с теми же карфагенянами в 202 г. до н. э., римляне одержали победу. Карфагеняне бросили в атаку 80 слонов. Римляне стали поражать слонов метательными средствами, пугать страшным шумом труб и рожков. Слоны стали отступать, и расстроили ряды карфагенской армии. Во время похода Александра Македонского в Индию произошло крупное сражение на реке Гидасп. Индусы двинули в бой 100 слонов, но македоняне метко стреляли по их вожатым, ранили и самих животных. Слоны в давке и сумятице причинили большой вред собственным войскам. Индусы были разбиты.

В сражениях обычно принимали участие десятки, реже — сотни сло-

нов. Индийские войска воевали со слонами и много веков спустя. Так, в 1556 г. они сражались, имея в своем войске (по преувеличенному, видимо, данным) тысячу слонов. Однако развитие военной техники сделало вскоре использование слонов в бою недейственным, от этого отказались и в Индии.

ОВ

Примерно с конца XVIII в. начинается второй период применения природных факторов в качестве средства нападения.

Европейские страны в XIX в. не применяли в войнах друг против друга химическое оружие. Зато колонизаторы использовали эти варварские средства. Борясь с племенами, населявшими горы Алжира и Марокко, французский полковник Пелисье душил дымом туземцев, укрывавшихся от французов в гротах. Таким же методом стали действовать другие французские офицеры, и в 40-х гг. XIX в. «много тысяч арабов с женщинами и детьми погибли этой страшной смертью», — пишет академик Е. В. Тарле. Англичане пошли еще дальше. Во время Бурской войны они обстреливали своих противников снарядами, снаряженными пикриновой кислотой. Разрываясь, снаряды выделяли ядовитый газ лиддит. Правда, по мнению английских офицеров, снаряды оказались «неэффективными», но это, конечно, никак не может оправдать инициаторов применения оружия массового поражения.

В XX веке резко возросли возможности применения природных факторов в вооруженной борьбе, изменился масштаб их действия и его последствия. Первая мировая война была одновременно первой войной, в которой использовалось химическое оружие. От токсических веществ пострадало более миллиона человек. Первые химические атаки были зафиксированы еще в 1914 г. Французские солдаты забрасывали немцев гранатами, содержащими слезоточивые вещества. В ответ немцы стали стрелять химическими снарядами. 22 апреля 1915 года немецкие войска выступили инициатором использования отравляющих веществ смертельного действия, применив против французов на реке Ипр хлор. Французские войска, не имевшие средств защиты, понесли большие потери: более 5 тысяч погибших.

Империалистические страны с целью добиться перевеса в войне, вводили в действие все более и более токсичные вещества. Однако опыт войны 1914—1918 гг. показал, что для государств с одинаковым экономическим и военным потен-

циалом химической война не дает существенных преимуществ. Кроме того, после первой мировой войны общественное мнение было против химического оружия.

Ожидалось, что вторая мировая война будет вестись с применением ОВ, и многие страны готовились к защите от средств химического нападения. Правительства фашистских государств хорошо знали о том, что их противники имеют необходимые ресурсы для ответного удара, и не решились пустить в ход химическое оружие в значительных масштабах. ОВ, разработанные в фашистской Германии к этому времени, были значительно сильнее и опаснее, чем те, которые использовались в годы первой мировой войны. Это вещество — нервно-паралитического действия — табун, зарин и зоман. Они действуют в 75 раз сильнее иприта, и уже через несколько минут после их вдыхания человек умирает. Не рискуя развязать химическую войну, фашисты все же пошли на массовое применение сильных ОВ против беззащитных узников концлагерей.

Вьетнамская война обнажила бесчеловечный облик американского империализма. Распыление веществ, уничтожающих растения и животный мир, использование мощных химических средств зажигательного действия, наконец, введение «геофизической войны» — все эти преступления милитаристских кругов США вызвали осуждение прогрессивной общественности всего мира.

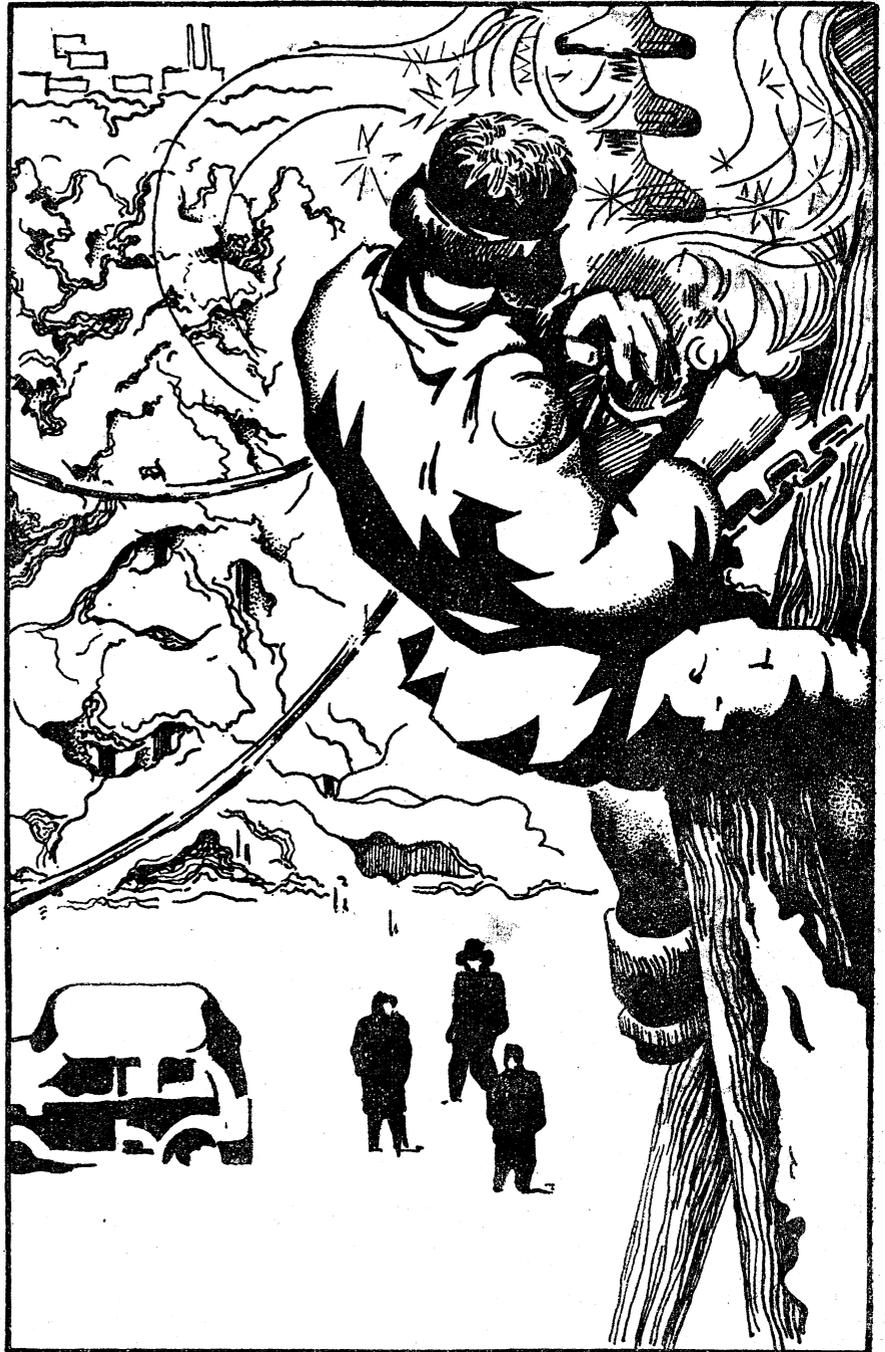
Рисунки
А. Банных

Смелые ребята

Иван
ГРАЧЕВ

Рисунок
А. Банных

Обжигающая высота

— И что вы такое работаете? — изумился Мальгин, видя, как бригада готовит катки, клинья, ваги и прочие древнеегипетские приспособления, чтобы поднять трансформатор. Он принес блок, ухватил трос, кошкой вскарабкался на портал железобетонной опоры, закрепив там механизм.

— Вот это да!.. — ахнули молодые.

А Юрию Ивановичу Мальгину вспомнилось событие двадцатилетней давности, когда Качканар только начинался.

...В тесовую дежурку электриков позвонили — на линии обрыв.

— Марш-бросок, дяденьки! — полушутя скомандовал Мальгин, помахав черной трубкой.

Выскочили на улицу. Мороз перехватил дыхание. Заледеневшие лыжи, когда их стали разбирать, зазвенели.

Вышли на трассу, двинулись в гору. Тайга началась сразу. Деревья от мороза трещали, как бы постреливая. Утром диспетчер сообщил: минус 48 градусов. Теперь около полудня. Потеплело, должно быть, градус на три-четыре. Провода ЛЭП обволоклись белой бахромой куржак, казались толстыми канатами. Приходилось, не опуская от глаз бинокля, выискивать повреждение. Устала шея, глаза резало. Бинокль переходил из рук в руки, двигался медленно. Авария случилась неподалеку, километрах в трех, а шли больше двух часов.

Оказалось, упал старый кедр, оборвал три пролета проводов. Непонятно только, почему он упал в безветрие.

Многие крючья погнуло или вырвало. А высоты до крючьев с десятков и больше метров.

...Их было трое. Все — ровесники. Кто-то же обязан принять командование на себя, и Юрий Иванович распорядился, кому что делать...

Через час натянули проводку. Но главное только наступало. Провода надо было еще соединить. Бригада молча стояла у опоры, задрал головы вверх.

И тут Мальгин сказал:

— Соединять буду я.

— Один?

— А поглядите, — просто сказал Юрий. — Двоим там негде работать.

Закрепил верхолазные когти на валенках, начал подниматься. Не глядел ни вверх, ни вниз, ни по сторонам — дело-то привычное — лазить

по опорам. Крепко щипануло уши. Э, вот это нельзя! Мальгин приостановился, отвиснув на монтажном по-есе, и завязал, как требует армейский устав, клапаны под подбородком.

До вершины опоры шел осторожнее. Там, прочно закрепившись, внимательно огляделся, и чуть не выругался: провода оборваны у самой гирлянды изоляторов. Значит, все девять концов надо соединять на скрутку. Уйдет четыре-пять часов — не меньше. А за это время...

Ну, замерзнет бетон на стройке, ну, простоят краны, а в домах — ребятишки! А полопаются отопительные батареи в квартирах, скоро ли их потом восстановишь?

Юрий снял шапку и вытер пот. Это был еще только первый пот.

— Что будем делать? — спросил он неизвестно у кого, то ли у мороза, то ли у опоры. И снова затянул клапаны шапки.

Чтобы соединить концы проводов, надо их разобрать по одному, зачистить, скрутить. Голыми руками. В рукавицах тут работать нельзя. В сумке же электромонтера только кусачки и плоскогубцы — не богат набор инструмента.

И монтер, притянув к себе керамический изолятор, начал действовать.

Поначалу пальцы рук занемели, не гнулись. Но вскоре это прошло. Он даже разогрелся. Как-то глянул вниз — его товарищи так отплясывали от холода, что куда тут Теркину!

Работа подвигалась. Неожиданно снизу донеслось:

— Мальгин, ты сегодня слезешь?

Поглядел вниз — вопрос ему задали управляющий трестом стройки Левитский и профсоюзный руководитель Овсянников.

— Почему сегодня? Через двадцать минут будет готово!

Трепанулся и обмер — где он возьмет эти двадцать минут. Со вздохом оглянулся кругом. Густо наволакивалась вечерняя синева, сливая в одну темную массу, в один сгусток и тайгу, и еще просматривающиеся сквозь вершины деревьев дома поселка. И тут его как ножом по сердцу резануло: по Качканару — ни огонька. Лишь кое-где тусклыми отблесками, будто пригорюнившись в томительном неясном ожидании, чуть желтеют окна — это зажгли свечи и керосиновые лампы запасливые семьянины.

...Юрий собрал всю волю в эти вот пальцы, которые работали хоть и медленно, но настолько точно, будто выполняли ювелирную работу, ни одного лишнего движения, ни одного исправления.

Когда слез на землю, к нему

бросились товарищи по работе и руководители треста:

— Замерз? Пальцы не обморозил?

Перед посиневшими от холода людьми Мальгин снял заиндевельный малахай и растегнул фуфайку: от русых кудрей и от свитера валил густой пар.

И в этот миг тайга засияла — в Качканаре вспыхнул свет.

Мальгина посадили в трестовскую легковушку и привезли в контору — единственный тогда в Качканаре двухэтажный кирпичный дом, налили спирту:

— За гвардейскую работу — гвардейскую норму!

Он не отказался. Гвардейскую — так гвардейскую.

Тадеуш выходит на СВЯЗЬ

Все речки вокруг взрыты, взбаламучены — драги добывают золото и платину. А Володя все глядел на синеющую вдаль Качканар-гору, где добывают железо, где сказывают, экскаваторщики и машинисты поездов в карьерах по радио разговаривают. Вот бы!.. А чего — вот бы? Кому-то достались Комсомольск-на-Амуре и Магнитка, кто-то жил в целинных палатках, а тут под самым боком была всесоюзная ударная! Это «вот бы!» привело Владимира в Свердловский техникум связи, а от туда в Качканар...

Задание Владимиру дали проще пареной репы. Партбюро фабрики решило перед сменой оглашать радиогазету, стало быть, надо установить на крыше шестизэтажного административно-бытового корпуса (АБК) динамики-громкоговорители. Здание это — часть корпуса фабрики, и чтобы попасть на крышу, надо с верхней площадки спуститься на перекрытие лифтной шахты, где-то на высоте тридцати шести метров. А лестниц, конечно, нет.

С земли заметно, что невысоко от крыши АБК в корпусе шахты один над другим расположены два окна, а сбоку от них на стене виден отрезок металлической лестницы. Любой скажет, что надо из окна встать на лестницу и по ней спуститься на крышу, установить динамик — дело то ерундовое!

Но когда открыли комнатную заброшенную подсобку и «распечатали» окно, оказалось, что от окна до лестницы около трех метров, и лестница не достает до крыши АБК метров пять-шесть.

— Ерунда! — сказал Володя. — Выбросим из окна конец веревки, я раскочуюсь на нем, достану лестницу, по ней вниз, а до крыши тоже на веревке.

Тарзаньи трюки в поднебесье кто-то заметил, позвонил начальнику фабрики. Тот — соотвественно начальнику цеха связи Ниве. И только связисты установили и проверили линию для радиопередачи, как дверь открылась, вошел Тадеуш Юзефович Нива, пророкотал:

— Ну, что тут у вас, ребята, происходит?

Старшой скупо рассказал, что и как сделали, а молодежь не утерпела и нарисовала яркую цирковую картину.

— Дело, действительно, проще пареной репы — заказать гидроподъемник, в корзине которого вас доставили бы на крышу. У комбината всякая техника есть, и вам о ней хорошо известно, — Нива повернулся к старшому. — А вы грубо нарушили технику безопасности, подвергли молодого специалиста ничем неоправданному риску. За это объявляю вам выговор.

Все понуро замолчали.

Тадеуш сел к столу, поскреб черную бороду.

— Обижаться не надо, — сказал Нива примирительно, — у меня однажды почище было... Слушайте-ка. В 1959 году железную дорогу уже подводили к Качканару, а мы одновременно тянули линию связи. Я был бригадиром. Однако на пути преградой стояли ЛЭП-110 и диспетчерская линия связи «Свердловэнерго». Пересекали они трассу качканарской дороги. И когда полотно подняли до проектного уровня, то под проводами даже автомашина не могла проезжать. Электрики готовились поднять провода. Мы решили срубить высокую елку, сделать столб.

Яму-то для него выкопали, а установить вручную было невозможно: слишком он длинный, пятнадцать метров, тяжелый, а главное — скользкий, как намыленный. Кое-как выпросили у строителей кран на полчаса. Пospешили попросить — оснастить столб на земле крючьями и изоляторами не успели. Раз подошел кран, надо поднимать. Но трос соскальзывал, и мы в пяти метрах от комля забили два костыля, лишь тогда подняли. Между прочим, это единственный столб на линии связи Азиатская — Качканар, установленный тогда не вручную.

Пока он лежал на земле, казался не таким уж большим, а когда установили — как бы вырос на глазах. Надо кому-то залезать снять трос, установить арматуру, закрепить провода. Желающих не находилось. Я мог послать любого, но что-то

меня удерживало. Решил сделать сам, хотя был не самым опытным линейщиком в бригаде.

Подошел к столбу, примерил когти — они столб не зацепляли, очень толстый комель. Пришлось их разогнуть, хотя знал, что на вершине очень затрудню этим свое положение.

Взял четыре крюка с изоляторами, бурав, заткнул все это за пояс, а на плечи — новые провода для подвески, и полез. С костылей сбросил тросы, и кран сразу ушел к своим строителям. Когда я приблизился к вершине, почувствовал, что когти проскальзывают — ведь я их разогнул, поэтому до конца поднимался, поочередно поддерживая когти руками.

На вершине закрепился, просверлил отверстия, закрепил крючья с изоляторами, на них — новые провода специальными двойными вязками. Работа, собственно, на том и закончилась, надо слезать.

Но едва я сделал первый шаг вниз, как понял, что без поддержки руками когти не зацепляются за дерево. А ведь при спуске рукой-то до когтя никак не дотянуться! Оставалось только закрепить цепью пояса за крюк и ждать, когда меня, как огородное чучело, снимут со столба краном. Это ж позорище!

И я решился. Сбросил когти, накрепко обнял столб руками и ногами и начал скользить вниз. Метра два все шло хорошо, я регулировал свое движение, но тут спецовка обмылела от столба и... Внизу-то ведь костыли, за которые крепили трос. Отпуститься от столба и спрыгнуть перед крючьями я не мог — привязан к столбу монтажным поясом. Я даже зажмурил глаза, втяв ощутив, что вот-вот костыли распорют мне ноги. И тут вспомнил о старой линии связи, мгновенно протянул руку и тут же почувствовал удар. Два провода оборвались, но за два я ухватился и повис в полуметре от костылей.

Страх пришел, когда я уже спустился на землю, прошиб пот, болела рука от удара о провода.

К нам бежали строители, крича: «Ну и отчаянный у вас бригадир, прямо циркач!» Ведь все решили, что этот номер я выкинул для форса, чтобы пристыдить бригаду. А у меня просто другого выхода не было. Хотя... после этого случая в бригаде все вроде посмелели. Вот так-то, циркачи. — Он поднялся, вдвое высившись над Володей, и похлопал его по плечу. — А тебе не прощано, — повернулся к старшому. — Умей организовать дело без трюкачества.

И ушел.

— Наверно, придумал для воспи-

тательного момента, — усомнился Владимир.

— Ну да! Что ты знаешь о нашем Ниве? Вот мне рассказывал про него электрик верхне-выйской насосной станции Николай Иванович Филистеев. Тогда он был начальником участка, а Нива только что стал начальником цеха. Видел, в чистом пруду у плотины каменная башня полузатоплена? Тогда, весной 1963 года, там находилась насосная питьевой воды, а к ней по потолку водоспускного тоннеля со стороны шламохранилища подходила линия связи.

Полой водой и льдинами оборвало связь в тоннеле. Филистеев с бригадой два дня пытались восстановить линию, привязывали провод к доске, чтоб вынесло на противоположную сторону, другими способами, но водоворот обрывал провода. Нива, не веря, что ничего нельзя сделать, отругал Филистеева и поехал на место аварии. Но в тоннель ни на чем не попадешь, даже на самой маленькой лодке — там бурлила вода совсем близко от потолка, да еще по стенам торчали арматурины. И что ты думаешь? Нива разделся, обмотал вокруг себя провода и — бултых в воду! Перебирался от одной арматурины к другой, нашел обрыв, соединил провода и вынырнул на другой стороне тоннеля. Говорят, с той поры и стал «моржем».

— Легенды какие-то...

— Ну рни вот ты сам, легенда!

КАРЫСЬ

Вячеслав
СУКАЧЕВ

Рисунки
Н. Мооса

СКАЗКА

I.

Лето было в разгаре, и Карысь не переносил дом. Дома ему все время хотелось или спать, или плакать. И то и другое Карысю не нравилось, и в каждый удобный момент он норовил удрать на улицу. Но не так-то просто это было сделать, особенно когда у Верки начались каникулы, и она уже больше не бегала в школу.

— Вера,— сказала один раз мать,— тебе нужно больше заниматься с Сережей. Он растет совершенным дикарем, а через год ему идти в школу.

— А он не хочет,— Верка всегда хотела быть не виноватой.

— Ну, мало ли что он не хочет,— нахмурилась мать,— ты старшая сестра, ученица второго класса.

Карысь, с жадным любопытством и тоской смотревший на улицу, насторожился и затаил дыхание. Он сразу же понял, что сейчас решается его судьба и решается не на день или два, а — на все лето. И если это решение связано с Веркой...

— А как мне с ним заниматься? — в голосе Верки послышалось любопытство и готовность начать занятия хоть сейчас. От этого Карысь тяжело вздохнул, завозился у окна, мучительно стараясь отдалить ответ матери. Он даже зажмурился — так ему хотелось, чтобы мать дол-

ше не говорила, как с ним надо заниматься. Но ровным спокойным голосом мать сказала:

— Почитай ему книжки. Сказки, например. Каждый день по одной сказке. А чтобы они закрепились у него в памяти, пусть он потом тебе их пересказывает.

— Как в школе? — Верке обязательно надо было знать все до конца.

— Примерно,— по голосу Карысь почувствовал, что мать улыбнулась.

— Ладно, мама,— кажется Верка начала искать сказки и сердце у Карыся заболело.

— Надо говорить не ладно, а хорошо,— поправила мать Верку, и тут Карысь, окончательно потерявший надежду вырваться на речку, легонько всхлипнул. Он и сам не знал, как это у него получилось, но только солнечная улица, молоденькие яблони под окном, светло-белая полоска реки между дебаркадером и утесом вдруг показались ему до того недостижимыми, далекими и манящими, что слезы сами собой выкатились из глаз. Карысь всхлипнул раз, потом еще и еще, и каждый новый его всхлип был громче прежнего.

Когда из комнаты на кухню вышла мать, Карысь уже плакал не стесняясь, тяжело всхлипывая, шмыгая носом и утирая глаза кулаками.

— Что такое, Сережа? — удивилась мать, остановившись напротив Карыся.— Ты почему плачешь?

— Да-а...— Карысь отвернулся к окну, еще сильнее плача и жалея себя.

— Ну вот,— огорчилась мать,— это уж совсем не по-мужски.

— Да-а...— опять выдавил из себя Карысь,— а на речку не пускаете.

— Ну почему же. Кто тебя не пускает? — Мать погладила Карыся по русой голове и огорченно заметила: — Ты опять давно не стригся.

— А книжки читать? — Карысь чуть притих, осторожно высвобождая голову из-под материнской руки.

— И книжки надо читать, сынок,— мать села рядом и забрала его на колени, и Карысь, уткнувшись лицом в ее плечо, почувствовал какой-то покой и облегчение.— Ты хочешь в школу?

Вячеслав Сукачев родился в Северном Казахстане в 1945 году. Ему рано пришлось начать работать. Был киномехаником и камешником, сезонным рабочим у геологов и буровиков, комбайнером и кочегаром... На Дальнем Востоке, где отслужил в армии, стал парашютистом-пожарником, и в первой книге «Огненный десант» (1974 г.) рассказал о своих друзьях, людях незаурядного мужества, призванных беречь зеленое богатство Родины.

В. Сукачев — участник шестого Всесоюзного совещания молодых писателей.

В нашем журнале публикуется впервые.

Карысь немного подумал, вспомнил, как скучно на улице, когда ребята в школе, и тихо сказал:

— Да.

— Ну вот. А для этого уже сейчас тебе надо учиться. Пока что — слушать.

— А на речку потом можно? — Карысь приободрился, слезы его просохли, и он завозился на материнских коленях.

— Потом — можно. Только с Верой.

Конечно, ходить с Веркой на речку не интересно, но уж лучше с Веркой, чем совсем не ходить. Это Карысь понял сразу и, окончательно успокоившись, нечаянно соскользнул с материнских колен, вдруг вспомнив, что отец на коленях у женщин никогда не сидит.

2.

— ...стали жить-поживать, да добра наживать, — закончила читать Верка и захлопнула книжку.

Они сидели за кухонным столом, задернув от солнца занавеску, и там, за занавеской, пока Верка читала сказку, все время жужжала муха. Даже слышно было, как она стучается о стекло, сухо дребезжа крыльями. Сказка Карысю понравилась, только он никак не мог понять, как это мальчик вдруг стал козленком. В этом месте Карысь задумался и дальше уже почти ничего не слышал. Сколько он помнил и знал, никто в деревне еще в козлят не передельвался, и Карысю очень захотелось быть первым.

— Теперь рассказывай, — Верка нахмурилась как мать и равнодушно посмотрела в потолок.

— Не буду, — вдруг категорически тряхнул головой Карысь.

Такого ответа Верка не ожидала и растерялась. Она непонимающе глянула на Карыся, поцарапала маленький нос и удивленно спросила:

— Почему?

— Там неправда, — теперь уже нахмурился Карысь, но нахмурился так, как это делал отец. — Так не бывает.

— Как? — выгоревшие на солнце Веркины брови поползли вверх.

— Люди козлятами не бывают, — Карысь подумал немного и уже менее решительно добавил. — У нас еще никто не был.

— Это же сказка, — искренне удивилась Верка и вдруг засмеялась и спросила Карыся: — Это ты про себя подумал, да?

Карысь, почувствовав какой-то подвох в смехе сестры, недовольно засопел, тоскливо глянул на улицу и вдруг выпалил:

— А мне Витька говорил про тебя.

— Что? — насторожилась Верка, машинально закрывая книжку.

— Говорил.

— Что говорил?

— Что ты ябеда и подлизываешься в школе.

Верка покраснела, открыла рот, но от возмущения ничего не могла сказать. Карысь довольно засмеялся и поболтал ногами под столом.

— Твой Витька двоечник, — наконец нашлась Верка, — двоечник и хулиган... А ты зачем с ним дружишь? Тебе мама разрешила? Вот я спрошу ее сейчас...

3.

Ровно через час Карысь наконец-то выбрался из дома, дав матери твердое обещание на речку не ходить. Конечно, ничего интересного на улице теперь не оставалось, но все равно было интереснее, чем сидеть дома с Веркой.

— Верный, — позвал Карысь, подождал и еще раз позвал.

Но рыжего щенка нигде не было видно. Заглянув в собачью будку, где лежало лишь умятое Верным сено, Карысь вздохнул и побрел на огород. Здесь он постоял в задумчивости над морковной грядкой, потом присел на корточки, погладил ладонью шелковистую ботву и вырвал одну морковку. Очистив ее от земли, Карысь с огорчением убедился, что за два дня морковка почти не выросла, была все такой же тонкой и в волосах. Но он все-таки съел ее всю без остатка, пошаркал ботвою руки и пошел через огород на деревенские зады. Карысь шел медленно, мимо картофельных грядок, и буйная картофельная ботва была ему почти по пояс.

Сестрица Аленушка Карысю не понравилась, потому что показалась похожей на Верку. А вот братец Иванушка... Иванушку Карысю было жаль.

Миновав огород, Карысь аккуратно закрыл за собой калитку, обогнув большой черемуховый куст и вышел на зеленую лужайку. Здесь паслась единственная на всю деревню коза, принадлежавшая бабке Аксинье. Коза была старая, лохматая, с длинной бородой и еще более длинными рогами. За черную шерсть звала ее бабка Аксинья Ночкой. Имя это Карысю нравилось, а вот сама коза — нет. Большие желтые глаза, маленький хвост, а особенно задиристый характер Ночки симпатий не вызывали. Карысь всегда с некоторой опаской проходил мимо козы, хотя и знал, что Ночка длинной веревкой привязана к колышку, который бабка Аксинья дважды в день перебивала на новое место. Но случалось и так — Ночка умудрялась выдрать колышек из земли и тогда сумасшедше носилась по деревне, и колышек весело поднимал пыль далеко позади Ночки. В такие минуты ребяташки старались не

показываться козе на глаза, прятались за плетнями и уж оттуда дразнили ее всю. Да что ребяташки, Карысь собственными глазами видел, как налетела Ночка на Баяна Киле, повалила его на дорогу возле магазина и, смешно потрясая бородой, победно заблеяла. Это уж потом дед Баян опомнился, схватил ее за рога и, громко ругаясь, повел к бабке Аксинье. А вначале-то Ночка повалила его.

Выйдя на лужайку, Карысь увидел, что Ночка лежит в самом дальнем ее конце и спокойно жует жвачку. Длинная острая бородка козы равнодушно опускалась к земле и потом поднималась, и издали Карысь показалось, что Ночка приветливо кивает. Он нечаянно тоже кивнул несколько раз и подошел ближе, и только теперь заметил, что коза даже не смотрит в его сторону. Такое пренебрежение обидело Карыся. На безопасном расстоянии он обошел Ночку и вопросительно уставился в ее желтые безбровые глаза. Ночка на секунду перестала жевать, мотнула головой, отгоняя назойливую муху, потом мельком глянула на Карыся, потом — отвернулась. Ее темный круглый бок равномерно вздымался, на шее в такт жеванию напрягались и ослабевали какие-то жилы.

— Ноч-ка-а,— тихо сказал Карысь и опустился на траву.

Он сидел, поджав под себя ноги, как это делал дед Плехеев, и с усилием размышлял о том, что если это — мальчик, превратившийся в козу, то почему тогда коза такая старая? И разве бывают у мальчиков такие длинные рога? А уж бороды — совсем не бывает.

Карысь еще долго размышлял подобным образом, а потом его вдруг осенило. Он даже рот приоткрыл в изумлении, так просто все показалось.

Он долго ползал по поляне на четвереньках в поисках козьего следа от копытца. Но всюду густо росла невысокая, жесткая трава и никаких следов на ней не осталось. Карысь уже почти отчаялся, когда вдруг обнаружил у самой дорожки, по которой ходили за водой к колодцу, неглубокую сырую ямку, в которой трава почему-то не росла. Опустившись на колени перед ямкой, Карысь с восторгом обнаружил в самом ее центре глубокий отчетливый след, с тоненьким гребешком земли посередине.

— Вот,— обрадованно вздохнул Карысь и торжественно посмотрел на далекие, притомленные от жары сопки. Там, над сопками, медленно

клубились темные тучи, солнечные лучи ударялись и разбивались о них, но этого Карысь не заметил. Он быстренько вскочил на ноги и, минуя полянку, огород, побежал домой. Легкий ветерок, потянувшийся со стороны сопки, трепал его длинно отросшие русые волосы. Выбравшаяся из штанишек рубашка пузырилась за спиной.

Дома Карысь разыскал стеклянную поллитровую банку, зачерпнул из бочки дождевой воды и, держа банку перед собой в вытянутых руках, засеменял назад.

4.

Пока он бежал, Ночка поднялась и теперь мирно щипала траву под самым черемуховым кустом. Увидев Карыся, она вскинула голову и неторопливо направилась к нему, растягивая по полянке длинную веревку. Метрах в трех от ямки веревка у Ночки кончилась и она остановилась, нервно вздергивая коротким хвостиком. Карысь еще помедлил и, убедившись, что Ночка до ямки никак не достанет, сел на землю.

Он долго сидел неподвижно, пристально разглядывая круглый след в ямке, и с каждой минутой сердце у Карыся стучало все сильнее. Коза, нетерпеливо дергая веревку, с недоумением смотрела на него. Наконец Карысь тяжело вздохнул и вылил почти половину воды в круглое углубление. Он внимательно смотрел, как тоненькие ручейки побежали по ямке, а там, где недавно был след от Ночкиного копытца, легонько покачивалась беловатая вода, по которой плавали мелкие травинки и даже одна букашка. Карысь пальцем аккуратно выловил травинки и букашку, потом лег на живот, потом зажмурился и шумно потянул воду в себя. Вода оказалась невкусной, теплой, горьковатой, но Карысь выпил ее, открыл глаза и рукавом вытер рот. Выпрямившись и сев на колени, он стал внимательно рассматривать копытце, на дне которого радужно взблескивала маленькая лужица. Потом он отошел от ямки и лег в траву, подперев голову руками.

Карысь размышлял. С восторженным испугом он думал о том, как сейчас, через минутку, превратится в козленка, и боялся пропустить момент этого превращения. Он решил, что когда станет козленком, обязательно поговорит с козой и узнает, кем она была раньше. О том, что будет дальше, Карысь не задумывался.

Но проходили минуты, а ничего особенного Карысь не ощущал. Тогда он осторожно пощупал лоб — рогов еще не было. Даже маленьких шишечек, с которых начинаются рога, Карысь не нащупал. Такое явно затянувшееся превращение Карыся озадачило. Он еще немного по-

дождал, то и дело щупая лоб, потом твердо решил, что воду надо выпить всю, без остатка.

Во второй раз вода показалась Карысю еще более невкусной, и он с трудом допил ее из копытца.

А между тем тучи, еще недавно едва видневшиеся над далекими сопками, теперь были совсем недалеко от села и там, между этими тучами, все чаще вспыхивали бледно-голубые молнии, и нарастающий рокот тяжело плыл над землей. Ночка обеспокоенно закружилась вокруг колышка, путая веревку и сердито фыркая. Однако Карысь этого не замечал. Устав ждать и тревожиться, он лишь прислонился головой к теплой земле, потом, поворочавшись, улегся удобнее и — незаметно заснул.

Приснился ему маленький козленок на тоненьких белых ногах. Вначале козленок и Карысь во сне существовали отдельно, но потом Карысь исчез и остался только козленок. Он бежал по полянке и трава была ярко-красная, холодная, обжигающая тонкие копытца. Потом как-то сразу козленок оказался в речке, и вода была тоже холодной, с шумом неслась мимо высоких берегов, и перепуганный козленок человеческим голосом громко закричал: «Ма-ма!..»

Карысь проснулся. Он сел и удивленно потер глаза кулаками. Всюду был дождь. Низкие темные тучи быстро неслись над землей и из них текла вода. Карысь огляделся и увидел, что Ночка стоит под черемуховым кустом и мелко-мелко дрожит. Вымокнув, она стала маленькой и совсем не страшной.

Карысь поднялся, побежал к колышку и долго раскачивал его, не в силах выдернуть сразу. За работой он не заметил, как Ночка подошла к нему и, только почувствовав легкое прикосновение, оглянулся. Ночка стояла рядом и нетерпеливо подталкивала его головой. Карысь робко улыбнулся и протянул руку. Он легонько погладил мокрому Ночкину голову, и в это время в небе так бабахнуло, что он присел, зажимая ладошками уши. Потом опять схватился за колышек и потянул изо всех сил.

Вырвав колышек, Карысь еще раз погладил Ночку, и они вместе припустили бежать домой. О том, что он так и не превратился в козленка, Карысь совершенно забыл.

ЧАЛКА

I.

Первого сентября все ребята ушли в школу, и Карысь остался один. Правда, не совсем один, были еще его сверстники: Колька Корнилов, Настька Лукина, Петька Паньшин, но, как по-

лагал Карысь, они в счет не шли. Разве могли они сравниться с Витькой Зориным или Васькой Хрущевым? Нет, сравниться они с ними не могли, и потому с первого сентября Карысь остался один.

А уже подступала пора, когда листья, устав висеть на деревьях, начали медленно и плавно кружиться в воздухе, и падать на землю, и легонько шуршать под ногами по утрам. И уже на озере, которое было когда-то Амуром, а теперь отделилось от него и стало большим озером с большим толстым камышом, все чаще собирались в большие стаи дикие утки, и отец по вечерам заряжал желтые патроны.

Но особенно странное что-то творилось в тайге. Вначале на самых вершинах ближних сопкок оделись в ярко-желтый наряд тоненькие осинки. Потом этот необычный для тайги огненный цвет начал спускаться все ниже, и однажды утром, когда Карысь выбежал в огород, он с удивлением увидел, что по всей тайге занялись густокрасные, ярко-желтые и просто красные, желтые, оранжевые факелы. Среди зеленой хвои эти факелы особенно сильно бросались в глаза, и Карысю казалось, что это какой-то невидимый волшебник раскрасил ночью деревья, как раскрашивают елку на Новый год.

С удивлением смотрел он на изменившуюся тайгу, смотрел на реку, в которой теперь уже нельзя было купаться и над которой высоко в небе пролетали треугольники неизвестных Карысю птиц, и неожиданный восторг перед жизнью неведомой, но удивительно интересной охватил Карыся. Он повертел головой, соображая, что бы такое необычное сделать и вдруг увидел, что дед Плехеев выгоняет из конюшни лошадей. И еще ни о чем не успев подумать, Карысь уже бежал через огород к конюшне.

Вначале дед Плехеев совсем не заметил Карыся, заворачивая лошадей к водопою. Но потом, когда Карысь взял прутик и начал помогать ему, бегая вокруг небольшого табунка коней, дед Плехеев, сидевший верхом на большой и круглой лошади, звали которую Чалка, весело сказал:

— Здорово, Карысь! Помогать пришел?

— Да,— сдержанно ответил Карысь, глядя на деда снизу вверх.

— Это хорошо. А то, вишь, никак я тут один не управлюсь.

Дед Плехеев ткнул Чалку в бока ногами, дернул повод и поехал заворачивать отбившуюся от табуна Лельку, молодую и норовистую лошадь, за которой бегал маленький рыжий жеребенок по имени Перстень. Отец дома говорил, что так его назвали за белую полоску на задней ноге. Карысь присмотрелся и действительно увидел на рыжей ноге жеребенка белую полоску. Он обрадовался этой полоске и побежал к Перстню, ласково прося его подождать.

— Перстень, Пе-ерстень,— звал Карысь, но

жеребенок проворно перебирал длинными ногами и ни за что не хотел отставать от матери.

Обиженно поджав губы, Карысь перестал бежать, а потом и совсем остановился. Он стоял на бугорке и смотрел, как спускаются лошади к воде, как все быстрее они бегут, толкая друг друга круглыми боками, и как среди них совсем потерялся Перстень.

— И вовсе не красивый,— презрительно сказал Карысь,— весь рыжий, как Витька.

Он сел на бугорке и стал наблюдать, как шумно вбежали лошади в воду, как резко они там остановились и дружно опустили головы, от чего по воде побежало столько кружочков, сколько было лошадей. А рыжий жеребенок, не захотев пить, уткнулся матери под живот и радостно замахал коротким пушистым хвостом.

Чалка тоже пила, и дед Плехеев, опустив повод, достал портсигар с тремя богатырями и закурил. Было хорошо видно, как поднимается над ними синяя струйка дыма и пропадает в прозрачном воздухе. Но вот дед Плехеев закашлял, и Чалка подняла голову, оглянувшись на него и опять принялась пить, фыркая из широких ноздрей в воду.

2.

Назад лошади возвращались потихоньку, и даже Лелька больше никуда не бегала, а спокойно шла в середине табуна рядом со своим рыжим Перстнем. Лошади проходили мимо Карыся и легонько косились на него, а некоторые останавливались, удивленно смотрели и, тряхнув головой, шли дальше.

Карысь загрустил и, подобрав прутик, стал ковырять землю.

— Ну, помощник, прокатиться хочешь? — неожиданно услышал Карысь голос деда Плехеева и, подняв голову, еще ничего не понимая, но уже переполняясь тайным восторгом, с изумленным недоверием спросил:

— Кто, я?!

— Ну а кто еще у меня помощник? — дед Плехеев лукаво улыбнулся и слез с Чалки.

Карысь хорошо запомнил коварство деда Плехеева, который не утерпел и рассказал матери о том, что они ходили с Васькой в дальний лес, к тем далеким сопкам, куда, петляя и извиваясь, уходит манящая за собой дорога, и потому он осторожно спросил:

— А мне можно?

— А почему нельзя? Ты уж вон какой большой. Чай, на следующий год в школу пойдешь, а?

— Пойду,— Карысь начал волноваться и тяжело дышать.

— Ну вот. Так что сидай на Чалку. Это тебе тоже ученьем будет.

Карысь мгновенно вскочил с земли и, чтобы показаться деду Плехееву еще выше, подтянулся, почти на цыпочки встал, тревожно и радостно косясь на Чалку.

— Ну, гоп! — дед Плехеев подхватил Карыся под мышки, легко оторвал от земли, кинул вверх, и уже в следующее мгновение Карысь сидел верхом на лошади. По спине Чалки пробежали морщинки, как это бывает на воде, когда легким порывом промчится ветер, потом она стриганула острыми ушами и вопросительно покосилась на деда.

— Держись, Карысь! Голова-то не кружится?

Карысь замотал головой, потому что дыхание у него перехватило, сердце подобралось к самому горлу и стало трудно глотать.

Дед Плехеев пошел вперед и потянул за повод, Чалка тряхнула головой и тоже пошла, легонько покачиваясь под Карысем. Вцепившись обеими руками в гриву, крепко сжав ноги вокруг круглых боков, Карысь почти ничего не видел и не слышал, и жил только одной-единственной мыслью — не упасть. А прямо сказать, для этого Карысю надо было делать немалые усилия. Чалка — лошадь широкой кости, имела хоть и плавный, но укачистый ход, и Карысю, сидевшему на ее спине, как на столе, удерживать себя в вертикальном положении было нелегко. Трудно ему приходилось еще и потому, что покачиваться в такт лошадиного шага он еще не умел, да и не догадывался об этом, и сидел он на Чалкиной спине старательно прямо, боясь оторвать взгляд от ее постоянно двигающихся ушей.

Постепенно Карысь хоть и не освоился, но немного привык к своему рискованному положению и даже отважился оглядеться. И он увидел, что многие предметы, на которые раньше приходилось смотреть задрав голову, теперь оказались значительно ниже его, и выглядели совсем по-другому. Ну вот, например, дед Плехеев. Если раньше он казался недосыгаемо высоким и сильным, как все мужики, то сейчас Карысь видел, что дед Плехеев узок в плечах, сутул, что шея у него сзади красная и морщинистая, а вокруг макушки волосы стоят дыборком. Или вот молоканка, мимо которой проезжал теперь Карысь. Совсем низенькая, так что он смог увидеть на ее крыше проржавевший бидон, обруч от колеса и маленькие кустики полыни, проросшие из пластов. На все это Карысь смотрел с удивлением, однако же не забывая цепко держаться за гриву и стискивать ногами теплые Чалкины бока.

3.

— Нравится? — дед Плехеев оглянулся и сильно сощурился, потому что за спиной у Карыся было огромное белое солнце, лишь недавно

оторвавшееся от сопок и теперь спокойно катившееся по синему небу.

— Да,— Карысь засмеялся, влюбленно глядя на деда.

— А сам проехать не забоишься? — Карысю показалось, что дед Плехеев коварно посмотрел на него.

— Н-нет,— не очень-то уверенно ответил Карысь, крепче хватаясь за гриву,— и-не-за-боюсь.

— Тогда держи.— Дед Плехеев остановился и протянул ему повод.

Карысь замешкался, не решаясь так вот сразу отпустить надежную гриву и взять узенький ремешок повода, в котором не было решительно никакой прочности.

— Да ты смелее, Карысь,— подбодрил дед Плехеев,— и не сиди на лошади как кол, торчмя, а на спину немного откинься, на спину. Вот так вот, во, а ногами-то и цепляйся ей за бока. Ну, поехал. Но, Чалка!

И Чалка пошла, и теперь уже никого не было рядом, а только Чалка и он, Карысь, испуганный и счастливый. Лошади, далеко обогнавшие их, уже подходили к открытым воротам конюшни, где ждал их после водопоя привычный корм, свое стойло, и перед самыми воротами они не выдержали, припустили рысью, и первой, конечно же, припустила Лелька.

Чалка ничем не отличалась от лошадей, а потому тоже прибавила шаг, очень скоро перешедший в мелкую, тряскую рысцу. Карысь, не ожидавший такого подвоха, в первый же момент едва не свалился с лошади и, сразу же забыв про все советы деда Плехеева, вновь вцепился в гриву, бессильно подсакивая на широкой Чалкиной спине. Он чувствовал, как постепенно съезжает набок, но ничего не мог с этим поделать, и покорно закрыл глаза.

Карысь не запомнил той секунды, когда он совершал первый в своей жизни полет: с лошади на землю. Полет этот был мгновенным, беспмятным, и когда он открыл глаза, все уже было позади — и полет, и удар о землю, и несколько кувырков через голову. Карысь открыл глаза и увидел над собою круглый живот Чалки. Живот был почти без шерсти, огромный, весь перепутанный толстыми жилами и показался Карысю похожим на бочку, в которой дома солили на зиму помидоры и огурцы.

— Живой, Карысь? — подбежал испуганный дед Плехеев, склоняясь на ним.

Карысь подумал, с удивлением вспомнил, что и в самом деле живой, засмеялся и ответил:

— Ага.

— Слава богу,— радостно улыбнулся и дед Плехеев,— а то ведь напужал совсем. Рухнул и лежишь. Ну, думаю, за такое дело Виктор Федорович с меня живого шкуру сдерет. Однако вставай, паря.

Карысь неохотно выбрался из-под лошади, пошоркал ладошкой запачканные колени, поднял голову и... с ужасом увидел Настьку Лукину. Она стояла совсем рядышком, возле молоконки, и презрительно смотрела на Карыся из-под длинной черной челочки. Карысь давно заметил, что всех людей любить нельзя, но вот Настьку в первую очередь. Она всегда умудрялась появляться в такие моменты, когда Карысю хотелось побыть одному. Конечно, теперь и думать было нечего о том, что никто не узнает о его падении. Оставалось только одно — презирать Настьку, и Карысь независимо отвернулся.

4.

Когда все лошади забежали в конюшню и дед Плехеев развел их по стойлам, Карысь пошел еще раз посмотреть на Чалку. Теперь, после езды верхом и особенно после падения, она была для Карыся самой главной лошадью на земле. Самой сильной и хорошей лошадью.

Чалка, опустив голову в ясли, аппетитно хрумкала овсом, изредка переступая передними ногами с широкими серыми копытами. Карысь, словно впервые увидев ее, с уважением решил,

что это очень высокая и очень смелая лошадь. И что никто из ребят, разве только Витька, не смог бы проехать на ней верхом. Он подобрался поближе к яслям и, просунув руку между жердями, тихонько погладил Чалку по шее.

— Мы еще будем кататься? — спросил он шепотом и забрался руками под гриву, где было очень тепло и немного потно. — Я больше не упаду, — пообещал Карысь серьезно и с уважением посмотрел на широкую Чалкину спину, где совсем недавно сидел верхом.

Дед Плехеев чинил хомут в кладовой. Здесь было темновато, пахло кожей и варом, который большим куском лежал под верстаком.

— Дедушка, я домой пошел, — сообщил Карысь.

— В добрый час. Спасибо, помог мне, — дед Плехеев отложил хомут и принялся разматывать дратву и натирать ее варом.

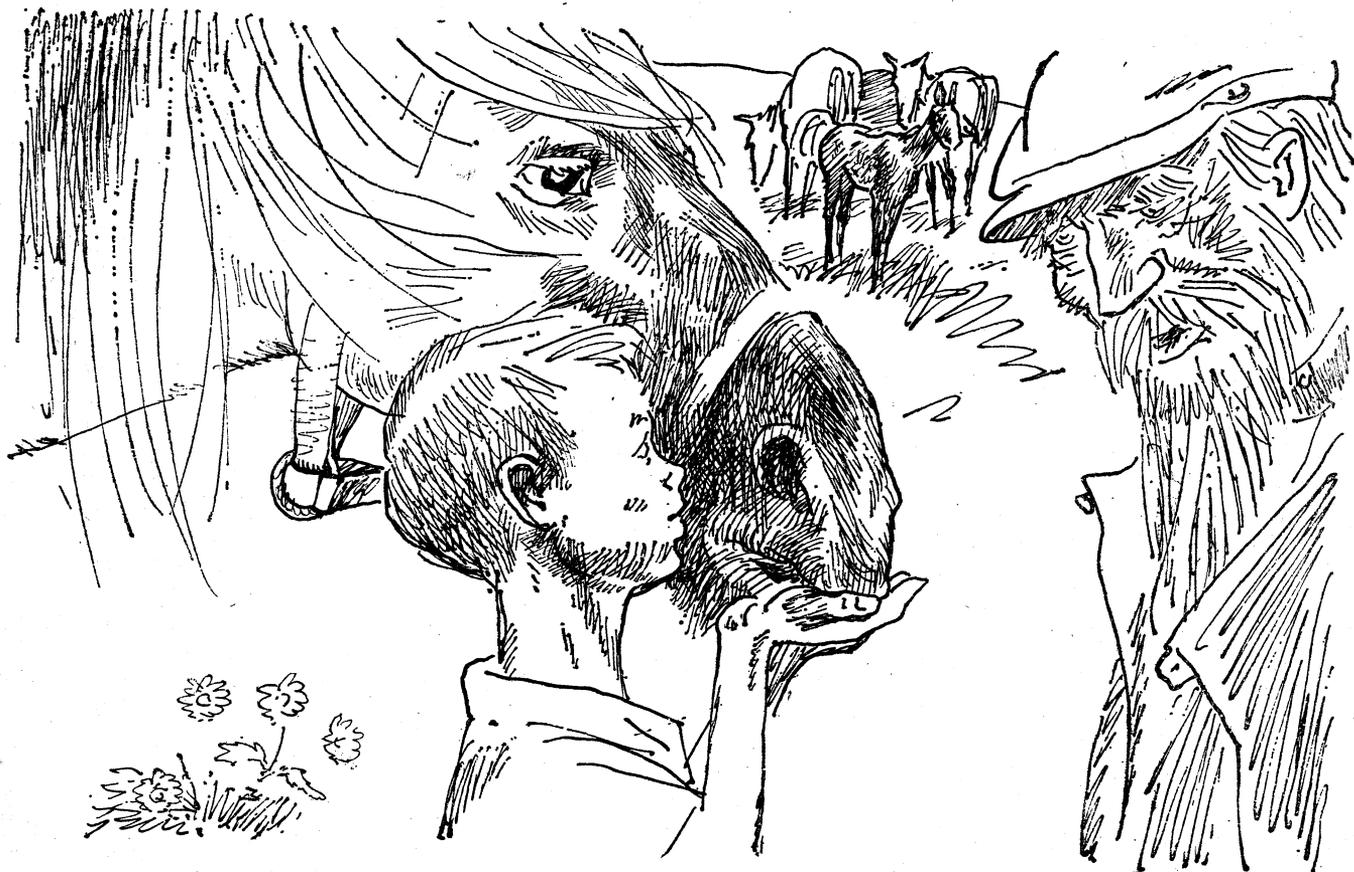
— До свидания.

— Будь здоров.

Карысь медлил, топтался в дверях, но все-таки спросил:

— Мы еще поедем верхом?

Дед Плехеев с любопытством посмотрел на него из-под седых бровей, улыбнулся, отчего лицо его стало совсем старым и морщинистым, ответил:

— А как же, Карысь. Обязательно поедем. Приходи...

Карысь выбежал из конюшни, и его ослепило огромное солнце, которое было теперь в самой середине высокого неба. Дальняя тайга, наполнившись его светом, жарко пылала яркими красками. Амур издали казался светло-синим, холодным и манящим. Воздух был чист и прозрачен, и далеко окрест виделось человеческому глазу. Это был один из тех редких дней, который запоминается надолго, который всплывает вдруг в памяти через много-много лет с самыми мельчайшими подробностями, и грустью отзовется в человеке. Но Карысь, весело шагающий к дому, еще не знал об этом.

БОЛЬШИЕ СЕРЕБРИСТЫЕ РЫБЫ

I.

Карысь давно и беспокойно топтался на дебаркадере. Он уже все здесь изучил наизусть, он уже дважды хотел убежать и искупаться, но в самый последний момент ему казалось — сейчас придут. И дважды никто не пришел. Размеренно покачивался катер на мелкой волне, терся обшивкой о дебаркадер и ни одной души не было на его палубе. Карысь затосковал и собрался было совсем уйти, но в это время показали они.

Впереди всех шел дядя Володя Басов. Шел он в больших резиновых сапогах, большой брезентовой куртке нараспашку, весело сдвинув на затылок круглую фуражку с крабом. Шел он широко в своих больших резиновых сапогах, и за ним едва поспевали Николашка Музин и Мефодий Иванович. Николашка тоже был в резиновых сапогах и брезентовой куртке, но... никакого сравнения. У него даже веснушки на носу!

Наступила главная минута, ради которой Карысь все утро прождал на дебаркадере. Он потихоньку расстегнул две пуговицы на рубашке, сильно вздохнул и, не выпуская воздух, встал перед Басовым.

Но дядя Володя Басов, в больших резиновых сапогах, в большой брезентовой куртке, прошел мимо Карыся, словно бы и вовсе не заметил его. Тогда Карысь забежал вперед и снова встал перед Басовым.

— Фу, — вздохнул дядя Володя, — сколько тут народа понатолкалось, и не пройдешь.

Карысь испуганно оглянулся, но никого не было на дебаркадере и тогда он тоскливо сказал:

— Возьми меня на катер.

— Ну? — удивился дядя Володя. — А штаны запасные взял?

— Зачем? — искренне удивился Карысь, сильно поднимая голову вверх, чтобы увидеть лицо дяди Володи.

— Без штанов не возьму, — он обошел Карыся и ловко прыгнул на палубу своего катера и скрылся в рубке, даже не оглянувшись и ничего больше не сказав.

— Не горюй, Карысь, — Николашка не больно щелкнул его по макушке, — дома в корыте плаваешь.

Карысь увернулся от второго щелчка и сердито сообщил Николашке:

— Вот мы скоро лодку купим.

Казалось, все пропало, и Карысь уже часто задышал от обиды, изо всех сил удерживая слезы, когда перед ним остановился Мефодий Иванович.

— Здорово, Карысь, — с уважением сказал он.

— Здорово, — Карысь отвернулся.

— На катер хочешь?

— Хочу, — вздохнул Карысь и тоскливо посмотрел на катер.

— А дома че скажут?

— Мы скоро лодку купим, — опять было начал Карысь, но Мефодий Иванович неожиданно ловко взял его поперек пояса, и уже через секунду Карысь стоял на теплой, мелко вздрагивающей палубе катера.

2.

Невыносимо плавно и торжественно разворачивалась деревушка Карыся за бортом. Впервые она открылась Карысю с широкого простора Амура и впервые проплыла мимо него, как раньше проплывала вода. Каждый дом и каждая сараюшка хорошо просматривались отсюда, а особенно — дом Карыся. Был он большой, красивый, уютный — самый лучший дом в деревне. Но вот уже и последний дом мелькнул в черемуховых зарослях, потянулась вдоль берега желто-оранжевая марь, потом мелкий березнячок и, наконец, с плавных и мягких линий начались сопки.

Мефодий Иванович и Карысь сидели на крыше машинного отделения, и Карысь впервые ощущал, как могуче и равномерно бьется под ним жизнь совершенно неведомого существа — машины. Но еще сильнее ему хотелось посмотреть, как управляют этой машиной и как поворачивают такой большой катер.

Мелкие волны, что равномерно и бесконечно

катились по Амуру, мягко ударялись о катер и выныривали с другой стороны. Зато за кормой вода бурлила и пенилась, и множество пузырьков взбухало на ее поверхности.

— Здесь глубоко? — спросил Карысь Мефодия Ивановича.

— Глубоко. — Мефодий Иванович курил и смотрел на пробегающие за бортом сопки.

— С макушкой?

— Пожалуй, с тремя.

— У-у-у, — восхищенно протянул Карысь.

Помолчали. У Карыся было много вопросов, но он робел. Он уже знал, что взрослые не очень-то любят, когда их много спрашивают.

— Мефодий Иванович, — выскочил из рубки Николашка, — тебя капитан кличет.

— Чего он?

— Не знаю.

Мефодий Иванович неохотно поднялся, плюнул на папиросу и выбросил ее за борт.

— Пошли, Карысь.

В рубке было чисто и строго. Дядя Володя Басов стоял возле рогатого колеса и что-то записывал в тетрадь.

— А, Карысь, — он не удивился и не заругался, чего очень боялся Карысь, а тронул его большой рукою по голове и непонятно спросил: — Поштурвалить хочешь?

Карысь не знал, что такое «поштурвалить», но на всякий случай кивнул и тяжело сглотнул набежавшую слюну.

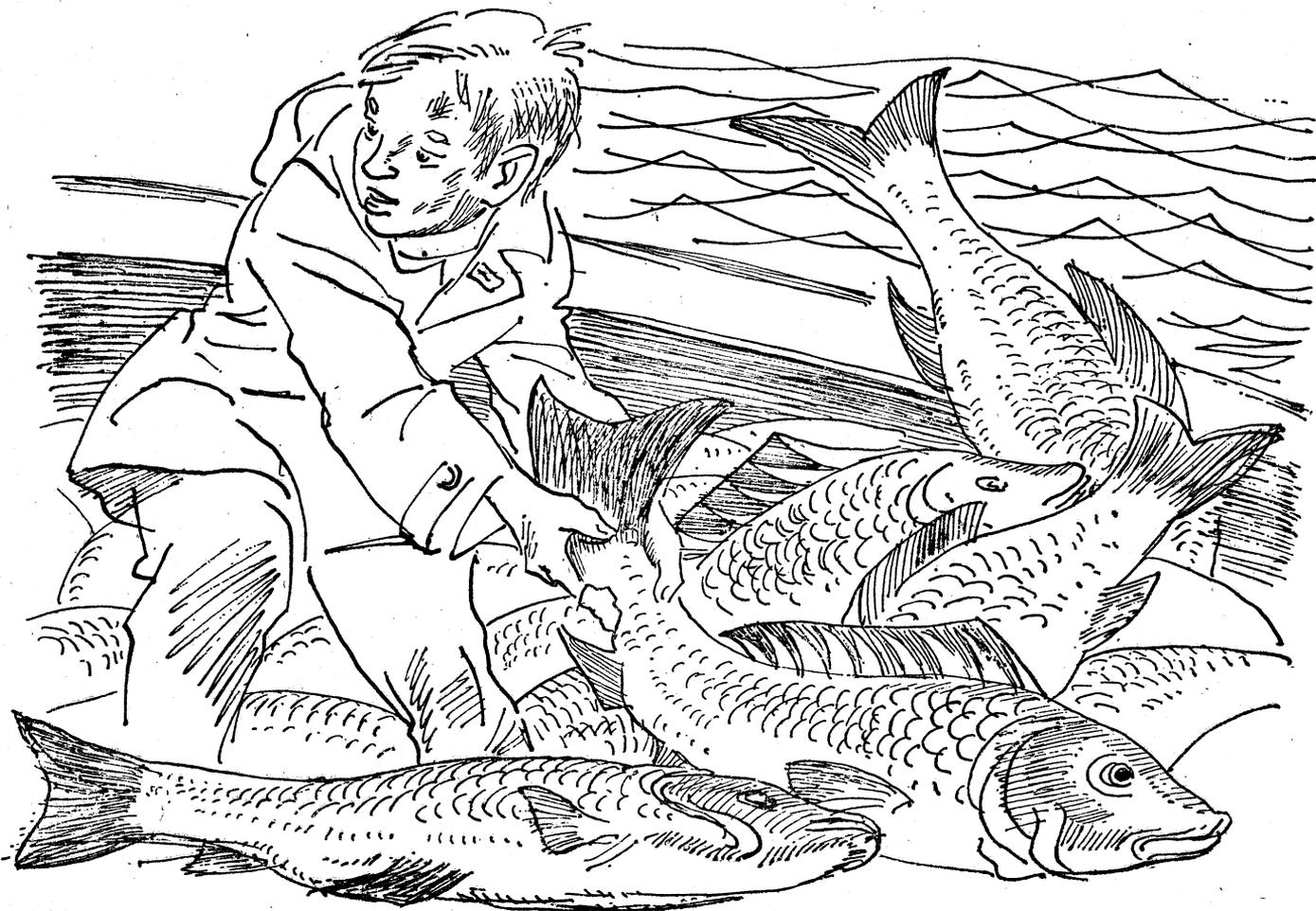
— Ну, тогда держи, — он легко поднял Карыся и поставил у рогатого колеса. — Да ты, брат, ничего не видишь. Что же ты так плохо растешь?

Действительно, до окон Карысь мог дотянуться разве только рукой и то лишь приподнявшись на цыпочки. Обида и стыд, что он такой маленький, переполнили Карыся, но тут Мефодий Иванович сказал:

— Ничего, он еще нас с тобой обгонит. Вишь, боевой какой, так и вцепился в штурвал. Теперь краном не оторвешь. Чего звал-то?

— Да тут такое дело, Мефодий Иванович...

Карысь не дышал. Стиснув зубы, он крепко держал штурвал, изо всех сил стараясь, чтобы он ни в какую сторону не шелохнулся. О чем угодно мог мечтать Карысь, но чтобы на ка-

тере, у штурвала! От напряжения и взволнованности Карысь даже вспотел. Он уже теперь представлял, как будет рассказывать ребятам об этом и как они не поверят, и как он презрительно скажет им: «Если хотите, спрашивайте у дяди Володи, а только я катер сам вел». И как они все удивятся, и будут завидовать ему, и Витька, наверное, сразу полезет дружить. Ведь Витька катером никогда не правил, а вот он, Карысь, правит, и хоть бы что.

Однако постепенно Карысю становилось не «хоть бы что». Руки, поднятые высоко вверх, начали затекать и наливать такой тяжестью, какой Карысю испытывать еще не доводилось. Потом начали болеть не только руки, а и плечи, и спина, а еще через некоторое время Карысь с испугом и стыдом заметил, что у него мелко трясутся ноги. И в это время дядя Володя, закончив разговор с Мефодием Ивановичем, встревоженно сказал:

— Ого, брат Карысь, да мы этак на косу вылетим. А ну, пусти-ка.

И Карысь с облегчением отпустил штурвал. К его удивлению, дядя Володя совсем не сильно толкнул штурвал, и он быстро закрутился, и в глазах рябило от мелькания его рожков.

— Ну как, Карысь, понравилось штурвалить? — спросил Мефодий Иванович.

— Понравилось, — одними губами выдохнул Карысь.

3.

— Ешь, ешь, Карысь, дома-то этакой ушицы не отведаешь, — потчевала Карыся бабка Аксинья.

— Горячая.

— А как же. Уха горячая — рыба с удачею. Ты дунь да сплюнь, корочку обрежь, да потихоньку съешь.

Сидит Карысь за высоким столом на рыбацком стане. Стол врыт ногами в землю, скамейки вокруг него — тоже. Стол и скамейки — на улице. Можно есть и смотреть, как загружают рыбаки плашкоут большими серебристыми рыбами, посыпая их сверху мелко наколотым льдом. Много лодок стоит под берегом. На кольях, вбитых прямо в песок, сушатся громадные сети. Все здесь, на стане, необычно и удивительно, Избушки, почти по самую крышу врытые в землю, лабазы, огромный черный котел, тяжело покачивающийся над костром, ледник, тщательно укрытый взопревшей соломой, да и сами рыбаки. Даже бабка Аксинья была здесь совсем не такой, как дома. Она суетилась у котла, приветливо смотрела на Карыся и подкладывала, подкладывала ему рыбные кусочки в алюминиевую миску. Карысь боялся обидеть бабку Аксинью

и потому долго и терпеливо ел. Но последний кусочек он уже съесть не мог.

— Бабушка, не хочу, — умоляюще сказал Карысь.

— Вот и ладно, — неожиданно легко согласилась бабка Аксинья, — поел пострел и нету дел. А ну, помоги-ка мне снести посуду на берег.

Посуды много, полон эмалированный таз кружек, мисок и ложек, да еще в ведерке с верхом наворочено. Карысь берет ведерко и, припадая на правую ногу, волочит его к воде. Здесь он, по примеру бабки Аксиньи, опрокидывает ведерко, и кружки, миски раскатываются по песку, взблескивая надраенными доньшками на солнце. Бабка Аксинья подтыкает подол длинной юбки и бредет в воду. Набрал таз воды, она садится на травянистую кочку, макает тряпку в песок и начинает жестко шоркать первую миску. Мимо проходит Мефодий Иванович. Он улыбнулся Карысю и спросил:

— Помогаешь?

— А как же, — ответила за Карыся бабка Аксинья, — помогает понемножку: из чашки да в ложку.

— Это хорошо, — кивнул головой Мефодий Иванович.

Карысь не возражал, но ему хотелось поближе к рыбакам, и он несмело спросил:

— А мне с тобой можно?

— Эт-то куда еще? — удивился Мефодий Иванович.

— Рыбалить.

— Дак рыбу начисто перепужашь, — вмешалась в мужской разговор бабка Аксинья. — Она, рыба-то, завидев тебя, чертоломом в море-окиян рухнется. Ты уж, Карысь, будь ласка, подле меня поворухайся.

Но Мефодий Иванович протянул руку, и Карысь, залившись счастливым смехом, бросился к этой руке.

Они шли по песчаной косе к плашкоуту, и волны, лениво набегая на песок, облизывали их следы.

— Ты с Настькой-то не дерешься? — спросил Мефодий Иванович.

— Не-е...

— А с лошади-то как звязнулся?

— ...

— Не убился?

— Там травка была.

— Повезло.

При всем уважении к Мефодию Ивановичу Карысь твердо решает отомстить Настьке за то, что она рассказала отцу про его падение с Чалки.

Но вот плашкоут и рыбаки. С Амура подходят и подходят лодки с громадными серебристыми рыбами. В брезентовых робах, высоких резиновых сапогах рыбаки шутят и смеются. Они легко поднимают сразу по две рыбины и перебрасывают их через борт плашкоута. И рыбины,

жарко взблескивая на солнце, тяжело падают, брызгая во все стороны серебристой чешуей. Карысь смотрит, смотрит и постепенно начинает жалеть этих рыбин, жадно хватаящих воздух широко открытым ртом. Он тихонько взбирается по шаткому трапу на плашкоут и, пораженный, замирает: великое множество рыбин толстым, шевелящимся слоем лежат на палубе плашкоута. Они плавают друг по другу, вяло бьют друг друга хвостами. От их движения в воздухе какой-то неясный шорох — стон ли, вздохи.

Неожиданно рядом с Карысем одна из рыбин высоко подпрыгнула и чуть не вывалилась за низкий борт плашкоута. Она упала, подергалась, затихла и начала медленно уходить меж других рыбин. Вначале исчезла голова, потом треугольные плавники и, когда наверху остался только один хвост, Карысь схватился за этот хвост и потянул. Он думал, что будет тяжело, но рыбина легко и мягко всплыла над другими рыбинами и часто захлопала крышками жабер.

— Тебе больно? — тихо спросил Карысь и ладошкой погладил рыбу, ощущая холод и жизнь под рукой. Но рыба не шевелилась и не отвечала Карысю. Тогда он взял ее обеими руками, перетянул через борт и головой вниз осторожно выпустил в воду. До воды было метр, не больше, но рыбина успела два раза перевернуться и упала боком, сильно всплеснув набежавшую волну. Она на мгновение скрылась, а потом всплыла вверх серебристым брюшком. Волны мягко покачивали ее и потихоньку относили вдоль корпуса плашкоута. Карысь шел следом и видел, как рыбина начала мелко шевелить плавниками, потом хвостом, и так, вверх брюшком, вдруг поплыла от плашкоута. Он счастливо посмотрел ей вслед и взялся за хвост следующей рыбины. Это была совсем живая и, едва Карысь склонился над водой, как она легко выскользнула у него из рук и мгновенно скрылась в глубине. Карысь посмотрел на пустые руки и радостно засмеялся.

На пятой или шестой рыбине его поймал Мефодий Иванович. Он удивленно уставился на Карыся, потом на воду, где только что исчезла очередная рыбина, и изумился:

— Вот это рыбак! Ай да Карысь! Утешил... Че делаешь-то, оголец?!

Карысь внимательно посмотрел на руки, облепленные рыбьей чешуей, спрятал их за спину и тихо сказал:

— Им больно.

— Кому? — Мефодий Иванович глянул на воду

— Рыбам.

— Так ты много выпустил-то?

Карысь растопырил пальцы и вытянул одну руку вперед.

— Пять штук?

— Ага... Они холодные и дышат.

— Так тебе уши сейчас драть или погодить

маненько? — серьезно спросил Мефодий Иванович.

— Погодить. — тяжело вздохнул Карысь и тихо потопал на берег.

4.

К вечеру разыгрался ветер и погнал по Амуру пенные барашки на гребнях высоких волн. Отбуксировав плашкоут на базу, катер спешил к дебаркадеру, тяжело зарываясь носом и шатко переваливаясь с борта на борт. Множество брызг взлетали над палубой, ударялись о стекла рубки и частыми ручейками стекали на обшивку. Карысь, недавно проснувшийся, сидел на высоком ящике и смотрел между текущих ручейков на приближающийся дебаркадер, на свою родную деревушку. Ему казалось, что прошло много, много времени с тех пор, как он уплыл на катере, что в деревне должно все измениться, стать больше и лучше. Но все оставалось прежним, и он было задумался об этом, но тут вспомнил о рыбах на плашкоуте, оглянулся и увидел в окно, что плашкоута на буксире уже нет.

— Дядя Володя, — подергал Карысь капитана за рукав, — а рыбы где?

— Выгрузили.

— Выпустили?

— Куда?

— В воду.

— Зачем? — дядя Володя удивленно посмотрел на Карыся.

— Чтобы они плавали, — смущенно ответил Карысь.

— А ты жареную рыбу любишь?

Карысь нахмурился, подвинулся в угол и тихо ответил:

— Нет.

В Озерных Ключах, в родной деревеньке Карыся, зажигались в домах первые огни.

В СУГРОБАХ

1.

Срывались ветра и дули ветра, и по несколько дней кряду неслись вдоль широкого Амура, между суровыми скалами, продували встречные деревеньки, засыпали снегом и лишь у могучих отрогов Хехцира запутывались в вековых елях, сникали, вяли и пропадали совершенно. И тогда вставала над миром великая тишина, топкая как опавшие снега. И тогда проглядывало среди редующих туч мутное, далекое солнце, и нест

пимо глазу начинал блистать снег, и вновь манящими казались далекие, белоглавые вершины.

В один из таких дней Карысь колобком выкатился из дома, потоптался у калитки и по расчищенной отцом дорожке вышел на улицу. Никто ему не мешал, никто на него не шикал, так как мать и Вера были в школе, а отец уехал в город за лекарствами. И потому чувствовал себя Карысь просторно и восторженно.

Деревенька Карыся была прочно и основательно переметена громадными сугробами. И если шел по улице человек, то он словно бы в прятки играл: появится на вершине сугроба, пропадет, снова появится, снова исчезнет в сугробном распадке. Но самый большой сугроб был у бабки Аксиньи. Это был даже не сугроб, а целая гора. Начиналась она с крыши и тянулась почти до конца огорода. Когда эта гора появилась впервые, бабку Аксинью откапывали всем селом. Откопали и, к великому изумлению ребятишек, появился в их деревне самый настоящий тоннель. Кто-то из копальщиков шутливо сказал:

— Надо бы сюда свет подвести, а то ненароком заблудится бабка Аксинья.

Тогда-то и началась для ребятишек сладкая

и веселая работа. Сугроб бабки Аксиньи был изрыт вдоль и поперек. И чего только здесь не было: партизанский штаб, явочные квартиры, штурманская рубка, тюрьма, тайник, подлодка и множество других землянок и отсеков, назначение которых иногда путал даже Витька. Карысь, как и все принимавший самое деятельное участие в строительстве, один, однако же, в снежные пещеры входить не решался. И это его угнетало, как несовершенный подвиг. Не раз и не два подходил он к устью пещер, и даже делал несколько шагов по снежному лабиринту, но что-то таинственное останавливало его, заставляло пугливо оглядываться и, наконец, почти бегом отступать.

Карысь вышел на улицу и прямехонько направился к бабке-Аксиньиному сугробу.

2.

Первый поворот по лабиринту. Сто раз убегал за этот поворот вместе с мальчишками Карысь, сто раз возвращался из-за этого поворота и ничего, а теперь вот было боязно. Карысь остановился, прислушался. Тихо. Совсем

тихо. Тогда Карысь присел на корточки и опять прислушался. Нет, ничего не изменилось. Все так же тихо было в пещере.

— Никого нет,— прошептал Карысь, словно бы уговаривая самого себя.

Он поднялся с корточек и совсем было решил идти, когда вдруг вспомнил, как жутким шепотом Витька говорил о том, что по ночам кто-то бродит в пещерах, и что он, Витька, сам слышал, как в двенадцать часов ночи этот кто-то там хохотал.

Карысь вспотел и опять присел на корточки. Чтобы лучше слышать, он поднял уши у шапки, перестал дышать, но все равно тихо было в пещере. И Карысь пошел.

За поворотом было темно. Не так, чтобы ничего нельзя видеть, но и не так, чтобы видеть можно все. Карысь шел. Он часто закрывал глаза и шел на ощупь. Так было легче. Лабиринт раздался, стал выше, и Карысь очутился в штабе. Здесь на полу лежала солома, а в углу стояли деревянные автоматы. А в тайнике, Карысь знал об этом, у Витьки был спрятан настоящий самопал. «Вот бы самопал,— печально подумал Карысь,— я бы...». А что «я бы» — он не знал. Но от одной мысли, что где-то здесь спрятан настоящий самопал, ему стало легче, и он почти уверенно ступил в угол и выбрал себе автомат.

Но не успел он насладиться тяжестью грозного оружия, как впереди, там, где должна быть тюрьма, что-то громко зашуршало, и Карысю почудились чьи-то тяжелые шаги. Сердце у Карыся сильно застучало, потом остановилось совсем, потом опять застучало, он закрыл глаза, а когда открыл их, то увидел, что стоит в нескольких метрах от входа в пещеру.

3.

— Ты че запыхался? — перед Карысем крутилась Настя и улыбалась во весь рот.

Карысь тут же надулся и сделал неприступный вид.

— Ты зачем здесь? — грозно спросил он.

— Фи-и,— протянула Настька,— хочу издесь.

— Вот Витька тебе даст,— пообещал Карысь.

— А я видела, как ты бежал,— засмеялась Настька.

Карысь посмотрел и растерянно спросил:

— Че видела?

— Как ты бежал из пещеры.

Карысь подумал, засопел и полез драться.

— Догони! — Настькин язык мелькнул у самых глаз Карыся.

Догонять Настьку было бесполезно, это Карысь знал и потому лишь крикнул вдогонку:

— Вот попадись...

— Че будет? — Настька уже стояла на самой вершине сугроба.

— Попадись только,— Карысь с презрением отвернулся.

— А я вот сейчас вашу пещеру сломаю,— Настька начала прыгать на одном месте.

Это было уже чересчур, и Карысь полез на сугроб. Лез он долго и упорно, ничего не видя перед собой, кроме крутой спины сугроба, а когда наконец вылез на вершину — Настьки не было. Он удивился и посмотрел во все стороны.

— Ы-ысь! — услышал вдруг Карысь чей-то голос. Голос был далекий, непонятный и шел как бы у него из-под ног. И только теперь заметил Карысь на том месте, где еще совсем недавно прыгала Настька, круглую дыру. Дыра была аккуратная, ровная и темная внутри. Карысь растерялся, не поверил своим глазам, задумался и лег на живот. Он подполз к самому краю дыры и заглянул в нее, и ничего, кроме сероватой темноты, не разглядел.

— Кары-ысь! — теперь уже более отчетливо послышался жалобный Настькин голос.

Карысь подвинулся еще, чтобы лучше можно было видеть, снег провалился у него под руками, он коротко вскрикнул и небожно упал на сугроб. Он даже удивиться не успел, почему внутри сугроба оказался еще один сугроб.

— Ай! — пискнула где-то рядом, под Карысем, невидимая Настька. — Ты че, совсем дурак?

Карысь изумился, спешно вскочил на ноги и растерянно ответил:

— Нет.

— Тогда зачем на меня прыгаешь?

— Я не прыгаю.

— А сам прыгаешь... Теперь давай, тащи меня,— в голосе Настьки послышалось примирение.

Из-под снега торчали только Настькины черные валенки с калошами да с другой стороны — немного Настькиной головы. Карысь в нерешительности потоптался возле валенок, потом крепко уцепился за один и потянул. Настька дрыгалась — помогала. Снег шевелился, рассыпался, но Настьку не отпускал.

— Подожди,— солидно сказал Карысь и принялся разгребать снег руками. — Теперь вставай.

Настька начала подниматься спиной вперед, Карысь тянул ее за хлястик пальто.

— Вот понарыли,— с уважением сказала Настька, едва встав на ноги и с любопытством заглядывая в дырку, сквозь которую влетела сюда.

— Это еще че, а вот... — Карысь осекся и тут же нахмурился и глянул на Настьку исподлобья.

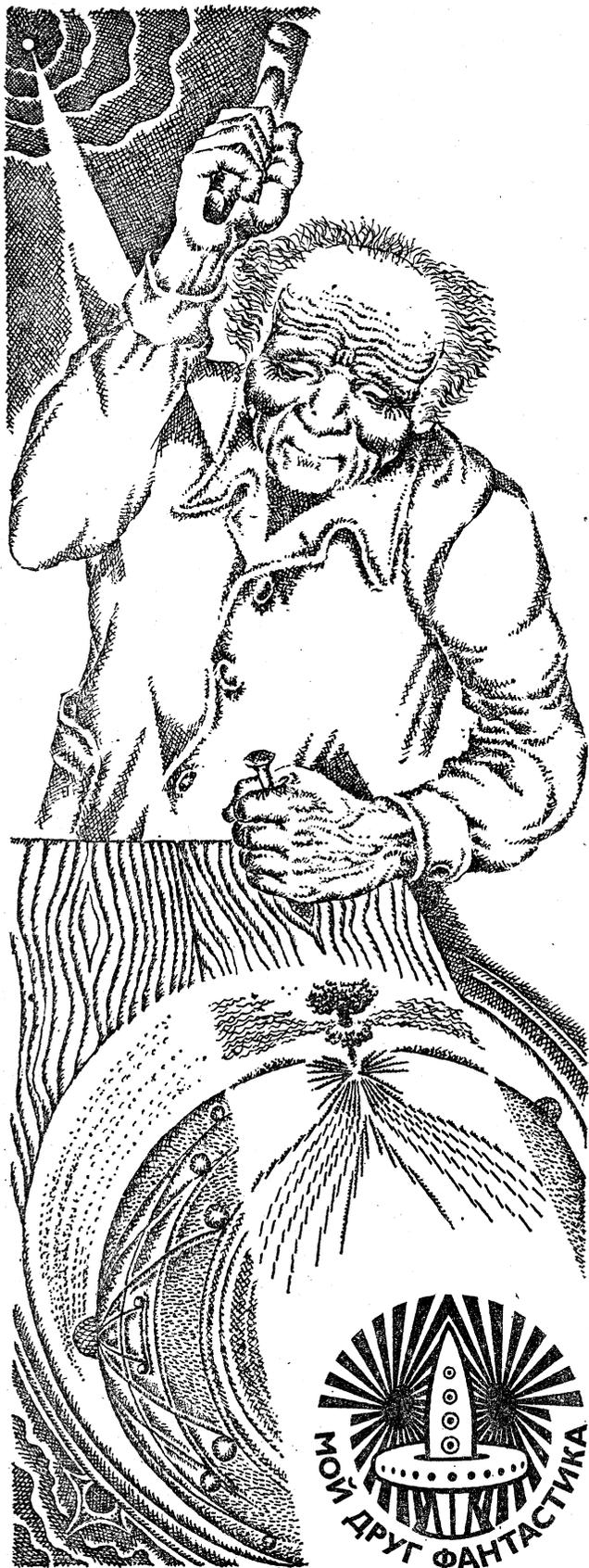
— Пошли,— Карысь решительно мотнул головой на выход.

Настька еще посмотрела на дыру, потом — на Карыся, потом дернула плечом и пошла.

ТИХИЙ СТАРИК

Мариэтта
ЧУДАКОВА

Рисунки
В. Меринова

Крафт открыл страницу с заголовком «Вести из Вселенной» и удовлетворенно кивнул.

Там было написано то, что он и ожидал увидеть: «Вчера, 16-го июля, астрономы вновь были поражены странными явлениями на планете Нереида. На довольно значительном участке ее поверхности, определяемом приблизительно в 10 тысяч кв. километров, наблюдалось сильнейшее свечение неизвестного происхождения. Аналогичные явления ученые наблюдают на этой планете в течение уже двадцати лет. Виднейшие исследователи внеземных цивилизаций — Стоун и Ливси — расценивают эти явления как катастрофы, приносящие серьезный ущерб технике и населению этой планеты. Очевидное неумение предсказывать эти явления и бороться с ними находится, по мнению Стоуна и Ливси, в резком и необъяснимом противоречии с общим уровнем цивилизации Нереиды, которая единодушно оценивается мировой наукой как высокоразвитая. Напоминаем, что ни периодичность, ни какую-либо иную закономерность появления свечений, как и многих других явлений, наблюдаемых в последние два десятилетия на этой планете, установить до сих пор не удалось».

— Еще бы, — пробормотал Крафт, закрывая газету, — не только до сих пор, но и во веки веков.

Он аккуратно вырезал заметку, уложил ее в пухлую папку, изрезанную газету выбросил в мусорную корзину и тяжело встал с кресла.

Жара уже заметно спала, и можно было отправиться к старику.

Старик стоял в саду босой, и рубаха его была розовой от заката. Он шаркал рубанком по доске и время от времени примерял доску к почти готовой столешнице. Доска была гладкая, светлая, и, хотя две другие потемнели от времени, стол выглядел новым, и старик был доволен. За таким столом не стыдно было при-

нять гостя, поговорить с ним о погоде или об урожае яблок, удивительном в этом году. Корзины яблок стояли тут же под деревьями, и надо было не забыть снести их в кладовую до росы.

Калитка скрипнула, и старик увидел инспектора Крафта. Тот еще издали помахал ему шляпой и весело крикнул:

— Не пора ли отдохнуть?

Старик смахнул стружки с доски, плотно уложил ее между двумя другими, решив, что закрепит гвоздями завтра утром, и пригласил гостя. Но тот, по обыкновению своему, сесть за стол не захотел и присел под топодем на низенький чурбачок. Старик немного обиделся, что гость не посмотрел его работу поближе, но огорчаться не стал и пошел в дом за пивом и кружками.

Они мирно проговорили до темноты, степенно распрощались, и Крафт, заботливо выведенный стариком за калитку, направился к своему дому.

Старик вернулся к себе и, не зажигая света, лег спать. В сенях пел сверчок, под деревьями трещали цикады. Старик подумал о яблоках, потом о Крафте, о том, что он хороший человек и не побрезгует выпить с простым садовником, если же последние годы перестал подавать при прощании руку, то надо понимать, что полицейский инспектор должен помнить свой чин, а иначе кто же станет его бояться? Потом старик заснул.

Крафт в это время еще шел по дорожке к своему дому, и почерневшее небо давило ему на плечи. Он шел, часто вздыхая и вытирая пот со лба.

По ночам обычное душевное равновесие изменяло ему, и часто у Крафта не было сил поднять голову и заставить себя взглянуть на эту сияющую Нерейду, которая таким странным и горестным образом вошла в его жизнь. Он, однако, всегда точно знал, в каком месте небосклона стоит она сейчас, и мог бы не глядя указать на нее пальцем. Никогда он не видел ее ближе, чем простым глазом. Телескопа не было у него, да он в нем и не нуждался. Все телескопы мировых обсерваторий не помогли астрономам узнать то, что узнал он, инспектор Крафт, себе на горе и никому не на радость.

Не на радость, потому что Крафт с его всегда трезвой головой ясно представлял себе: человека, который явится в бюро изобретений с таким открытием, какое сделал он, не станут выслушивать до конца. Просто сзади бесшумно подойдут два крепких молодых человека, — их всегда можно видеть у дверей этого бюро, — аккуратно и почти не больно заломят ему руки за спину и увезут в зеленую зону, в лечебницу,

которую все так и зовут «астрономической». Свободные койки в ней редкость — она всегда забита открывателями новых звезд и воздухоплавателями-самоучками.

И это справедливо. Инспектор Крафт только одобрительно кивнул бы, если бы с ним поступили так же. Поэтому он никогда не сунется в бюро изобретений и открытий. Это столь же несомненно, как несомненна связь между планетой Нерейдой и стариком садовником.

Впервые сумасшедшая мысль об этой связи пришла ему в голову двадцать лет назад и тоже в июле. Старик уже тогда был стариком, а Крафт был еще молод, собирался жениться и, когда его девушка по вечерам была занята работой, любил посидеть у старика в саду, раскуривая трубку и читая газету. Он особенно любил читать сообщения астрономов, всегда подробные в его газете, размышлял о звездах, о планетах и с особенным удовольствием думал о тех из них, где ученые давно уже обнаружили разумное население и только не сумели пока установить связь с этими очень далекими мирами.

В тот день он впервые сидел за деревянным столом, лишь накануне сколоченным. Стол был сработан крепко, стоял не на одной, а на четырех ножках, и все они глубоко уходили в землю. Крафт сидел, разложив на столе газету, и читал сообщение о том, что вчера, начиная с часу дня по гринвичскому времени, на планете Нерейда наблюдалось необычное по темпам таяние ледников, грозящее большими бедствиями тамошней цивилизации. Таяние стало заметно уменьшаться, сообщалось дальше, уже к пяти часам пополудни и, по-видимому, совсем прекратилось к восьми вечера. Словно кто-то приставлял ко льдам огромный раскаленный утюг.

То, что было дальше, Крафт не любил вспоминать. Он хорошо понимал, что, будь голова его устроена иначе, ему не пришлось бы потратить десять лет жизни на совсем ненужную задачу, решение которой в один прекрасный день поставило его на грань безумия. И если разум его все-таки уцелел, то ему нужно до конца дней своих молиться за покойного отца, который всю жизнь имел дело с землей, не пил, был во всем умеренным и передал сыну свое железное здоровье.

К тому времени Крафт уже пять лет как служил в полиции. Простые дела у него не шли, зато некоторые из безнадежных он распутывал одним махом. Все дело было в его мозге, который, видимо, был устроен иначе, чем у других людей. Люди охотнее всего сопоставляют вещи близкие, связь которых очевидна или естественна. Крафту же бросалась в глаза не менее для него очевидная связь между вещами далекими — такими, какие могут оказаться рядом

друг с другом разве что в бреду тяжелобольного.

Барьера, который стоит в сознании нормального человека между вулканом Фудзияма и зубочисткой на собственном столе, совсем не существовало для Крафта. Не видные для других совпадения, вспыхивающие в его мозгу, приводили к замечательным результатам. Так, когда-то он потряс мир отечественной и зарубежной криминалистики, установив связь между пожаром в высокогорной обсерватории и изменением расписания поездов на пригородной ветке за три тысячи миль от этого места...

В тот день, читая газету, он механически отметил в памяти, что старик накануне начал делать свой стол тоже в час дня, а закончил к восьми. Эта никчемная мысль до вечера сидела у него в голове, как назойливый мотив ненавистой песенки. Потом инспектору удалось избавиться от нее, но только на неделю. Через неделю старик вздумал шлифовать свой новый стол наждаком, и в тот же вечер на Нереиде стало твориться что-то невероятное.

Крафт боролся со своим воображением, как мог. Наконец ему пришлось абонироваться в бюро вырезок, и с тех пор все, что было сказано о Нереиде на доступных Крафту языках, стало поступать к нему со всех концов света.

Через два года он нынужден был сдаться. Планета послушно отзывалась на малейшие изменения, происходящие со столом садовника.

Крафта не так плохо учили в колледже, и за последующие несколько лет, прочитав немало новейших монографий, он, наконец, понял, что деревянный стол в саду старика, вернее даже, поверхность этого стола неизвестным образом оказалась действующей моделью мира Нереиды и управляла всеми большими и малыми (в том числе, вероятно, и недоступными для земного наблюдения) изменениями на этой планете.

Почти три года Крафта мучили кошмары. Он стал бояться темноты, но порою, наоборот, не в силах заснуть, выходил ночью на тропинку, огибавшую его дом, смотрел на холодно сияющую Нереиду и плакал. Он видел явственно, как груды камней валяются на нереидян по мановению жесткой ладони старика.

В конце десятого года Крафт пришел к ряду твердых и неопровержимых выводов. Все это время он действовал методом объективных наблюдений и один только раз не удержался от эксперимента — в тот день, когда все и окончательно стало ему ясно, и ум уже сдался, и только какие-то неизвестные самому Крафту силы его существа еще боролись и восставали против беспощадной силы логики. Крафт пошел тогда к старику и уговорил вбить еще один

гвоздь в стол, убедив его, что одна из ножек шатается.

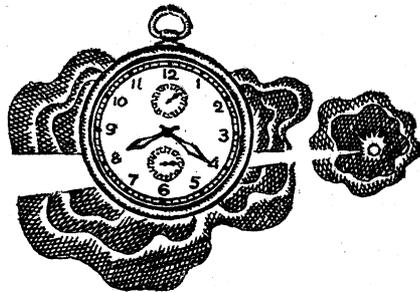
Он засек по секундомеру время от первого удара молотка до последнего и точное время каждого удара. Придя домой, Крафт поймал передачи астрономической станции, и первое, что он услышал, было сообщение о катаклизмах на Нереиде с указанием точного времени вспышек и интервалов между вспышками. Время, конечно, точно совпало с ударами молотка садовника.

В тот вечер Крафт дал себе слово и надеялся держать его до смерти. Никогда с тех пор не подходил он к столу ближе, чем на два метра, и никогда не заводил о нем разговоров со стариком. Он решил, что разум его еще дорог ему и что следует спокойно дожить остаток своих дней, пока болезнь или случайность не покончат и с ним, и с его тайной.

Он также дал себе слово не думать о кое-каких проблемах, решить которые ему не под силу, — о том, например, что было с планетой, пока в саду старика не было этого стола, и что будет с нею, когда старик умрет, а стол сгниет от дождей. Он решил предоставить и садовника, и неведомую планету их собственной смутной судьбе.

Совсем не сразу, однако, удалось Крафту взять себя в руки и вернуться, насколько хватило душевных сил, к своей обычной жизни в тихом и зеленом поселке бок о бок со стариком и его садом.

Он еще хорошо помнит тот день, когда, близкий к безумию, вбежал в сад и пытался объяснить этому старику с круглым розовым лицом и легким нимбом реденьких волос, что он, старик, — бог, вершачий судьбы целой планеты, быть может, гораздо более цивилизованной, чем наша, а старик беззвучно смеялся, качал головой, утирал слезы и удивлялся тому, как складно говорят ученые люди, даже когда они выпьют много больше, чем это следует делать в такие жаркие дни.

ВАРИАНТ ЛЮБИМОВА

**Василий
МАШИН**

В октябре 1978 года Свердловской ордена Ленина железной дороге исполнится сто лет. С чего и как она началась?

В 1870 году в Санкт-Петербурге был издан объемистый труд известного на Каме пароходовладельца И. Любимова. Свою книгу автор назвал «Запиской к проекту Пермско-Уральской железной дороги».

Одним из первых, кто выступил со своим проектом будущей железной дороги, был управляющий демидовскими заводами в Нижнем Тагиле В. Рашета. Он предлагал взять направление линии от Перми, соединить ею главнейшие горные округа Среднего Урала и выйти на город Ирбит, знаменитый своими шумными ярмарками.

Иного мнения придерживался Е. Богданович, чиновник особых поручений при министерстве внутренних дел. Резко критикуя проект Рашета, он ратовал за линию Сарапул — Екатеринбург — Тюмень. Такое направление, по его расчетам, выгодно, прежде всего, тем, что строительство дороги обойдется дешевле, поскольку она будет короче и, главное, не встретит на своем пути ни топких болот, ни больших рек, ни высоких гор.

Вокруг этих двух проектов разгорелись горячие споры. Сторонни-

ками Рашета оказались, конечно же, ирбитчане и пермяки, чьи города попадали в поле влияния будущего «сибирского железного пути». Зато яростными противниками его стали екатеринбуржцы. В министерства, в центральные и местные газеты посыпались депеши, докладные и целые трактаты, более похожие на жалобы.

Екатеринбуржцы обенми руками голосовали за проект Богдановича. Тюменцы выбрали его почетным гражданином своего города.

Среди спорщиков находились, однако, и такие, кто пытался выразить сомнение: а нужна ли она вообще, железная-то дорога на Урале? Вот, например, что писал в своем рапорте правительству тобольский губернатор:

«...Тобольская губерния и соседние скорее пострадают, чем выиграют, и первое, что следует ожидать от дороги, — это наплыв всяких мелких аферистов, ремесленников и торговцев; затем явятся скупщики, цены поднимутся, и крестьяне, начав продавать все, что можно, дойдут до положения крестьян центральных губерний: губерния наводнится иностранцами, торговля перейдет в их руки; между иностранцами и русскими кушачами возгорится борьба...»

И далее, по-видимому, самое главное с его, губернаторской, точки зрения: «...наблюдение за сохранностью порядка в крае делается невозможным и в заключение затрудняется надзор за политическими ссыльными вследствие облегчения побегов».

«Тонко» мыслил губернатор, ничего не скажешь!

А проекты направления будущей железной дороги между тем все множилось. В споры были вовлечены знатные, с тугой мошной купцы, крупнейшие предприниматели, генерал-губернаторы, министры.

Тут-то, в самый разгар «дорожной» шумихи, и выступил со своим проектом пароходовладелец И. Лю-

бимов. Очень любопытно полистать ныне эту книгу, которой более ста лет. В основу ее положены топографические изыскания инженера путей сообщения В. Соболевского и скрупулезное исследование каменноугольных залежей Среднего Урала, которое для Любимова произвел профессор Казанского университета Н. Голвкинский.

Небезынтересны, также купеческие расчеты самого автора. Горные богатства Урала, хлеботорные места Зауралья и Западной Сибири, численность населения здешних городов, торговые центры и стоимость перевозки различных, вплоть до «пуху и гусиного пера», грузов — все попало в поле зрения Любимова.

И вот вывод — любимовский вариант строительства линии: Пермь — Кунгур — Екатеринбург — река Тобол.

Хитер пароходовладелец! Взяв, что называется, золотую середину, он решил примирить сторонников Рашета и Богдановича и в то же время «под шумок» протолкнуть свой проект. Направление это, говорится в «Записке», «...есть единственное из проектированных направлений для Уральской железной дороги, которое удовлетворяет общегосударственным нуждам и экономическим условиям Пермского края и юго-западной Сибири».

Публикуя свои «Записки», пароходовладелец, разумеется, преследовал прежде всего собственные интересы: будет дорога — будет обильный подвоз товаров с востока к перепалочному пункту Пермь, где у Любимова имелись свои пристани. А еще нетрудно заметить, что проект имел другую, несколько завуалированную цель: дорогу надо проложить так, чтобы она — боже упаси! — не стала серьезным конкурентом самого пароходовладельца Любимова.

Этому проекту, как, впрочем, и другим, суждено было осуществиться значительно позже...

После более чем десятилетних споров кабинет министров на основании собственных, правительственных, изысканий утвердил в ноябре 1873 года проект, близкий к рашетовскому. Уральская горнозаводская железная дорога получила такое направление: Пермь (с ветками к Луньевским каменноугольным копиям и Билимбаевскому заводу) — село Камасино (ныне станция Чусовская) — Кушва — Екатеринбург.

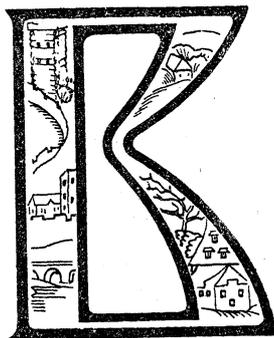
Строительство дороги началось в 1874 году.

Язык Земли

Краткий словарь географических названий Урала

Александр
МАТВЕЕВ

ВАГРАН, правый приток Сосьвы (Южной). В документах XVII—XVIII веков упоминается также Вагран-озеро, или Вагранское озеро, которое позднее стали называть озером Крылышково — по имени жившего в этих местах манси Крылышка.

Есть мнение, что название Вагран образовано от мансийского слова *агыр* — «водоворот», «омут», а звук *в* появился уже в русском языке. С этим согласны не все ученые.

ВАРНА, село, районный центр на юге Челябинской области. Одно из многочисленных мемориальных названий, столь распространенных в степном Зауралье, особенно в Челябинской области. Здесь есть населенные пункты с такими названиями, как Балканы, Берлин, Бородиновка, Измайловский, Кассельский, Куликовский, Лейпциг, Париж, Полтавка, Рымникский, Фершампенуаз, Чесма...

Эхом русской военной славы считаются эти названия, в них живет память о победах русского оружия на Куликовом поле, под Полтавой, в суворовских походах, Отечественной войне 1812 года и других кампаниях.

Как возникли эти названия и почему их так много именно здесь, на Южном Урале? Оренбургские казаки принимали самое активное участие в военных действиях русских армий, особенно в Отечественной войне 1812 года. И вот по их собственной инициативе в середине XIX столетия было разрешено переименовать казачьи поселения.

ВЕТЛАН, название высоких красивых скал на берегу Колвы в нескольких километрах от рабочего поселка Ныроб и на берегу Вишеры выше города Красновишерска (Пермская область). Может быть, сюда же надо относить и Витьяна из — название скалистого берега по реке Язьве в Красновишерском районе. Сравнивают с коми-пермяцким *ветлыны*, *ветвыны* — «ходить», «ездить», *ветлан* — «тропинка», «дальняя дорога».

ВИЖАЙ, название нескольких рек в Пермской и Свердловской областях: 1. правого притока р. Березовой, впадающей в Колву; 2. левого притока Вильвы, впадающей в Усьву (бассейн Чусовой); 3. правого притока Лозьвы. Сюда же относится название двух рек Вижаиха в Пермской области (притоки Вишеры и Колвы) с русским суффиксом *иха*.

Название коми-пермяцкого происхождения (*вежай* — «крестный отец» из *вежа* — «святой» и *ай* — «отец») Это объяснение хорошо подтверждается тем, что Вижай, впадающий в Лозьву, по-мансийски называется Ялпынгъя — «Святая река».

Название Вижай — «Крестный отец» может рассматриваться как профилактическое: река должна быть доброй к человеку и заботиться о нем как крестный отец. Можно также видеть в этом слове переосмысление более древнего Вежаю — «Святая река» или даже русскую переделку Вежаю — Вижай.

Возникает вопрос, почему во всех этих названиях вместо *е* находим звук *и*. Дело в том, что в ряде говоров коми языка, в частности, в коми-язьвинских, вместо *вежай* — «крестный отец», *вежань* — «крестная мать» говорят *вижай*, *вижань*. Но в топонимии отражено и *вежай*: на территории Коми-Пермяцкого национального округа в бассейне Косы есть речка Вежаиха.

Продолжение. Начало см. в №№ 1, 2.

ВИЛЬВА, название нескольких рек в Пермской области (притоки Камы, Усьвы, Яйвы и других). Есть еще Глухая Вильва (приток Язвы). В коми-пермяцком языке *виль* — «новый», *ва* — «вода», следовательно, Вильва — «Новая вода». Обилие названий рек с таким значением — своеобразный сюрприз для топонимистов, в других местах этого нет. Наиболее вероятно, что такие названия возникали при освоении края коми-пермяками: вновь открытая река получала название «Новая вода».

ВИЛЬГОРТ, село на правом берегу Колвы (Пермская область). Упоминается в памятниках, начиная с XVI века. Из коми-пермяцкого: *виль* — «новый», *горт* — «дом», «жилище». Следовательно, в целом — «Новый дом».

ВИСИМ, название нескольких рек — левого притока Межевой Утки (Свердловская область), левого притока Камы (Пермская область) и правого притока Северной Сосьвы (Ханты-Мансийский национальный округ). От рек Висим и Утка (Межевая Утка) получил свое наименование рабочий поселок Висимо-Уткинск (Пригородный район Свердловской области).

Все эти названия относятся к территориям, на которых манси живут в настоящее время или жили в недалеком прошлом. Поэтому источник названий, казалось бы, надо искать в мансийском языке, где есть, например, слова *вись* — «малый» и *веси́нг* — «прекрасный», «красивый». Однако сами манси никак не переводят эти названия, поэтому они могут оказаться немансийскими, тем более, что наименование притока Северной Сосьвы по-мансийски звучит Виссум.

Точно таким же образом (Виссум) манси называют и Ушму, правый приток Лозьвы в ее верхнем течении. Возможно, что в слоге *им* (мансийское *ум*) скрывается либо обозначение реки, либо суффикс прилагательного. Если же сравнить Виссум и мансийские названия Лозьвы и Северной Тошемки (Луссум и Томпусум), то возникает мысль, что некогда в каком-то древнем языке существовало слово *сум* — «река». Все это пока, конечно, только предположения.

ВИШЕРА, левый приток Камы в Пермской области и правый приток Вычегды в Коми АССР. Кроме того, есть Вишерка, правый приток Колвы (Пермская область).

Весьма загадочное название особенно потому, что существует еще Вишера в бассейне озера Ильмень (правый приток Волхова в Новгородской области). Знаменитый славист Макс Фасмер пытался отнести все эти названия к славянской и даже более древней — индоевропейской — топонимии, сравнивая их с названием реки Вехра в бассейне Днепра, а также

с немецким Везер (река в ФРГ), которое в старину по-немецки звучало Висура, по-латыни — Висургис.

Эта гипотеза совершенно неприемлема уже потому, что в Приуралье отсутствуют славянские названия для сколько-нибудь значительных рек, да и вообще их там не может быть, так как русские здесь не были коренным населением и начали активно осваивать Приуралье только в XIV—XV веках. К тому же случаи переноса названий рек с новгородских земель на Урал тоже неизвестны.

Может быть, Вишера — мансийское слово? Но, во-первых, манси никогда не жили близ озера Ильмень, а во-вторых, камская Вишера по-мансийски Пасар. Следовательно, не в этом языке надо искать прототип слова Вишера.

Возьмем коми язык. И здесь мы сразу узнаем интересную деталь: оканчивается, коми называют как вычегодскую, так и камскую Вишеру — Висер. Что такое Висер они не знают, но зато специалисты по коми языку давно заметили: элемент *сер* повторяется и в некоторых других названиях рек Приуралья. Так, по-коми Ньывсер — по-русски Нившера, по-коми Тымсер, а по-русски — Тимшер. И ученые заключили, что *сер* в географических названиях обозначает реку и даже попробовали расшифровать первые части названий. Висер из коми: *ви* — «сила», *сер* — «река», Ньывсер из коми: *ньыв* — «пихта», *сер* — «река». Только нет в коми языке никакого слова *сер* — «река». Коми называют реку ю или *ва* (собственно «вода»), маленькие речки и ручьи — *шор*, *ель*.

Как же быть? И вот что выяснилось. В коми языке слово *вой* — «север», «ночь». Отсюда мнение, что Вишера — «река, текущая с севера», или «Полуночная река». Камская Вишера действительно течет с севера. Ну, а остальные? Оказывается, все Вишеры, а также Вишерка текут с севера! Итак, может быть, в этом толковании что-то есть?

Самое главное оставить в покое язык коми. Действительно, как объяснить, почему слово *вой* — «север» сохранилось в бесчисленных речках с названием Войвож — «Северный приток» (есть в Коми АССР в верховьях Ижмы и крупный населенный пункт с таким названием), но перешло в *ви* в названии Вишера. Да и элемент *сер*, как мы уже выяснили, нельзя считать коми словом. Поэтому все сходится на том, что Вишера — не из коми, а из какого-то другого более древнего языка.

Есть предположение, что некогда на обширных пространствах севера жили саами — лопари. Сейчас они обитают только на Кольском полуострове и на севере Скандинавии, но некогда занимали и весь север Архангельской области. Вполне возмож-

но, что саами или их родичи жили и в Предуралье, ведь похожий на саамский топонимический материал обнаруживается даже на Урале.

Но и саами — финно-угры. И вот оказывается, что ответвление реки по-саамски *суэрт*, *сурр*, а ночь — *йый* или *ий*. Другие финно-угорские языки подсказывают, что в начале слова со значением «ночь» мог появиться и звук *в*, так в мордовском языке ночь — *ве*.

Если даже в Приуралье некогда обитали не саами, а только какие-то родственные им финно-угры, то это не меняет сути дела. Очень может быть, что Вишера — «Полуночная (северная) река». Добавим еще, что Бисерть и Бисер, о которых речь шла раньше, тоже текут с севера. Может быть, и они — «Северные реки»? Во всяком случае, и эту версию приходится иметь в виду.

ВИШНЕВОГОРСК, рабочий поселок на севере Челябинской области близ Каслей. Название дано по хребту Вишневые горы (раньше — Вишневые горы). В словаре Н. К. Чупина находим красочное объяснение этого названия: «Все скаты и главным образом юго-восточную безлесную покатость собственно Вишневой горы покрывает дикий вишневик, который растет почти сплошь один, на просторстве нескольких квадратных верст... Здесь в начале августа собирают сотни, даже тысячи пудов ягод».

ВНОВЬ-ЮРМЫТСКОЕ, село в Талицком районе Свердловской области. Название очень любопытно по своей структуре (вместо Новоюрмытское Вновь-Юрмытское!). Н. К. Чупин пишет в своем «Словаре», что Вновь-Юрмытская слобода на реке Юрмыче «название свое получила в отличие от более старой слободы Юрмытской, расположенной в значительном расстоянии к западу на другой реке Юрмыче».

Местные жители рассказывают иное. Сперва деревня Юрмыт была на правом берегу реки Юрмыч, затем «искоренилась», а потом вновь по-

явилась, но уже на левом берегу, и назвали ее Вновь-Юрмытское.

Не менее интересно народное название села — Юрмыт. Хотя в Пышму впадает два левых притока с названием Юрмыч, трудно сказать, какая форма древнее — Юрмыт или Юрмыч, но обе они, особенно первая, удивительно перекликаются с наименованием башкирского племени юрматы и древнененгерского племени дьюрмот или дьермот.

ВОГУЛКА, название многих рек и населенных пунктов в Свердловской и Пермской областях (притоки Сылвы, Дарьи, Большого Шнишма и других), а также крупного левого притока Северной Сосьвы в Тюменской области.

Вогул — бытовавшее некогда среди русских наименование манси, особенно западных и южных. Больше всего географических названий, образованных от этого слова, в верховьях Чусовой, Сылвы, Ницы и Тагила, а также в Верхнем Прикамье.

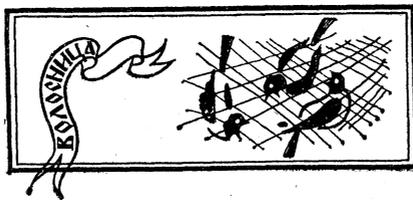
ВОЙКАР, левый приток Оби (Горной Оби), протекающий по территории Ямало-Ненецкого национального округа Тюменской области. В устье — большой пойменный разлив озеро Войкарский Сор и селение Усть-Войкар.

Название реки возникло путем переноса по смежности. Некогда здесь находился югорский («остяцкий») городок Войкар или Ночкой (Ночной), упоминаемый в «Книге Большому Чертежу» (XVII век). Русские явно усвоили это название от коми-зырян, в языке которых *вой* — «ночь», а *кар* — «город». Географические названия со словом *вой* на территории Коми АССР встречаются повсеместно (Войвож, Войю и т. п.). Поэтому Войкар несомненно надо толковать «Северный город» или «Ночной город», что вполне соответствует его географическому расположению в низовьях Оби. Интересно, что ханты называют это место Айвош — «Малый город». По мнению известного финно-угроведа Вольфганга Штейница (ГДР) коми переистолковали хантыйское название.

ВОЛИМ, река в северном Прикамье (притоки Вишеры, Вишерки, Колвы и Косьвы). Нельзя исключить мансийское происхождение этих топонимов (*воль* — «плес», *им* — суффикс прилагательного, то есть «Пле-

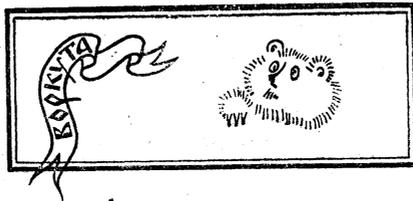
совая»), однако проблема происхождения уральских названий на *им* пока еще не разрешена до конца, поэтому возможны и другие толкования этого топонима.

ВОЛОСНИЦА, левый приток Печоры в ее верхнем течении (Коми АССР). Русское по происхождению название, вероятно, производное от *волос* — «волосатик» (вид водяного червя), который по поверию проникает под кожу людям и животным во время купания и вызывает болезнь. В старину было распространено мнение, что этот волосатик — оживший конский волос. Другие возможные источники названия: *волос* — «силос, употребляемый при ловле птиц», «волосатик, волосенец, волосник и т. п.» — названия различных растений, особенно интересно *волосник болотный* — «белокрыльник».

ВОЛЧАНСК, город на севере Свердловской области близ месторождения каменного угля. До 1956 года — поселок Лесная Волчанка. По правому притоку Сосьвы, реке Волчанке.

ВОЛЬЯ, левый приток Северной Сосьвы (Тюменская область). В переводе с мансийского языка «Плесовая река» (*воль* — «плес», *я* — «река»).

ВОРКУТА, город в Коми АССР, центр угледобывающей промышленности. Находится на реке Воркуте (правом притоке Усы), по которой и получил свое имя. По-ненецки река и город называются Варкута от *варк* — «медведь», *варкута* — «изобилующий медведями» (о местности). Следовательно, Воркута — «Изобилующая медведями». Но почему теперь уже в русском слове Воркута пишется *о* вместо *а*? Это надо спросить у первопроходцев — геологов и топографов. Видимо, сначала записали не точно, потом привыкли, а сейчас уже никто и не поверит, что надо бы писать Варкута.

ВОРЬЯ, значительный правый приток Тапсуя (Тюменская область). Это же название имеет еще несколько рек в бассейне Северной Сосьвы и в бассейне Тавды (Свердловская область). Из мансийского: *вор* — «лес», *я* — «река», то есть — «Лесная река».

ВСЕВОЛОДО-БЛАГОДАТСКОЕ, село на севере Свердловской области близ города Североуральска и **ВСЕВОЛОДО-ВИЛЬВА**, рабочий поселок в Пермской области близ города Александровска.

Поскольку село Всеволодо-Благодатское находилось некогда «в южной части Заозерской дачи господ Всеволожских» (Н. К. Чупин), а Всеволодо-Вильвенский железодобывающий завод основан в начале XIX века теми же Всеволожскими, есть повод думать, что в этих названиях отражена фамилия уральских заводчиков Всеволожских или имя Всеволода Всеволожского.

О второй части названия смотрите **БЛАГОДАТЬ** и **ВИЛЬВА**.

ВЫЯ, название четырех рек в горной части Среднего Урала (притоки Тагила, Туры, два притока Салды, впадающей в Туру). Кроме того, есть река Выя в Тюменской области (Нижнее Прииртышье).

Чаще всего сравнивают с финно-угорскими словами со значением «масло», «жир» (мансийское *вой*, коми *вый*). Но толкование «Масляная (река)» оправдано только в том случае, если в реках с таким названием по тем или иным причинам действительно появляются масляные пятна. Это не проверено, поэтому предложенная этимология не доказана.

Один из значительных притоков Пинеги в Архангельской области тоже называется Выя. Название это саамского происхождения (*выйэ* у йокангских саамов «ручей», в других диалектах — *вуай, вуэй, вуой, ой*). Возможно, что и на Урале некогда обитали какие-то племена, близкие к саамам, и название Выя принадлежит им. Впрочем, слово со значением «масло», «жир» в разных саамских диалектах звучит очень близко к мансийскому и коми словам — *вуой, вуй, вый*. Это усложняет проблему.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Перстень

См 2-ю стр. обложки

**Евграф
КОНЧИН**

Перстень был куплен графиней Е. К. Воронцовой не то в 1823, не то в 1824 году в южной лавчонке. Массивный, золотой, витой формы, грубоватой работы с большим восьмигранным сердоликом, на котором были начертаны... «слова святые». Выгравированные на сердолике слова расшифрованы были только в 1880 году, и смысл их разочаровал многих обожателей мистического культа пушкинского талисмана. Надпись переводилась с еврейского языка буднично: «Симха, сын почтенного Рабби Иосифа, да будет благословенна его память». Всего-навсего, и никаких заклинаний!

Но тогда, в 1824 году, когда Елизавета Ксаверьевна Воронцова на даче Рено, что в двух верстах от Одессы, «в сладкий час вечерней мглы» вручала перстень молодому влюбленному поэту, она серьезно надеялась на его волшебную силу и хотела сим талисманом оградить друга

**«...От преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья...»**

Да и сам Александр Сергеевич верил в необычные свойства подарка графини. Он был в чем-то суверен. Его приятель С. А. Соболевский написал даже статью «Таинственные приметы в жизни Пушкина».

Кстати, Сергей Александрович Соболевский мог бы оставить ценнейшие и интереснейшие воспоминания о Пушкине, не о приметах, конечно, а о самом поэте. Мог бы, но не оставил.

Пушкин любил перстень, очень дорожил им, связывая его предназначение с удачами своими и печалью. Будучи в Михайловском, он просит брата Льва Сергеевича в октябре 1824 года: «Пришли мне... перстень — мне грустно без него».

Магическим кольцом запечатаны многие пушкинские письма, отпечатки его имеются на рукописях поэта. С ним связано рождение чудесных поэтических произведений — «Талисман», «Сожженное письмо».

**«Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волнения,
Ты в день печали был мне дан...»**

Последнюю строку мог бы произнести и Василий Андреевич Жуковский: в скорбный январский день 1837 года умирающий поэт завещал ему знаменитый перстень.

Но ему ли? Есть и другие мнения. Вот что пишет В. И. Даль: «Мне досталась от вдовы Пушкина дорогой подарок: перстень его с изумрудом, который он всегда носил последнее время и называл — не знаю почему — талисманом...»

А В. А. Жуковский говорит другое: «Печаль моя есть так называемый талисман,— сообщает он С. М. Саковину,— подпись арабская, что значит, не знаю. Это Пушкина перстень, им воспетый и снятый мною с мертвой руки его. Прости».

Так же утверждает и И. С. Тургенев. В музее А. С. Пушкина хранится собственноручная записка Ивана Сергеевича:

«Перстень этот был подарен Пушкину в Одессе княгиней Воронцовой. Он носил почти постоянно этот перстень (по поводу которого написал свое стихотворение «Талисман») и подарил его на смертном одре поэту Жуковскому. От Жуковского перстень перешел к его сыну, Павлу Васильевичу, который подарил его мне. Иван Тургенев. Париж. Август. 1880».

Журналист В. Б. Пассек записал беседу с писателем об этой реликвии: «Я очень горжусь обладанием пушкинского перстня,— сказал Иван Сергеевич,— и придаю ему, так же как и Пушкин, большое значение. После моей смерти я бы желал, чтобы этот перстень был передан графу Льву Николаевичу Толстому, как высшему представителю русской современной литературы, с тем, чтобы, когда настанет и «его час», гр. Толстой передал бы мой перстень, по своему выбору, достойнейшему последователю пушкинских традиций между новейшими писателями».

После смерти Ивана Сергеевича Полина Виардо посылает в 1887 году национальную драгоценность Пушкинскому музею Александровского лица.

Так кто же прав: В. И. Даль или же В. А. Жуковский и И. С. Тургенев?

Ошибся Владимир Иванович Даль. Он получил другое кольцо, не талисман. Ведь как-никак, а заветный пушкинский перстень в музей пришел от Тургенева. А кольцо поэта, которое досталось Далю, ныне находится в музее А. С. Пушкина и видно, что это не подарок графини Воронцовой. От наследников В. И. Даля это кольцо перешло к великому князю Константину Константиновичу, а меценат завещал его Пушкинскому Дому.

А вот пушкинское кольцо с бирюзой, которое находилось у его секунданта К. К. Данзаса, потеряно. Как-то зимой, в 1850-х годах, Константин Карлович, снимая перчатку на улице, обронил кольцо в снег и не смог его разыскать.

Какова же дальнейшая судьба перстня-талисмана? Он был украден из музея!

В небольшой заметке в газете «Русское слово» 23 марта 1917 года сообщалось: «Сегодня в кабинете пушкинского музея, помещающегося в здании Александровского лица, обнаружена кража ценных вещей, сохранившихся со времен Пушкина. Среди похищенных вещей находится золотой перстень, на камне которого была сокращенная надпись на древне-еврейском языке».

Вещи украл лицейский дядька и продал их первому попавшему старьевщику за какую-то мизерную сумму. Неопытный вор быстро сообразил. Бросился разыскивать старьевщика. Нашли его. Вернули все похищенные вещи... кроме заветного перстня! Кому-то успел старый плут его отдать. Или — спрятать. Так и не дознались. Да и кольцо серьезно не искали. Бурные события свершались в стране — не до розысков именитых перстней было.

Газетная информация о происшествии осталась почти незамеченной и быстро забылась. Администрация же, боясь огласки, постаралась забыть дело о краже. Вместо подлинного перстня положили на витрину весьма неуклюжую подделку. Открылся обман лишь несколько лет спустя. При издании книги «Пушкинский музей» знаток вещей поэта профессор И. А. Шляпкин сразу увидел большую разницу между известными отпечатками пушкинского перстня и отписками, сделанными с кольца, которое выдавали за талисман. Открылся-то обман открылся, но было уже поздно искать реликвию.

А, может быть, и сейчас не поздно? Может быть, не такое уж это безнадежное дело? Как сообщила Людмила Петровна Февчук, автор ныне редкой книги «Личные вещи А. С. Пушкина», следы талисмана будто бы отыскались в Италии...

СДЕЛАЙ САМ

Василий
БАШКОВ

Рисунок
М. Паукера

Ранним июньским утром жители райцентра Топольки стали свидетелями необычайного явления. Что-то похожее на огромную летучую мышь с диким воем и гулом пронеслось над окраиной, сшибло телевизионную антенну над домом механика Шестеренкина, швырнуло стаю голубей к облакам, закружилось над автобусной станцией.

Одна бабуля приостановилась на дороге, занесла было руку перекреститься, но, спохватившись, только махнула и пошла отмерять батожком свои заботы.

— Юрка Икаров!.. Отдаю на рассечение свой техталон! — рычал человек в каске мотоциклиста, подпрыгивая и аплодируя желтыми крагами. Автоинспектор Знаков, шагавший на дежурство, остановился, широко расставив ноги, что-то кричал, грозил увесистым кулаком недосыгаемому нарушителю и свирепел от беспомощности. Вокруг дребезжали стекла и хлопали калитки.

Произошло же все от того, что Юрий Икаров разуверился в возможности выиграть по лотерее какую-либо автомашину и с фантастическим упорством начал делать автомобиль своими руками.

Для этого у него имелось все. Его сарайчик годами набивался отслужившими и приобретенными по знакомству деталями автомобилей, тракторов, лобогреек, силосорезок, жнеек и так далее. Да и у самого голова набита не мякиной, а руки — слесаря-высокоразрядника.

«Авто-амфибии», «Авто-малютки» — творения умельцев, которые он видел на снимках с выставки технического творчества, — распалили его воображение, лишали сна. И он решил создать машину бесподобной конструкции — легкую, как полет чайки, быструю, как лань, с упрямством ваньки-встаньки, в любых случаях принимающую единственное устойчивое положение.

Никто не знал, сколько времени потратил Юрий на обдумывание, проектирование и окончательное воплощение своего замысла. Все делалось подальше от дотошных глаз, за глухим забором своего дворика. А когда детище его было готово и поблескивало голубым лаком, трудно

было найти в нем сходство с его предшественниками и родоначальниками. Это был своеобразный автогибрид.

Приятель Юрия киномеханик Фарин затемно отбуксировал гибрида своим мотоциклом за огорода, туда, где когда-то был ипподром, и еще сохранились едва заметные беговые дорожки.

С рассветом Юрий занял место водителя под широким откидным тентом. Он покрутил руль, подергал рычаги, потрогал кнопки и нажал педаль. Автогибрид фыркнул, чихнул, испустив клубы дыма. Запахло горелой резиной. Потом гибрида вдруг рассерженно прыгнул, как блоха, сначала вперед, потом назад. Затем сорвался с места и разъяренно понесся вдоль бывших трибун.

Уже на первом круге Юрий почувствовал, что достигает звукового барьера. Разорванный тент оглушительно хлопал над его головой.

— Вот это раскочегарил, так раскочегарил! — восхищенно крикнул Фарин, когда Юрий пронесся мимо него.

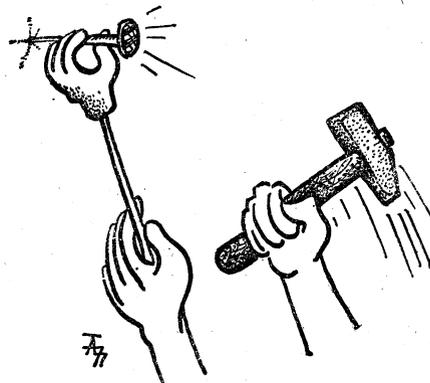
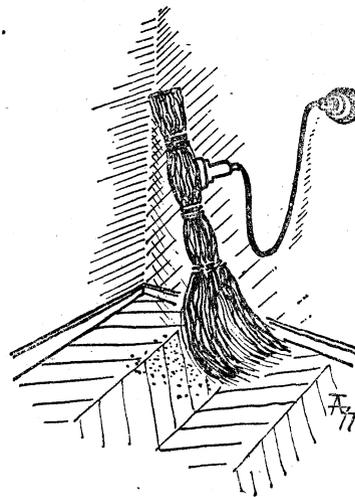
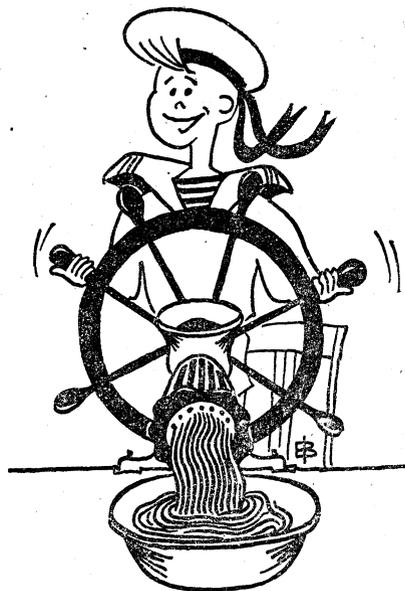
На втором круге с Юрия сорвало кепку. На мгновение перед Фариным мелькнуло перекосенное отчаянием лицо несравненного конструктора. Он озверело рвал рычаги. Но от этого гибрида несся еще быстрее.

— Скорость, скорость гаси! Сцепление! То-о-ормоз!! — кричал Фарин.

К ужасу своему Юрий вдруг почувствовал, что оторвался от земли и летит уже над телефонной линией. Пронесся вблизи дымящих труб родного завода. Мельтешат рябью шиферные крыши строений...

Наконец он овладел управлением и, уже снижаясь, высматривал место для посадки. Но тут увидел бегущего от пруда с удочкой в руке руководителя БРИЗа Степана Сидоровича Храпова. Того самого товарища Храпова, истуканистого, глыбисто-холодного, который заморозил три его предложения и одно изобретение. Запрокинув сверкающую лысиной голову, он махал шляпой, потом споткнулся и упал на колени. Это и толкнуло Юрия мгновенно сделать крутой вираж и снова взмыть вверх. Нет, он не полетит в гавк с жалобой на Степана Сидоровича, он подчинится и автоинспектору Знакову — приземлится обязательно. Просто ему, окрыленному успехом, еще раз очень уж захотелось поглядеть с высоты на товарища Храпова, стоявшего на коленях с умоляюще поднятыми руками, поглядеть с вышины, какой он теперь маленький-маленький, похожий на Чебурашку.

УМЕЛЫЕ РУКИ — МАМАМ

Рисунки
В. Елистратова (г. Пенза),
А. Андреева (г. Херсон)

Две «Авроры»

Кому не известен легендарный крейсер «Аврора», выстрелом возвестивший миру о начале Октябрьской революции! Это был один из лучших для своего времени и класса корабль — водоизмещением 731 тонна, развивающий скорость 19 узлов, имеющий 10 шестидюймовых и 20 трехдюймовых орудий. Крейсер был спущен на воду в 1900 году.

У революционной «Авроры» был достойный предшественник — фрегат «Аврора», сошедший со стапелей в 1835 году. Под командованием капитана И. Н. Изильметьева фрегат доблестно участвовал в обороне от англо-французской эскадры Петропавловска-Камчатского в 1854 году. В 1861 году отслуживший свое, устаревший деревянный парусник разобрали. А в 1897 году взамен ему на стапелях Адмиралтейского завода заложили новый современный крейсер.

Породнился кедр с сосной

На делянках Билимбаевского лесхоза, что в Свердловской области, растут необычные хвойные деревья: внизу — раскидистые сосновые лапы, а наверху — пышная шапка кедровых ветвей. Это — гибрид кедра и сосны.

Кедр — коренной сибиряк. Однако он издавна рос и растет до сих пор на Урале. С вырубкой лесов кедров остались одиночками, и под напором ветра не устояли — корни у них расположены неглубоко от поверхности земли.

Вот и задумались лесоводы над вопро-

сом: а нельзя ли надежно укоренить кедр? Оказывается, можно. В качестве подвоя использовали посадки сосны 1957 года. У сосны корни пластичные, уходят в землю глубже. И сама она — дерево неприхотливое.

Известно, что кедр начинает плодоносить не ранее 50—60-летнего возраста, а привитый на сосну станет давать орешки через 15—20 лет. Кедр живет в 3—4 раза дольше сосны, ели, пихты. Гибрид двух хвойных деревьев приобретет и это новое ценное качество.

Синтетическая бумага

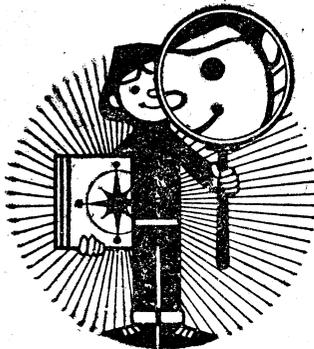
Хекозин — это синтетическая бумага, состоит она из трех компонентов — пластмассы, целлюлозы и связующих веществ. От того, в какой пропорции взяты эти три материала, зависит качество и свойства хекозина. Иначе говоря, синтетическую бумагу можно делать с заранее заданными свойствами.

Непрозрачный и гладкий, хекозин выгодно отличается от обыкновенной бумаги. На нем можно писать, например, не только под дождем, но даже и под водой. Хекозин найдет самое широкое применение.

Технологию изготовления синтетической бумаги разработали ученые ГДР. Хекозин делается на двух бумажных фабриках республики.

МИР

НА ЛАДОНИ

Совет да любовь

Молодой художник из Павлодара Владимир Мартыненко увлекается скульптурой малых форм. Он дважды принял участие во Всероссийских выставках. Некоторые его медали была замечены критикой, хорошо приняты горожанами. Вот, например, две работы Мартыненко — «Павлодар индустриальный» и овальная медаль в виде стилизованного яблока с надписью «Совет да любовь» на русском и казахском языках для Дворца бракосочетаний в Павлодаре.

Эдуард СОКОЛКИН

Фото автора

Сделано

из крапивы

Крапива, оказывается, не зловреднейший сорняк, а уникальное растение.

Гурманы, например, считают, что нет ничего вкуснее ранней весной зеленых щей, ботвиньи и салата из молодой крапивы. В старину крапиву заготавли-

ли на корм скоту, причем свиньям и птицам ее добавляли в корм непременно — она им необходима. Из корней крапивы получали желтую краску, из листьев — зеленую. Из семян били вкусное масло. Из волокон крапивы выделывали прочнейшие веревки и канаты, плели рыболовные снасти. Из крапивной ткани шили не только одежду, но и паруса — настолько она была прочна.

Диплом Хивре

Забавные персонажи из русских сказок совершили уже не одно путешествие в далекие страны. Ониплыли на комфортабельном теплоходе в Монреаль, летели на реактивном самолете на Кубу, мчались в автофургоне в Тегеран...

Знакомых нам с детства сестрицу Аленушку и братца Иванушку, нежного Леля и Хозяйку Медной горы встречали почтительными поклонами в странах Азии. На выставках в Европе к ногам толстушки Хиври, бабы-яги, смешной модницы и задумчивой вязальщицы были положены почетные дипломы...

Всех этих маленьких смешных кукол сделали юные художники — кружковцы ленинградских Дворцов пионеров.

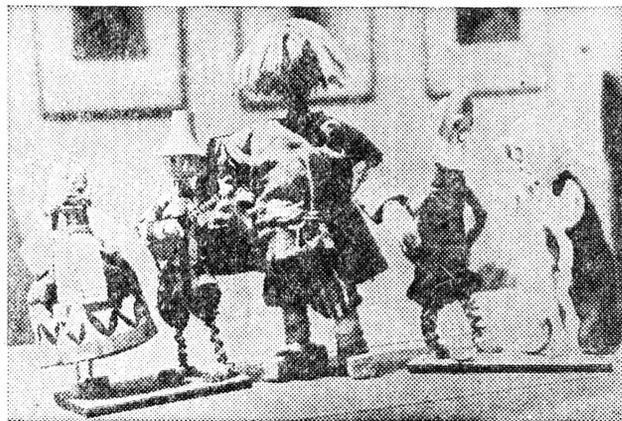
На снимках: «Влюбленные», «Иванушка-дурачок», «Старик со старухой» из сказки «Курочка-ряба».

Бизнес на улитках

Англичанин Кристофер Хьюстон долгое время был обладателем самой большой в мире улитки — вес ее равнялся 581 грамму. Джеронимо, так звали улитку, показывали по телевидению, снимали для рекламы...

После того, как улитка скончалась, Хьюстон не захотел смириться с тем, чтобы его имя было вычеркнуто из «Книги мировых рекордов». Он отправился в Западную Африку на поиски гигантской улитки. Впрочем, Хьюстоном двигало еще одно дело. Он получил заказ от фирм на поставку по 200 тысяч улиток в год. Это вызвало беспокойство зоологов: не попадут ли тогда африканские улитки стараниями прыткого англичанина в «Красную книгу»!

Пифагор на ринге

Известно, что спортом занимались знаменитые философы и мыслители — Аристотель, Сократ, Платон, полководец Юлий Цезарь. Неоднократным чемпионом Олимпийских игр по боксу был Пифагор. Впоследствии, защищая свой город с мечом в руках, великий математик погиб, тогда ему было 82 года.

Конным и пешим спортом, охотой, велосипедом увлекался Лев Николаевич Толстой. Кстати, он был почетным председателем Русского общества велосипедистов.

Писатель Владимир Алексеевич Гиляровский был и знаменитым спортсменом-гиревиком, он участвовал в международных первенствах.

Великий физиолог Иван Петрович Павлов до глубокой старости был непревзойденным городошником.

Автор чудесной сказки «Три толстяка» Юрий Олеша был одним из пионеров футбола в нашей стране.

О жизни Шекспира, его увлечениях, к сожалению, достоверного известно мало. На портрете XVII века он изображен за игрой в шахматы. Совсем недавно вдруг обратили внимание на расстановку фигур на доске. Шахматные специалисты определили: в создавшейся позиции Шекспир объявляет противнику мат в два хода. С помощью компьютера установили, что в наше время Шекспир мог рассчитывать, по крайней мере, на звание мастера спорта по шахматам.

На шкурах в море

Плавучих средств, которые используют рыбаки разных стран мира, существует множество — плоскодонки, моторные катера, плоты, надувные лодки... А вот рыбаки северо-западной провинции Пакистана делают лодки из буйволовых кож. Деревянную раму связывают тростниковыми канатами, прикрепляют к ней надутые и прочно зашитые шкуры — и судно готово.

Понтон получается отменный: легкий, маневренный, бесшумный и — как предмет своеобразной гордости — не похожий ни на что другое.

Музей в лесу

Свердловск, как никакой другой миллионный город, со всех сторон вплотную окружен лесами. Площадь Свердловского горлесхоза составляет 12 тысяч гектаров! Это, в основном, — места отдыха горожан, лесопарки. Здесь есть и беседки, и скамейки, и аллеи-тропинки, благоустроенные родники. Но есть и грибы, белки — лес остается лесом, хотя он и культурный.

В последнее время стало модным украшать лесопарки деревянными скульптурами, устраивать в них сказочные городки. Настоящие лесные музеи созданы в Прибалтике, в Брянске.

И в пятнадцать свердловских лесопарках появились скульптурные изваяния. Их авторы — лесники, рабочие лесхоза. «Руслан», «Крокодил Гена с Чебурашкой», «Медведь и Машенька», «Русалка», «Леший», бажовские «Хозяйка Медной горы», «Данила-мастер», «Кокованя с Даренкой», «Великий Полоз», «Ермаковы лебеди», сделанные лесниками Е. Ларионовым и Г. Пришвицыным, — множество других сказочных персонажей расселились по городским лесам.

Особенно отличился на новом для себя поприще электрик Центрального лесничества В. Илюкин. Сейчас он вырубает Ермаковский городок. Скульптура самого Ермака Тимофеевича уже готова.

Деревянная скульптура свердловских лесопарков экспонировалась на Выставке достижений народного хозяйства в Москве. Г. Пришвицын удостоен медали ВДНХ. Свердловскому горлесхозу была присуждена первая премия республиканского смотра-конкурса.

Подлинные произведения искусства были созданы для свердловского лесопарка имени Лесоводов России. По эскизам молодого художника Валерия Гаврилова преподавателя лесотехнического института Валентин Чернов и Геннадий Повод изваяли из могучих четырехпятиметровых кряжей 17 скульптур.

Бог ветра Борей, «Суеверие», «Шаман», «Любовь», «Человек-светоч, держащий в руках солнце», «Грифы, стерегущие золото», «Рудокоп», «Жница»... — все эти скульптуры отражают жизнь древних жителей Рифейских гор.

Эпиграфом ко всей экспозиции взяты слова Ф. Энгельса — «Уважение к древности есть признак истинного просвещения».

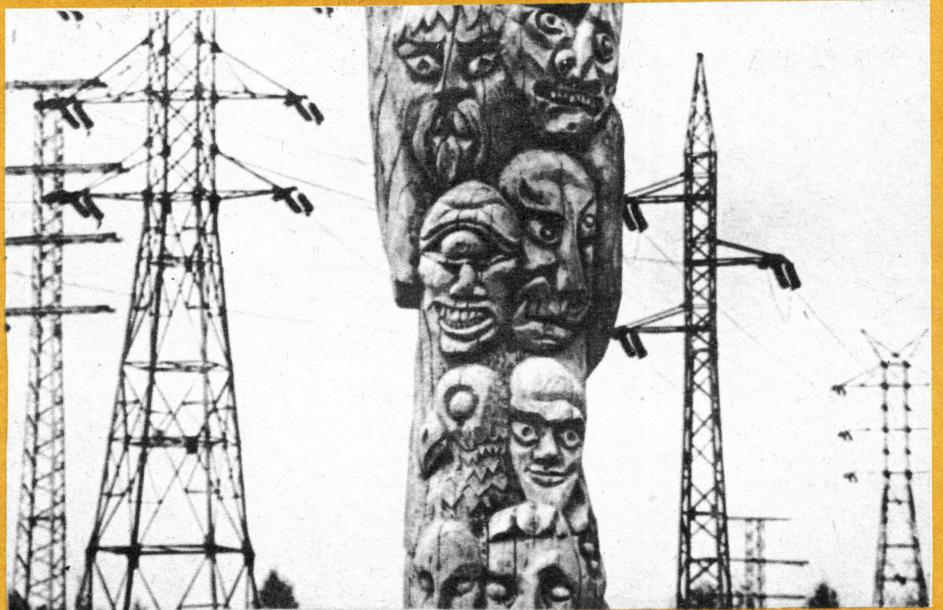
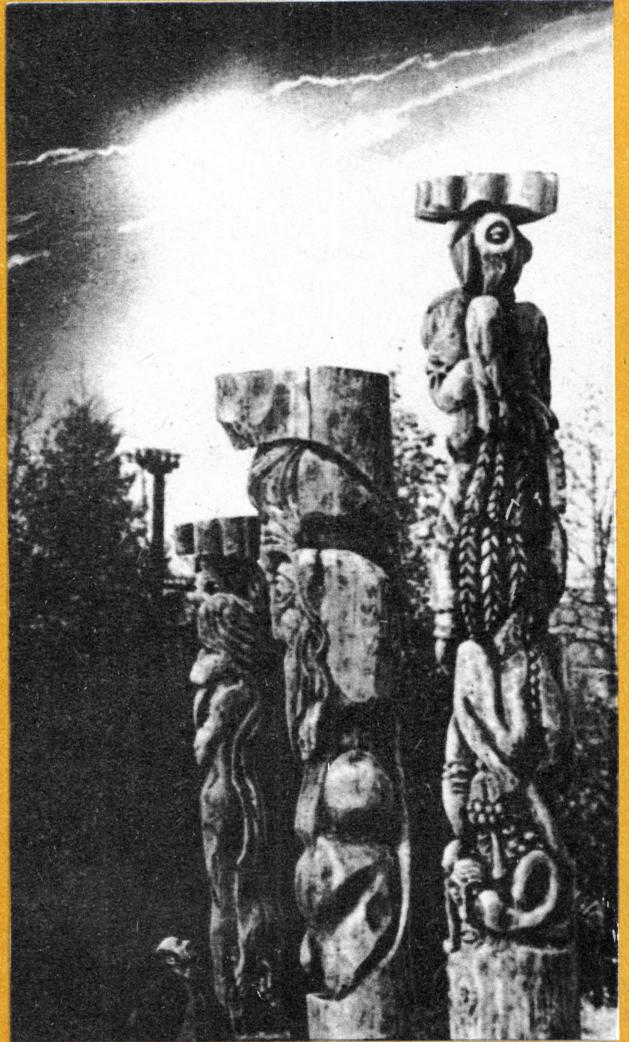
Все скульптуры установлены на бетонных основаниях, дерево обработано фтористым натрием, покрыто специальным лаком. И весь комплекс, как предполагают, при этом сохранится многие десятилетия.

Лесопарк имени Лесоводов России стал теперь местом паломничества свердловчан. Все едут сюда, на аллею скульптур.

Исторический комплекс — только первая страница лесного музея. Мы предполагаем продолжить скульптурную летопись края. Будут отражены все этапы истории — до наших дней, до покорения космоса...

Александр КИЛЬЯКОВ,
директор Свердловского горлесхоза

*Снимки на 3-й стр. обложки
Александра Лысякова*

Каслинские конверты

Министерство связи СССР издало 10 художественных маркированных почтовых конвертов с изображением чугунных статуэток каслинских мастеров. На них воспроизведены такие известные статуэтки как «Конь с попоной» и «Конь в изгороди» П. К. Клодта, автора знаменитых коней на Аничковом мосту в Ленинграде, «Джигитовка» и «Про-

щание казака» Е. А. Лансере, «Токующий глухарь» Н. Р. Баха, автора памятника Пушкину, установленного у Лицея.

На других конвертах — «Дон Кихот» Жана Готье, «Косули» Вангена, «Зарема» Е. А. Янсон-Манизер...

Фото Алексея Нагибина